

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2025

Том 25

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Гапоненков А. А., Гущин Я. Д. «Кажется, как будто попал в Саратов...»: С. Л. Франк в письмах к жене из Латвии в 1928 г. 164

Тонковидова А. В., Орлов М. О. К вопросу установления параметров определения философской школы 176

Мархинин В. В. Концепция гражданского гуманизма в историографии Ренессанса: полемика вокруг концепции Ханса Барона 181

Агапов И. О. Смысл в жизни в его отношении к будущему: модель социально-философского анализа 187

Мокяня А. Т., Филимонова О. Ф. Разграничение понятий «нация» и «этнос» посредством типологии национализма 192

Психология

Проничева М. М., Кабанова Т. Н., Баженова Д. А. Возрастная специфика индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций курсантов Юнармии 196

Авакян И. Б. Психологический климат кафедры как предиктор педагогического консерватизма преподавателя вуза 204

Романова Н. М. Связь психологической суверенности и особенностей дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста 212

Левит С. В. Субъективные представления женщин о семейных функциях и ролях 217

Педагогика

Иванько Н. А., Косырев В. П. Среднее профессиональное образование в России: прежние вызовы и новые цели государственной политики 226

Курзаева Л. В. Интеграции акмеологического и проектного подходов для формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе 233

Андиева Ю. Р. Диагностика качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию 239

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Философия. Психология. Педагогика"» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна
Редактор
Коренева Татьяна Андреевна
Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович
Верстка
Пермяков Алексей Сергеевич
Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич
Корректор
Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.09.2025.
Подписано в свет 30.09.2025.
Выход в свет 30.09.2025.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 9,99 (10,75).
Тираж 100 экз. Заказ 85-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегиями серии: aporia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

Gaponenkov A. A., Gushchin Y. D.

"It seems as if I got to Saratov...": S. L. Frank in the letters to his wife from Latvia in 1928 164

Tonkovidova A. V., Orlov M. O.

On the issue of establishing the parameters for defining a philosophical school 176

Markhinin V. V.

The concept of civic humanism: Polemics about the "Baron thesis" in the Renaissance studies 181

Agapov I. O.

The meaning of life in its relation to the future: A model of socio-philosophical analysis 187

Mkoyan A. T., Filimonova O. F.

Differentiation of the concepts of "nation" and "ethnos" through the typology of nationalism 192

Psychology

Pronicheva M. M., Kabanova T. N., Bazhenova D. A.

Age specificity of individual psychological characteristics and value orientations of Yunarmiya cadets 196

Avakyan I. B.

Psychological climate of the department as a predictor of pedagogical conservatism of a university teacher 204

Romanova N. M.

The relationship between psychological sovereignty and the peculiarities of dysfunctional relationships in the parental family in youth-aged individuals 212

Levit S. V.

Women's subjective views of family functions and roles 217

Pedagogy

Ivanko N. A., Kosyrev V. P.

Secondary vocational education in Russia: Previous challenges and new goals of state policy 226

Kurzaeva L. V.

Integration of acmeological formative and project approaches for the competitiveness of future IT specialists in the university 233

Andieva Yu. R.

Diagnostics of the quality of project competence formation in future geography teachers using the reflective-assessment criterion 239

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ:
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Гущин Ян Денисович, кандидат филос. наук, старший преподаватель (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, доктор искусствоведения, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор, профессор РАО (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

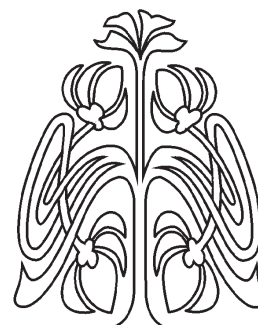
Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yan D. Guchshin (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)

Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Vladimir B. Ustyantsev (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 164–175

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 164–175

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-164-175>

EDN: AQMUAX

Научная статья

УДК 1(470+571)(09+093.3)+929Франк+929

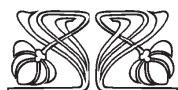
«Кажется, как будто попал в Саратов...»: С. Л. Франк в письмах к жене из Латвии в 1928 г.

А. А. Гапоненков✉ Я. Д. Гуцин

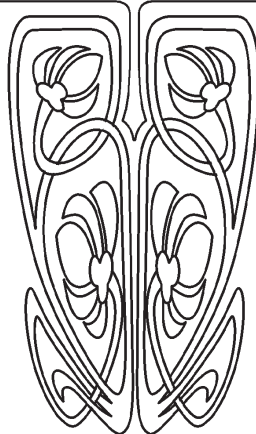
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gaпоненkova@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Гуцин Ян Денисович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки, guschin_yd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1163-5381>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Введение. Из богатейшего эпистолярного наследия Семёна Людвиговича Франка, адресованного жене Татьяне Сергеевне Франк (урожд. Барцовой, 1886–1984), публикуются восемь писем 1928 года, связанных с лекционным туром философа в Прибалтике – в Риге и Двинске (ныне Даугавпилс). **Теоретический анализ** позволяет сделать вывод о том, что эти письма отражают повседневность русской эмиграции первой волны в сравнении с прошлым дореволюционным укладом жизни: встречи с соотечественниками в новом прибалтийском государстве, религиозные идеи, проблемы русской и европейской культуры, «духовное оздоровление». Особое внимание уделяется театральному событию: постановка пьесы Михаила Булгакова в Риге становится важным символом культурной связи между прошлым и настоящим. **Заключение.** Франк делится впечатлениями о жизни в независимой Латвии, сравнивая её с дореволюционной Россией, Саратовом. Именно в рижском Театре русской драмы ставится спектакль Михаила Булгакова «Братья Турбины», вызвавший восхищение философа. Память его возвращается к Саратову и волжской провинции, оставленных им навсегда в годы Гражданской войны. Личные переживания, лекционная деятельность, круг общения, семейные заботы, бытовые трудности создают целостный образ автора писем, размышляющего о духовных задачах современности.

Ключевые слова: русская философия, С. Л. Франк, эпистолярный жанр, письма к жене, русское зарубежье, Саратов и Рига, лекционная деятельность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00974).

Для цитирования: Гапоненков А. А., Гуцин Я. Д. «Кажется, как будто попал в Саратов...»: С. Л. Франк в письмах к жене из Латвии в 1928 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 164–175. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-164-175>, EDN: AQMUAX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

"It seems as if I got to Saratov...": S. L. Frank in the letters to his wife from Latvia in 1928

A. A. Gaponenkov ✉, Y. D. Gushchin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gaponenkov, gaponenkova@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Yan D. Gushchin, gushchin_yd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1163-5381>

Abstract. Introduction. Eight letters of 1928, related to the philosopher's lecture tour in the Baltics – in Riga and Dvinsk (now Daugavpils) – are published from the rich epistolary collection of Semyon Ludvigovich Frank, addressed to his wife Tatyana Sergeevna Frank (nee Bartseva, 1886–1984). **Theoretical analysis** allows us to conclude that these letters reflect the everyday life of the first wave of Russian emigration in comparison with the previous pre-revolutionary way of life: meetings with compatriots in the new Baltic state, religious ideas, problems of Russian and European culture, "spiritual healing". Particular attention is paid to a theatrical event: the production of Mikhail Bulgakov's play in Riga becomes an important symbol of the cultural connection between the past and the present. **Conclusion.** Frank shares his impressions of life in independent Latvia, comparing it with pre-revolutionary Russia and Saratov. It was at the Riga Theatre of Russian Drama that Mikhail Bulgakov's play "The Turbin Brothers" was staged, which aroused the philosopher's admiration. His memory went back to Saratov and the Volga province, which he had left behind forever during the Civil War. Personal experiences, lecturing activities, social circle, family concerns, and everyday difficulties create a holistic image of the author of letters, who is reflecting on the spiritual tasks of modern times.

Keywords: Russian philosophy, S. L. Frank, epistolary, letters to his wife, Russian diaspora, Saratov and Riga, lecturing activities

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00974).

For citation: Gaponenkov A. A., Gushchin Y. D. "It seems as if I got to Saratov...": S. L. Frank in the letters to his wife from Latvia in 1928. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 164–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-164-175>, EDN: AQMUAX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ранней весной 1928 года С. Л. Франк читал публичные лекции в городах Прибалтики (Рига, Двинск, Ревель, Дерпт, Ковно) [1; 2, с. 82–87; 3, с. 101–177]. В Риге они были организованы Русским просветительным обществом (председатель правления Е. М. Тихоницкий), Христианским союзом молодых женщин (YWCA, секретарь Т. Ф. Баймакова) в рамках «Недели духовного оздоровления». Франком были прочитаны лекции «Наука о чудесах» (29 февраля), «Новое варварство (стиль нашего времени)» (2 марта), «Религиозные основы общественности» (4 марта). Дополнительно философа пригласили выступить в Латвийском университете («О смысле жизни», 1 марта) и в местном евразийском кружке (3 марта). О содержании лекций можно частично судить по сохранившемуся тексту их аннотаций, составленных Франком примерно в 1925–1926 гг. Близкие ему философские темы, объединенные в популярный цикл, предназначались для чтения во время поездок по странам Европы:

Судьба России

Судьба России и исторический перелом Европы. – Значение судьбы России как опытной проверки общественных идей. – Духовный кризис нашего времени. – Крушение кумиров.

– Кризис гуманизма. – Проблема России и Европы. Об истинных и ложных основах культуры.

Новое варварство

Послевоенная эволюция быта и признаки нового варварства. – Стиль нашего времени. – Основные моменты современной жизни: спорт, состояние умственной культуры, новые танцы, новая форма эротики, кино и театр, стиль современной политической жизни (фашизм и социализм). Новое варварство и его своеобразие. Его опасности и его здоровые элементы. – Практические духовные задачи нашего времени.

Наука о чудесах

Научное изучение так называемых оккультных явлений. – Труды Рихса, Бергсона, Дриша и др. – Парапсихология и парапсихифика. – Типы оккультных явлений: ясновидение, телепатия, самопроизвольное движение, материализация. – Экспериментальный круг оккультных явлений и гипотезы об их природе. – Спиритизм. – Оккультизм и мистика. – Религиозное увлечение оккультизмом и его опасности. – Мистика низшая и высшая. – Теософия и антропософия. – Научное и псевдорелигиозное отношение к оккультизму.

Религиозные основы общественности

Современный духовно-общественный кризис. Исторический релятивизм и идея веч-

ных основ общественности. Экон<омический> материализм и духовные основы общества. – Принцип служения. – Принципы солидарности и свободы. – Аристокр<атия> и демократия, их ложные притязания и истинный смысл. – Религиозный смысл общественности¹.

Теоретический анализ

Франк приехал в Ригу 29 февраля и поселился в квартире, сообщив жене Татьяне Сергеевне: «Тут, конечно, настоящая провинциальная Россия; квартира, как самая плохонькая и убогая саратовская. <...> Сейчас не могу описать впечатлений; голова идет кругом, да я еще ничего не видал. Кажется, как будто попал в Саратов и сижу у какого-нибудь саратовского обывателя». 2 марта Франк высказался по-другому: «Здесь у меня хорошие впечатления. Рига – прекрасный русский губернский город, много лучше Саратова. Но главное – русские. Как здесь относятся ко мне и вообще к русским ученым – немножко дает почувствовать, как было бы, если бы мы оставались в России в прежнем положении». Ассоциация эта не случайная и, по-видимому, объясняется не только пребыванием супругов в губернском городе Саратове в 1917–1921 гг., теми трудностями, с которыми они столкнулись. В 1910-е годы многие гости Саратова, увидев его прямые улицы, по преданию прочерченные на новом плане города самим Александром I, немецкую архитектуру, новую Соборную площадь с присутственными местами, лютеранской кирхой (в которой Франк и его жена венчались в 1908 г.), двумя православными храмами, архиерейским корпусом, консерваторией, «Липками», припоминали Ригу.

Так, В. В. Розанов, проплыв на волжском пароходе «Гоголь» пароходного общества «Самолет» и побывав в Саратове в 1907 г., в путевых очерках «Русский Нил» писал: «В самом деле, это столица нижней Волги. Едва мы сошли на берег, как впечатления именно столицы пахнули на нас. Чистота и ширина улиц, прекраснейшие здания, общая оживленность, роскошный городской сад, полный интеллигентного

люда, – все это что-то несравнимо не только с другими приволжскими городами, но и с такими огромными средоточиями волжской жизни, как Нижний Новгород в Казань. Из всех русских городов, виденных мною, он мне всего более напомнил Ригу, но только это чисто русский город, “по-рижски” устроившийся. И в этой подобранности и величайших усилиях стать “европейским”, кажется, большую роль сыграли богатые литературные и общественные традиции Саратова. Это – родина Чернышевского, Пыпина и вообще “движения шестидесятых годов”...» [4, с. 195] Судьбе надо было распорядиться так, что Франку суждено будет именно здесь «вывариваться в большевистском котле и близко наблюдать стихийно-народную подоплеку русской революции» [5, с. 492], практическое воплощение нигилизма и утилитаризма «шестидесятников».

Розанов, сам провинциал, восхищавшийся особой энергией, которая дает великая река волжанам (по аналогии с Нилом для египтян), сделал акцент на «столичном» лоске Саратова, добавив, что он напоминает Ригу «в подобранности и в величайших усилиях стать “европейским”». Франк, москвич, в юности поживший и в Нижнем Новгороде, постоянно подчеркивал провинциальный характер Саратова (нашу книгу мы так и называли «Философ в провинции» [6, с. 304]), и в эмиграции, помня о старой России, увидел «русские» черты Риги. Оба взгляда разделяет «бездна падения» русской революции и Гражданской войны, в годы которой и Саратов изменился почти до неузнаваемости, и Рига стала столицей независимого латышского государства, но сохранила «старый» русский уклад жизни, уничтоженный большевиками в метрополии. До 1917 г. по количеству жителей Саратов занимал 12-е место в империи (первое в Поволжье), Рига – 6-е место (после Петрограда, Москвы, Варшавы, Одессы и Лодзи).

И раньше, и позднее 1928 г. Франк, посещая города, некогда располагавшиеся в Российской империи (исключение – Белград с его «русской колонией»), будет отмечать их «русскость», а значит, привычный ему бытовой облик русского города, выделяя столичные и провинциальные черты. Вот, например, что он писал жене 25 сентября 1927 г. из Варшавы: «Варшава имеет красивые, столичные места, в общем же не много. Отличается от Саратова, хороший русский провинциальный город. Общий вид русский – дворники в высоких сапогах, фонари

¹ Место хранения: BAR. Ms. Coll / S. L. Frank. Box 12. Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (США). Беловой автограф, 2 л. Публикуется впервые. Планы четырех публичных лекций составлены Франком, когда была опубликована его статья «Религиозные основы общественности» (Путь. 1925. № 1. С. 9–30).

с номерами у домов, извозчики»². Не преминул он добавить и об «обывательских» разговорах в «саратовском стиле», вспоминая «вечера у Зернова», ректора Саратовского университета. В Ревеле (теперь Таллин) 7 марта 1928 г. Франк напомнил жене о её родном барцевском доме: «Обстановка в квартире тоже совсем русская, старая – точно в вашем саратовском доме. Чисто и приятно. <...> Ревель – старинный немецкий городок, с крепостью на горе, но совсем обрусевший. Похож на Финляндию. <...> Русский дух и стиль соединяются с немецкой чистотой и культурностью»³. 14 марта 1930 г. Франк напишет Татьяне Сергеевне из Белграда: «Русская колония страшно провинциальна – напоминает саратовских обывателей: П. Б.<Струве> здесь с его талантами и знаниями пропадает»⁴. Как видим, Рига, Варшава, Белград, Ревель... и Саратов!

Но вернемся к Риге. 1 марта 1928 г. Франк сообщает жене: «Видел саратовскую Токареву, к<ото>рая тебе кланяется, она едет на Пасху в Саратов». Когда один из авторов данной статьи прочитал это еще в автографе, ему вспомнился большой портрет неизвестной «тети Шуры», который он видел в квартире Наталии Александровны Загрековой в доме на Советской, 30. Она называла так Александру Николаевну Токареву, свою рижскую тетю. Портрет этот был написан берлинским русским художником Николаем Александровичем Загрековым, выпускником Боголюбовского рисовального училища и ВХУТЕМАСа, учеником Федора Корнеева, Алексея Карева, Петра Кончаловского и Ильи Машкова. В 1921 г. он уехал вместе с женой Гертрудой Галлер, дочерью саратовского врача-инфекциониста, сначала в Ригу, а затем в Берлин. Там он окончил Профессиональное училище искусства и ремесла под руководством профессора Гарольда Бенгена и преподавал в этом учебном заведении в 1925–1933 гг. до прихода к власти нацистов. Загреков стал ярким представителем европейского направления в искусстве 1920-х годов – «новой вещественности» [7, с. 224]. Был ли он знаком с Франком, нам неизвестно, но, предположительно, все-таки был.

В Риге постоянно жил дядя Загрекова по матери Петр Петрович Токарев (дворянин) – муж Александры Николаевны Токаревой. Франк

упоминает дважды именно её. В его письме от 5 марта 1928 г. находим: «Вчера обедал у Токаревой». Значит, неслучайная была встреча. Наталия Александровна рассказывала, что портрет «тети Шуры» она привезла в Саратов из послевоенной Риги в память о брате. Она даже и не могла предполагать, что Николай Загреков после войны благополучно живет в Западном Берлине, в престижном районе Шпандау, в собственном доме. Русский художник подписывал свое имя Nikolaus Sagrekow, и многие знавшие его прежде соотечественники не могли идентифицировать его из-за буквы «S» в каталогах выставок и рецензиях. В 1986 г. он стал лауреатом «Золотой пальмовой ветви Европы» в знак особых заслуг перед европейским искусством. Скончался в 1992 г., пережив свою саратовскую сестру почти на один год. Так они и не встретились! Сейчас «Портрет тети Шуры» хранится в коллекции внучки Н. А. Загрековой – Ольги Леонидовны Медведко, в Москве.

Еще один рижский сюжет связан с пьесой Михаила Булгакова. В том же письме от 2 мая 1928 г. Франк писал Татьяне Сергеевне: «А после лекции – к<ото>рая кончилась в половине 9го – я пошел в русский театр по постоянно-му билету Тихоницкого и смотрел “Братьев Турбиных”. Труппа первоклассная, не хуже Художественного театра, и вещь прекрасная, т<ак> что я получил сильнейшие впечатления, и все время думал о детях и скорбел, что они не знают русского театра, в котором воскресает настоящая Россия. В Риге было бы хорошо жить, но надежд на это, увы, никаких, кажется, нет». Мало сохранилось сведений о театральных впечатлениях Франка. Тем более примечательно, что в этом письме высоко оценивается психологическая драма М. Булгакова «Дни Турбиных» (ее вторая редакция) в постановке рижского Театра русской драмы. Первое представление пьесы М. Булгакова «Семья Турбиных (Белая гвардия)» (Франк ошибочно называет «Братья Турбины») в этом театре состоялось в 1927 году. Режиссер – Рудольф Унгерн. Роли исполняли: А. В. Турбин – Ю. И. Юровский, Николка – К. Токаревич, Елена – Е. О. Бунчук, Тальберг – А. А. Волков, Мышлаевский – Ю. Яковлев, Шервинский – О. И. Рунич, Студзинский – М. П. Зацкой, Лариосик – В. Л. Ченгери [8, с. 77–92]. «Труппа первоклассная», «вещь прекрасная»!

В это же время пьеса М. Булгакова шла по всей Европе: Париж, Берлин, Прага, Варшава, Краков, Лодзь, Белосток, Бреславль, Лондон.

² Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5.

³ Там же. Ед. хр. 6. Л. 11.

⁴ Там же. Ед. хр. 8. Л. 1, 1 об.

Мхатовский спектакль Франк, конечно, не видел. Премьера пьесы в Москве прошла 5 октября 1926 г., но, вероятно, он слышал и читал в газетах о триумфальном успехе этой постановки МХАТа с новой плеядой актеров второго поколения театра. Отсюда сопоставление – «не хуже Художественного театра» (МХАТ работал по тексту третьей редакции «Дней Турбиных», менее «белогвардейской»). Как видим, рижский спектакль по пьесе М. Булгакова вызвал у Франк «сильнейшие впечатления» от воскресаемой на сцене «настоящей России». «Как вы, русские, здесь счастливы, что у вас такой театр!» [9, с. 1] – воскликнул он.

Драма «Дни Турбиных» наполнена автобиографическими мотивами и символами: Дом, родной город – Киев, семья, братья и сестра, дело жизни – врачевание и военная служба, глубокие переживания персонажей и автора об исторической судьбе России, Гражданской войне, отношении к Белому движению, украинству, Скоропадскому и Петлюре, красным, его разбившим. Художественный мир булгаковской пьесы завораживает зрителя лирико-символическим началом и глубоким психологизмом.

Заключение

Франк не разделял идеи активных участников Белого движения. Среди философов страстными апологетами белых были И. А. Ильин и П. Б. Струве. Спор Франка со Струве по поводу «моральной правоты Белого движения» был очень принципиальным и на время охладил их дружбу. Франк с самого начала Гражданской войны в России понимал обреченность белых, их борьбы за право «умирать за родину» [5, с. 498]. Можно лишь предполагать, что поэтизация интеллигентского круга Турбиных и одновременно понимание их исторической обреченности, бесилия были созвучны его представлениям о не отменяемых «духовных источниках» большевизма, который глубоко укоренен в России. Поэтому с помощью вооруженной борьбы победить это явление русской жизни было невозможно. Франк отказывал признавать «моральную правоту» Белого движения и, как и М. Булгаков, ратовал за медленную эволюцию народного сознания, возвращение к христианским истокам жизни.

Рижские впечатления Франка в письмах к жене приоткрывают неизвестные страницы его беженской жизни, круг прибалтийского общения философа. Перед глазами читателя про-

ходят множество русских и латышей, рижан, которые увлечены религиозной философией, «духовным оздоровлением» и переживают кризис веры. Франк читает лекции о «новом варварстве» как стиле жизни в Европе и России, проблемах фашизма и социализма, состоянии умственной культуры, опасностях тяги к оккультизму и мистике, принципах солидарности и свободы. В посланиях жене важны не только отдельные детали жизни философа в эмиграции (быт, общение, точные даты и имена, поиск основного или дополнительного заработка, планы переезда из Берлина, гонорары за лекции, отзывы на выступления в газетах, семейная ситуация – любовь и забота о жене и детях, младшем сыне Васютке), но и общее представление о картинах старой России, еще не изжитых в прибалтийских городах за несколько лет независимости от империи («как было бы, если бы мы оставались в России в прежнем положении»). Рига и Двинск напоминают ему Саратов и Вольск, провинциальную Россию, которую он видел в последний раз в 1917–1921 гг. на Волге.

Тексты писем публикуются согласно новой орфографии в основном с сохранением особенностей авторского правописания («кафэ», «купэ»). Все сокращения даны в угловых скобках, подчёркивания выделены курсивом. Место хранения рукописей: Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 4. Оп. 1. Письма С. Л. Франка к жене. Ед. хр. 6. 1928 г. Публикация А. А. Гапоненкова.

1. С. Л. Франк – Т. С. Франк⁵

28 февраля 1928 г.

Между Кенигсбергом и границей Литвы.

Frau Prof. Tatiana Frank.

Berlin-Hallensee.

Joachim-Friedrichstrasse 48⁶.

В поезде, между Кенигсбергом и границей 28.II.28.

Родная моя, пишу тебе, выехав из Кенигсберга. Вчера читал лекцию о Леонтьеве⁷, публика здесь более холодная, чем обычно в Германии; потом сидел в кафэ с здешним <им>

⁵ Почтовая карточка. Штемпель: 29.II.28.

⁶ По этому адресу Франки жили с первой половины 1926 г.

⁷ Тема лекции: «Русский Ницше: Константин Леонтьев». Среди работ Франка известна статья на немецком языке «Константин Леонтьев – русский Ницше». См.: Frank S. Konstantin Leontjew, Russischer Nietzsche // Hochland. 1928/1929, no. 6, pp. 613–632.

профессор<ом>⁸, заработал первые 50 мар<ок>.

Сегодня обедал в русск<ом> обществе, у очаровательной (не ревнуй – ей за 50 лет) латышки Малании Андреевны Клостерман, жены здешн<его> профессор<а>⁹, его самого не было.

Утром осматривал город, хотя смотреть особенно нечего; видел могилу Канта и его комнату. После обеда хорошо поспал, т<ак> что не очень утомлен. Еду в пустом купэ 2го класса. Брать спальный нет надобности.

Через 2 часа граница Литвы, в 11 ч. буду в Ковне¹⁰, а в 4 ч. утра граница Латвии, и в 7.40 – Рига; особенно много спать не придется.

Обнимаю и целую тебя и детей. Что Алешина рука и его поведение?¹¹ Что Васютка?¹²

Твой С. Фр.

2. С. Л. Франк – Т. С. Франк

29 февраля 1928 г. Рига.

Рига, 29.II.28.

Родная моя, наконец сегодня утром добрался до Риги. В дороге почти не спал, т<ак> к<ак> много раз будили для таможенно<го> осмотра и паспортов. Встретил меня тут Тихоницкий (благодушный человек типа народн<ого> учителя)¹³, и студент и студентка

⁸ Имеется в виду Эрих Клостерман (Erich Klostermann, 1870–1963) – немецкий ученый-библеист, специалист по патристике и классической филологии; профессор Кенигсбергского университета (1923–1928), член-корреспондент Прусской академии наук (1927), член монархической Немецкой национальной народной партии (DVNP).

⁹ Клостерман Мелания Андреевна (урожд. Смугге, 1879–1953) – жена профессора Эриха Клостермана.

¹⁰ Ковно – теперь Каунас.

¹¹ Алексей Семенович Франк (1910–1969) – средний сын С. Л. Франка, танцор. Учился сначала в немецкой школе, потом в русской школе в Берлине, но так и не окончил её. С 14 лет сменил несколько работ, пока не был принят в школу балета, вел богемный образ жизни. Танцевал в берлинских театрах. В качестве танцовщика труппы «Балет де Базиль» переехал в Париж, много гастролировал. Доставлял родителям множество хлопот и разочарований. Жил с ними в оккупации во Франции. В 1944 г. был тяжело ранен на службе в американской армии.

¹² Василий Семенович Франк (1920–1996) – младший сын Франка; журналист, переводчик, участник Второй мировой войны, редактор отдела новостей радиостанции «Свобода», автор воспоминаний «Русский мальчик в Берлине».

¹³ Тихоницкий Елпидифор Михайлович (1875–1942) – учитель, брат митрополита Владимира, архиепископа Вениамина; окончил Казанскую духовную академию, директор народных училищ Вятской губернии, затем в Пскове; в 1920 г. эмигрировал в Латвию, преподавал русскую словесность в еврейской, латышской и русской гимназиях, депутат Сейма Латвии (1925), организатор (и председатель правления) Русского просветительного общества и Дней русской культуры в Риге (1921–1940). Арестован НКВД в 1940 г. Умер в заключении в Казахстане. Причислен в 2003 г. к лику новомучеников и исповедников российских.

из Христ<ианского> Союза¹⁴. Тут, конечно, настоящая провинциальная Россия; квартира, как самая плохонькая и убогая саратовская. Снегу нет (из-за близости моря), т<ак> ч<то> и саней нет.

Сейчас хорошо поспал, потом приходил фотограф снимать меня для газеты¹⁵, теперь написал заявление в Варшаву¹⁶ и пишу тебе. Мой дальнейший маршрут такой. Здесь я остаюсь до вторника 6го утра (кроме трех лекций платных, читаю еще бесплатно для студентов в универ<ситете> – организовано Христ<ианским> Союзом); потом еду в Двинск¹⁷, и оттуда обратно в Ригу 7го утра, а вечером еду в Ревель (Режицу¹⁸ пришлось оставить из-за очень плохого сообщения, надо трепаться целую ночь, гонорар весьма сомнительный, боюсь слишком переутомиться). В Ревеле читаю по-русски и немецки 8, 9, 10 и 11, и остаюсь отдохнуть 12го. 13го выезжаю в Дерпт и оттуда уже прямо 16го или 17го в Ковно. Немцы в Эстонии дают мне за 4 лекции всего 240 мар<ок>, русские – чистый доход от 2 лекций.

Пиши мне значит сообразно с этим. Последнее письмо сюда в Ригу напиши и отправь не позднее воскресенья 4го, потом пиши в Ревель (Reval, Estland, Dr. Engelhardt¹⁹, Grosse Rosenkranzstr<asse> 2 для меня), последнее письмо отошли туда не позднее четверга 8го вечера, а потом уже в Дерпт (postlagernd, Dorpat, Estland)²⁰, последнее письмо отошли

¹⁴ Под Христианским Союзом Франк имеет в виду Христианский союз молодых женщин (YWCA – ИВКА), который было одним из организаторов поездки философа по городам Прибалтики. Русским секретарем ИВКИ в Латвии была Тамара Федоровна Баймакова (1897–1987).

¹⁵ См.: Фото: Проф. С. Л. Франк, читающий в настоящее время лекции, посвященные «Неделе духовного оздоровления» // Слово. 1 марта 1928. № 789. С. 1.

¹⁶ По предложению Н. С. Арсеньева Франк пытался получить постоянное место работы в Варшавской духовной академии, но этот замысел не удался по многим причинам. См.: Письмо С. Л. Франка Митрополиту Дионисию (Валединскому) <29 февраля 1928 г.> // Оболевич Т. Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре. Зелена Гура (Польша), 2023. С. 65.

¹⁷ Двинск – теперь Даугавпилс.

¹⁸ Режица – теперь Резекне.

¹⁹ Энгельгардт Мориц Александр Родерих (1862–1934), барон – врач, доктор медицины; председатель Федерации немецких обществ в Эстонии. Женат на племяннице философа Э. Л. Радлова – Альме Бруноновне (Анна Альма) Радловой (1865–1933). По приглашению Энгельгардта Франк прибыл 7 марта в Ревель.

²⁰ До востребования, Дерпт, Эстония (нем.). Дерпт – теперь Тарту.

<в> понед<ельник> 12го, и, наконец, в Ковно, где пробуду вероятно до 22–23 (Сеземан²¹, к<ото>рого я видал на вокзале проездом, еще надеется, м<ожет> б<ыть>, уговорить министра и устроить унив<ерситетский> курс). (Kowno, Litauen, Universität²², prof. Sezeman для меня.)

Сейчас не могу описывать впечатлений; голова идет кругом, да я еще ничего не видал. Кажется, как будто попал в Саратов и сижу у какого-нибудь саратовского обывателя. У моего хозяина-холостяка даже прислуги нет²³, есть какой-то старик для уборки комнат. Все страшно примитивно, даже я уже слишком привык к Европе.

Ну, пока кончаю. Христос с тобой и всеми вами. Несмотря на утомление, чувствую себя сносно. Здесь выпросил себе одеяло на окно и значит буду спать.

Обнимаю, целую, жду вестей.

Твой СФ.

З. С. Л. Франк – Т. С. Франк ²⁴

1 марта 1928 г. Рига.

Frau Professor Tatiana Frank.
Berlin-Hallensee.
Deutschland.
Joachim-Friedrichstr<asse> 48.

Рига, 1 марта 1928.

Родная моя, вчера я читал первую лекцию об оккультизме; народу было масса, не все могли понять, и были в связи с этим настоящие русск<ие> скандалы²⁵. Видал Ганфмана²⁶, познакомился с стариком Белоцветовым, весьма почтенным, представительным и очень

²¹ Сеземан Василий Эмильевич (1884–1963) – философ-неокантианец, переводчик, магистр философии (1912), доцент Саратовского университета (1919–1921), профессор Каунасского (с 1923 г. по рекомендации Н. Гартмана и Франка) и Вильнюсского университетов (с 1940 г.). Один из руководителей евразийского движения в Литве. В 1950 г. арестован и приговорен к 15 годам лагерей. Освобожден в 1956 г., через два года полностью реабилитирован. Возобновил преподавание в Вильнюсском университете.

²² Ковно, Литва, Университет (нем.).

²³ Лицо неизвестно.

²⁴ Почтовая карточка. Штемпель: Riga. 1.III.28.

²⁵ См.: Сегодня – первая лекция проф. С. Л. Франка // Сегодня. Независимая демократическая газета. 29 февраля 1928. № 58. С. 5; Лекции проф. С. Л. Франка // Слово. 29 февраля 1928. № 788. С. 3. Название этой публичной лекции об оккультных явлениях «Наука о чудесах».

²⁶ Ганфман Максим Ипполитович (1873–1934) – юрист, адвокат, журналист; фактический редактор газеты «Сегодня» с 1922 по 1934 г.

умным, кажется, человеком²⁷. Он пригласил меня обедать. Хотя я должен здесь читать через день, но фактически буду читать каждый день (добавочные, увы, бесплатно). Видел саратовскую Токареву²⁸, к<ото>рая тебе кланяется, она едет на Пасху в Саратов. Сейчас иду делать визиты арх. Иоанну²⁹, ректору³⁰ и мин<истру> нар<одного> просв<ещения> (к<ото>рый был у нас в Птб. доцентом и меня знает)³¹. Чувствую себя хорошо, т<ак> к<ак> хорошо сплю.

От тебя пока ни одного письма, а я уже второй день здесь. Очень жду вестей. Как прислуга? Как твоё здоровье?

Обнимаю, целую тебя и детей.

Твой С.

²⁷ Белоцветов Николай Алексеевич (1863–1935) – предприниматель и издатель. В Российской империи директор-распорядитель всемирно известного страхового общества «Саламандра», редактор журнала «Страховое дело». В Риге создал акционерное общество печатного дела «Саламандра», издавал газету «Слово» (1925–1929), литературно-художественный журнал «Перезвоны» (с 1925 г.), журнал для юношества «Юный читатель». Придерживался умеренно-консервативных взглядов.

²⁸ Токарева Александра Николаевна – жена инженера-электрика, начальника Телеграфной станции в Риге (1914–1917), преподавателя физики, электротехники и черчения в рижских школах и гимназии Петра Петровича Токарева (1874–1939). Токаревы после эвакуации из Риги с 1917 по 1921 г. проживали в Саратове, вероятно, встречались там с Франком и его женой; возвратились в столицу Латвии и приняли латышское гражданство.

²⁹ Священномученик Иоанн (Янис Поммер, 1876–1934) – архиепископ Рижский и Латвийский в 1921–1934 гг. Окончил Рижскую духовную семинарию (1897), Киевскую духовную академию (1904). В 1903 г. принял постриг и рукоположен в иеромонахи. Преподавал в Черниговской духовной семинарии, был инспектором в Вологодской духовной семинарии, ректором Литовской духовной семинарии (1907). Депутат сейма Латвии (с 1925 г.). Убит на архиерейской даче, дело не было раскрыто. Причислен к лику святых РПЦЗ.

³⁰ Имеется в виду Мартиньш Зиле (1864–1945) – врач, ректор Латвийского университета в 1927–1929 гг. Профессор медицины в Новороссийском университете (Одесса).

³¹ Речь идет об Августе Тентелисе (Тентель Август Адамович, 1876–1942) – историке, педагоге, политике; министре образования в Кабинете министров Латвийской республики (1928, 1935–1938). Выпускник Петербургского университета, историко-филологического факультета (1910), ученик И. М. Гревса (занимался в его семинаре историографической полемикой вокруг «Исповеди» бл. Августина). Приват-доцент Петроградского университета по кафедре всеобщей истории (1916–1919); ассистент кафедры истории Средних веков факультета общественных наук (1919–1920); профессор Латвийского университета с 1921 г.; декан факультета филологии и истории. Ректор Латвийского университета (1925, 1929–1931). Директор Института истории (1936).

4. С. Л. Франк – Т. С. Франк

2 марта 1928 г. Рига.

Рига, 2 марта 1928.

Родная моя, сегодня получил твое письмо со вложением письма из Лиги наций, а вчера имел открытку. Не тужи, родная, проживем – я теперь живу надеждой на Варшаву³² – и так лучше будет, мы в наших планах все-таки не учитывали, какая большая ломка была бы для детей. Для них Германия почти родина, и их пришлось бы снова делать эмигрантами. Надо довериться Богу – все к лучшему. Если Варшава удастся, то рассчитываешь ты не точно; ведь дома я тоже стою – с папиросами, трамваем и пр. марок 50, а в Варшаве я не буду проживать больше 100, да и то только 4 ½ м., значит в год лишних 225–250 м. Если считать даже 6 поездок туда и назад по 40 м., то весь лишний расход в год составит максимум 500 м., т^ое^{сть} по 40 м. в месяц, и значит у тебя лично без меня будет 700 мар^{ок}, а между тем мы и до сокращения имковс^{кого} жалования³³ имели только 600. Одно только: чтобы мои в Институте³⁴ не сократили жалования – с Алексеевым³⁵, к^{ото}рый ездит в Прагу, так сделали. Ну, там увидим, во всяком случае, есть новая надежда.

Здесь у меня хорошие впечатления. Рига – прекрасный русский губернский город, много лучше Саратова. Но главное – русские. Как здесь относятся ко мне и вообще к русским ученым – немножко дает почувствовать, как

³² См. примеч. 16.

³³ В 1927 г. Франку было сокращено жалование по линии YMCA в связи с закрытием берлинского отделения Религиозно-философской академии.

³⁴ Имеется в виду Русский научный институт (Берлин, 1923–1933), в котором Франк был профессором философии, в разные годы – деканом, проректором и даже директором (с конца 1931 до 1933). РНИ – высшее учебное заведение для русских и иностранных студентов; состоял из трех отделений: духовной культуры, правовое, экономическое. Лекции читались по регулярным и эпизодическим курсам. Средства на открытие Института были выделены Лигой наций, Христианским союзом молодых людей (YMCA), путем подписки от частных лиц; помещения – Прусским министерством народного просвещения.

³⁵ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – правовед, философ, общественный деятель, один из идеологов евразийства. В 1922–1931 гг. профессор государственного права и ученый секретарь юридического факультета Русского народного университета в Праге. Сотрудничал в Русском научном институте в Берлине, профессор права (1924–1931).

было бы, если бы мы оставались в России в прежнем положении. Тихоницкий мне рассказал, что когда он получал визу для меня, ему в здешнем министерстве сказали: как странно, что проф. Франку, ученому с мировым именем, надо еще давать разрешение на въезд! По слабости человеческой это утешает – думаю, что не только тем, что щекочет тщеславие, а сознанием, что ты кому-то нужен. Здесь меня, как водится, снимали и интервьюировали две газеты³⁶. Вчера я читал импровизир^{ованную} лекцию (бесплатно!) в университете «о смысле жизни», устроенную латышским студенч^{еским} христиан^{ским} союзом³⁷. Аудитория опять не вместила желающих, и пришлось переместиться в актов^{ый} зал, было около 300 чел. молодежи. А после лекции – к^{ото}рая кончилась в полов^{ине} 9го – я пошел в русский театр по постоянн^{ому} билету Тихоницкого и смотрел «Братьев Турбиных»³⁸. Труппа первоклассная, не хуже Художеств^{енного} театра, и вещь прекрасная, т^{ак} что я получил сильнейшее впечатление, и все время думал о детях и скорбел, что они не знают русского театра, в котором воскресает настоящая Россия. В Риге было бы хорошо жить, но надежд на это, увы, никаких, кажется, нет. Вчера утром я навестил архиеп. Иоанна – очень умный и симпатичный старик, родом латыш, а видом – хороший старый русский мужик³⁹. Суждения его о России, впрочем, поверхностны. И затем нанес визит ректору – латышу, к^{ото}рый был проф^{ессором} медицины в Одессе⁴⁰; в тот же день он мне завез свою карточку. «Министра» (бывш. петерб^{ургского} приват-доцента Тентеля)⁴¹ не застал, оставил свою карточку, другой раз уже не пойду – слишком много чести. Время у меня, конечно, нарахват. Сегодня оставил утро свободным, в 5 ч иду в здешнюю Имку⁴², а в 8 ч вторая лекция

³⁶ Газеты «Сегодня» и «Слово», издававшиеся в Риге.

³⁷ Русское православное студенческое Единение. См.: Смысл жизни // Слово. 2 марта 1928. № 790. С. 3.

³⁸ См. вступительную статью.

³⁹ См. примеч. 29.

⁴⁰ См. примеч. 30.

⁴¹ См. примеч. 31.

⁴² Члены студенческих христианских кружков Русского православного студенческого Единения. Первый съезд Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Прибалтике состоялся в августе 1928 г. в Митаве (Елгава).

«Новое варварство»⁴³. Должен еще навестить Баллода⁴⁴ и немца, с к^{ото}рым меня сводит Эмге⁴⁵. Завтра, в субботу, пойду на всенощную, а вечером – в кружок евразийцев, к^{ото}рые у меня тоже выпросили лекцию и заплатят за нее (не меньше, чем заплатили бы в Режице, от к^{ото}рой я отказался)⁴⁶. В воскрес^{енье} в 5 ч. свидание с членами кружков, и в 8 ч. – последн^{ья} лекция на торжеств^{енном} собрании с концертом. В понед^{ельник} – свободный день, обедаю у Белоцветова, а вечером – банкет в мою честь. Во вторник утром в 8½ еду в Двинск, вечером читаю там лекцию, ночью на поезд и утром в среду опять в Риге, а вечером уезжаю в Ревель (это будет утомительно). В Ревеле, как я же писал, русск^{ие} и нем^{ецкие} лекции 8го, 9, 10 и 11; 12го оставил для отдыха, 13го уезжаю в Дерпт, там лекции 14, 15 и, м^{ожет} б^{ыть}, 16го, а затем Ковно. Числа 23–24 надеюсь быть уже дома.

Пока я, несмотря на кипучую жизнь, не очень устал, п^{отому} ч^{то} хорошо сплю, и ночью, и днем.

Об Алешке – вечный *infant terrible*⁴⁷ – не беспокойся. Поцелуем не заразишься, да, м^{ожет} б^{ыть}, у нее и не сифилис, а более невинная болезнь. Беда с ним.

Ну, обнимаю тебя родная, целую всех, рад твоим письмам, боюсь, что в дальнейшем путешествии они могут меня не достигнуть. Еще раз напоминаю: от 5-го до 9-го пиши мне в Ревель,

⁴³ См.: И.К. Сегодня – вторая лекция С. Л. Франка <«Новое варварство (стиль нашего времени)»> // Сегодня. 2 марта 1928. № 59. С. 8. Сохранившийся конспект публичной лекции Франка «Новое варварство» 1926 г. опубликован Г. Е. Аляевым и Т. Н. Резвых: Вопросы философии. 2018. № 1. С. 137–141.

⁴⁴ Баллод Франц Владимирович (Францис Балодис, 1882–1947) – археолог, египтолог, магистр теории и истории искусств. Доцент египтологии и искусствоведения Московского Археологического института; профессор Саратовского университета, декан историко-филологического факультета (1919–1921); действительный член Научно-исследовательского института Археологии и искусствоведения в Москве. Эмигрировал в 1924 г. в Латвию. Доктор исторических наук в Латвийском университете (1926), декан философско-филологического факультета (1929–1931, 1933–1937), проректор (1931–1933). В 1940 г. переехал в Стокгольм.

⁴⁵ Эмге Карл Августович (Carl August Emge, 1886–1970) – немецкий философ, национал-социалист, редактор журнала «Archiv für Rechts und Sozialphilosophie».

⁴⁶ Франк принимал участие в издательских проектах евразийцев, но признавал «и идейную, и моральную легковесность этого направления» (Письмо к П. Б. Струве, 16 сентября 1927 г.; цит. по: Оболевич Т. Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. С. 160).

⁴⁷ Ужасный ребенок (нем.).

Dr. Engelhardt, Grosse Rosenkranzstr^{asse} 2 для меня, 10 и 11-го – в Дерпт (Dorpat, postlagernd)⁴⁸, а потом в Ковно в университет Сеземану для меня.

Прилагаю открытку для Васеньки⁴⁹.

Твой С.

5. С. Л. Франк – Т. С. Франк⁵⁰

3 марта 1928 г. Рига.

Frau Professor Tatiana Frank.
Berlin-Hallensee.
Deutschland.
Joachim-Friedrichstr^{asse} 48.
Gartenhaus.

Рига, 3.III.28.

Родная моя, пишу тебе сегодня вторую открытку – утром послал открытку и газеты. Только что пришло письмо от Арсеньева, он пишет, что говорил с митрополит^{ом}⁵¹, и что тот, будто бы, приветствует этот план⁵². Арсеньев обещает еще двигать вперед дело, но он теперь уезжает на каникулы, и я опасаясь, что дело может из-за этого застрять. Во всяком случае, если верить Арсеньеву, то дело пущ^{ено} в ход, и тут есть реальная возможность, ибо есть реальная нужда во мне. Что у вас слышно? Жду вестей.

Обнимаю, целую.

Твой С.

6. С. Л. Франк – Т. С. Франк⁵³

5 марта 1928 г. Рига.

Frau Professor Tatiana Frank.
Deutschland.
Berlin-Hallensee.
Joachim-Friedrichstr^{asse} 48.

⁴⁸ Дерпт, до востребования (нем.).

⁴⁹ Текст открытки С. Л. Франка к сыну Василию: «Дорогой Васенька, спасибо тебе за письмо. Пиши мне еще. Вот тебе открытка с видами Риги. Я нашел для тебя «Дети капитана Гранта» и еще книгу русских былин, с картинками» (Архив ДРЗ. Ф.4. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 12).

⁵⁰ Почтовая карточка с видом православного кафедрального собора Риги.

⁵¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) – религиозный мыслитель, богослов, историк религиозной культуры Запада и Востока, литературовед, писатель. Приват-доцент Московского университета (1914), профессор Саратовского университета (1918–1920). Эмигрировал из Советской России (1920); профессор в Кенигсберге (до 1944 г.) и Варшаве (1926–1938). Н. С. Арсеньев говорил с митрополитом Варшавским и Волыньским и всей православной церкви в Польше Дионисием (Константин Николаевич Валединский, 1876–1960), магистром богословия, духовным писателем. Будучи архиереем Православной российской церкви (1913), поддержал автокефалию Польской православной церкви, став ее первым предстоятелем.

⁵² Неудавшийся для Франка план получить постоянное место работы в Варшавской духовной академии.

⁵³ Цветная почтовая карточка с видом Риги: Riga. Doma baznica <Собор>. Штемпель: Riga 5.III.28.

5. III. Рига.

Родная моя, только что получил твое письмо с вложением письма Тиллиха⁵⁴. Вчера был в собрании студ<енческих> кружков⁵⁵ и вечером отчитал свою последнюю лекцию⁵⁶, выступал вместе с Ведринской⁵⁷ и Черкасской⁵⁸ – на вечере-концерте⁵⁹. Сегодня день свободен от лекций, но весь занят. Иду на обед к старику Белоцветову, потом к студентам-старообрядцам, а вечером банкет в мою честь. Завтра утром еду в Двинск, читаю лекцию, ночью назад, буду здесь утром в среду; постараюсь день отдохнуть (хотя тоже иду на обед к немцу⁶⁰, с к<ото>рым меня свел Эмге), и вечером еду в Ревель. – Вчера обедал у Токаревой⁶¹. Есть возможность поселиться летом дешево или у моря, или в русском <нрзб> на полн<ом> пансионе (за нас 4 возьмут около 200 м<арок> в месяц за все).

Обнимаю, целую тебя и всех.

Твой С.

С пятницы 9го по 13^е пиши мне в Дерпт (Dorpat, Estland, postlagernd)⁶², где я пробуду до 17 вечера, потом лишь в Ковно.

⁵⁴ Тиллих Пауль (Tillich, 1886–1966) – немецкий теолог, профессор кафедры теологии в Дрезденской высшей технической школе. В 1933 г. эмигрировал в США. С Тиллихом Франк встречался осенью 1927 г. в Лейпциге.

⁵⁵ Собрание студенческих кружков Русского студенческого православного Единения был актом закрытия «Недели духовного оздоровления» 4 марта. См.: Акт закрытия «Недели духовного оздоровления» // Слово. 4 марта 1928. № 792. С. 2; Русский акт закрытия «Недели духовного оздоровления» // Слово. 5 марта 1928. № 793. С. 3. Фотография встречи Франка с членами кружков опубликована в книге: Плеханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж : YMCA-Press, 1993. С. 58. Рядом с Франком сидят: Т. Ф. Баймакова и Н. А. Белоцветов. Всего присутствуют около 50 человек в зале.

⁵⁶ Франк выступил с лекцией «Религиозные основы общественности».

⁵⁷ Ведринская Мария Андреевна (1877–1948) – актриса Рижского русского театра с 1924 г. В Петербурге играла в Театре В.Ф. Коммиссаржевской (1904–1906), Императорском Александринском театре / Петроградском академическом театре драмы (1907–1924).

⁵⁸ Черкасская Марианна Борисовна (1876–1934) – солистка оперы (драматическое сопрано), педагог. Пела в труппе Петербургского Мариинского театра в 1900–1918 гг. После отъезда из России гастролировала по Европе, Азии и Америке. С 1926 г. жила в Риге, где пользовалась большим зрительским успехом. В 1928 г. отметила 25-летие своей сценической деятельности.

⁵⁹ См. объявления: Лекция-концерт // Сегодня. 3 марта 1928. № 60. С. 7; Лекция проф. С. Л. Франка // Слово. 3 марта 1928. № 791. С. 3. Лекция-концерт состоялась 4 марта.

⁶⁰ Личность «немца» не идентифицирована.

⁶¹ См. примеч. 28.

⁶² Дерпт, Эстония, до востребования (нем.).

7. С. Л. Франк – Т. С. Франк⁶³

6 марта 1928 г. Двинск.

Frau Professor Tatiana Frank.
Германия.
Berlin-Hallensee (Deutschland).
Joachim-Friedrichstr<asse> 48.
Gartenh<aus>.

Двинск, 6. III. 28.

Родная моя, сижу в Двинске. Отвели меня в «гостиницу», погулял я по городу и жду, пока меня поведут читать лекцию⁶⁴. Посылаю – вид главной улицы.

Это – уже такая Россия, что даже чересчур, просто русский уездный город, с мужиками в тулупах и финск<их> шапках, санями, обледенелыми тротуарами, базарной площадью и грязью. Даже жутко становится, куда я попал – точно в Вольск⁶⁵ и т.п. городишко. А вчера в Риге я имел сильное впечатление – посетил старообрядческую молельню⁶⁶, видел старинные иконы и разговаривал с длиннородными старообрядцами, точно в Россию 17го века попал. А перед этим был обед у Белоцветова – такого обеда я не ел с начала революции – целый день потом страдал изжогой и шатался от сытости. Вечером уютно посидел с рижанами, слава Богу, без речей и торжеств⁶⁷; рижане мной, кажется, очень довольны и собираются на будущ<ий> год снова выписывать. Сегодня тяжелая ночь предстоит – поезд уходит отсюда в 4 ч. ночи, а завтра вечером еду в Ревель.

Обнимаю, целую тебя и всех.

Твой С.

8. С. Л. Франк – Т. С. Франк

7 марта 1928 г. Рига.

Рига, 7 марта 1928.

Родная моя, только что получил твое последнее письмо сюда, и страшно удручен твоими неудачами с прислужгой и тем, что ты растрачиваешь свое здоровье. Ты поступила, конечно, легкомысленно, дав ей 30 мар<ок>

⁶³ Почтовая карточка с черно-белым видом Даугавпилса (Daugavpils). Франком подписано: Двинск. Штемпель: 7. III. 28.

⁶⁴ Франк прочитал лекцию «Наука о чудесах» по приглашению Русского академического общества. См.: Вести из Двинска // Слово. 10 марта 1928. № 798. С. 6.

⁶⁵ Вольск – уездный город Саратовской губернии.

⁶⁶ Молитвенный дом Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины – крупнейшей в мире беспоповской старообрядческой общины, принадлежащей Древнеправославной поморской церкви.

⁶⁷ Банкет, устроенный Христианским союзом молодых женщин 5 марта. См.: Чествование проф. С. Л. Франка // Слово. 6 марта 1928. № 794. С. 3.

вперед. Это вряд ли удастся поправить, но это уж не так важно. Ради Бога, прошу тебя, *найми поденщицу*, не упрямясь, нельзя губить себя. Первый день тебе будет неприятно, но потом она будет работать автоматически, хоть 3 часа на уборку комнат. Без еды это не так много денег, и ты *должна* это сделать. А то прислугу можно проискать еще месяц. И не нанимай больше никаких русских!

Вчера я был в Двинске, послал тебе оттуда открытку. Это уездный русский город, в первый момент забавно и интересно, но потом становится даже тяжело. Публика там соответствующая – старые русские провинциальные обыватели, которым в сущности мои лекции совсем не по зубам. Народу было, как говорят, по тамошним условиям много. После лекции за ужином устроили форменную попойку, можешь себе представить, как я себя чувствовал – боялся, что я с ними не выберусь оттуда. А потом была бессонная ночь, т<ак> к<ак> поезд ушел только в 4 часа ночи. Здесь я поспал, чувствую себя сносно. Сегодня обедал у немца-философа, с к<ото>рым меня свел Эмге⁶⁸. В 11 часов еду в спальном вагоне в Ревель. В Дерпт мне пиши (начиная с 9⁰⁰ по 13⁰⁰) по адресу: проф. И. М. Тютрюмову⁶⁹, Философская 11, Dorpat, Tartu (это «Дерпт» по-эстонски), Estland. (Я там буду с 13⁰⁰ по 17⁰⁰.) – Гонорар я только в Ревеле и Дерпте получу в зависимости от дохода, т<о> е<сть> чистый доход, но как раз там мало русских.

Здесь я получил 60 долл. от Просв<етительного> общества⁷⁰ и 2 англ. фунта (около 20 долл.) от евразийск<ого> кружка⁷¹ и 10 долл. в Двинске. С 50 марок в Кенигсберге заработал пока около 360 мар<ок>. В Эстонии немцы за 4 лекции дадут всего 240 м., итого 600, русск<ие> лекции обе вряд ли дадут больше 40–50 м. (там страшно низкие выплаты) и остаются еще лекции в Ковне. Вряд ли много больше 700 мар<ок> привезу с собой чистыми.

Заставь Васютку мне еще написать. Кроме тех двух книг, о которых я ему писал в открытке,

⁶⁸ См. примеч. 45.

⁶⁹ Тютрюмов Игорь Матвеевич (1855–1943) – юрист-цивилист, сенатор, член Государственного совета (1915–1917), профессор Тартуского (Дерптского) университета. Тов. министра Северо-Западного правительства генерала Н. Н. Юденича. С 1919 г. в эмиграции в Эстонии. Председатель Русской академической группы (1921), зав. Тартуским народным университетом (1927).

⁷⁰ Имеется в виду Русское просветительное общество в Риге, основанное Е. М. Тихоницким (председатель правления). В состав правления входили также: П. Н. Терентьев, И. М. Власов, А. Г. Шершунов, О. И. Блюм, М. И. Ганфман, П. Т. Меркулов, А. С. Остроухов и др.

⁷¹ См. примеч. 46.

вложенной в письмо (получила ли?), я получил в подарок от Белоцветова комплект хорошего детского журнала⁷². Об этом ты ему не говори, пусть это останется подарком к Пасхе – слишком много книг сразу дать, глаза разбегутся.

Скажи Ясинскому⁷³, что я уже послал опровержение в «Слово»⁷⁴. Конечно, интервьюер наврал по обыкновению, но Ясинский делает из мухи слона (этого ему говорить не нужно). К тому же «Слово» почти никто не читает. Читают «Сегодня», к<ото>рое написало более грамотно⁷⁵. Получила ли газеты с статьями обо мне?

Обнимаю, целую тебя, родная, и детей. Я по тебе сильно соскучился, и по тихой жизни. Послушайся меня хоть один раз – много бед от того, что ты меня не слушаешься, вспомни Веру Валер<ьевну>⁷⁶. Найми *поденщицу*!

Еще раз обнимаю.

Твой С.

Теперь будет перерыв в письмах на два дня, т<ак> к<ак> я уезжаю дальше на восток. На Ригу надежд никаких нет – тут в университете все кафедры философии прочно заняты. Кейхель болтает просто вздор⁷⁷.

⁷² Скорее всего, это журнал «Юный читатель», издаваемый в Риге Н. А. Белоцветовым. См. примеч. 36.

⁷³ Ясинский Всеволод Иванович (1884–1933) – инженер-технолог, конструктор паровых турбин, профессор Московского высшего технического училища (1916); с февраля 1923 по ноябрь 1931 г. – первый ректор Русского научного института в Берлине, председатель Русского академического союза, берлинского отдела Союза русских инженеров. Выслан из Петрограда в Германию 29 сентября 1922 г.

⁷⁴ «Слово» – большая русская национально-демократическая газета, выходила ежедневно в 1924–1929 гг. Издавалась акционерным обществом печатного дела «Саламандра», организатором которого был Н. А. Белоцветов. Имеется в виду публикация интервью с Франком в газете «Слово» и ее опровержение. См.: Проф. С. Л. Франк о своей деятельности (Беседа) // Слово. 2 марта 1928. № 790. С. 3; Письмо проф. С. Л. Франка // Слово. 9 марта 1928. № 797. С. 6. В. И. Ясинского, ректора, насторожила искаженная информация о Русском научном институте в Берлине, которую газета приписала Франку. Семен Людвигович опроверг, что РНИ работал с перерывами, напротив – продолжает существовать «беспрерывно доселе, и только в зависимости от условий менял свою деятельность» (цит. по: Оболевич Т. Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре. Зелена Гура, 2023. С. 120).

⁷⁵ См. примеч. 25.

⁷⁶ Вероятно, имеется в виду прислуга.

⁷⁷ Кейхель Эрнст Карлович (? – ?) – журналист, публицист, переводчик. Окончил Горный институт в Петербурге, служил на монетном дворе. Эмигрировал из России и до 1939 г. жил в Риге. Переводил Вл. С. Соловьева на немецкий язык. См.: Кейхель Э. Духовный путь С. Франка // Слово. 13 марта 1928. № 801. По-видимому, Франк имеет в виду Кейхеля как преподавателя философии в Латвийском университете.

Список литературы

1. Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж : YMCA-Press, 1993. 311 с.
2. Михальченко С. И. Лекционное турне С. Л. Франка по городам Латвии, Эстонии и Литвы в 1928 году // Славяноведение. 2018. № 1. С. 82–87.
3. Оболевич Т. Семён Франк в европейской и эмигрантской культуре. Zielona Gora : Uniwersytet Zielonogorskiego, 2023. 528 с.
4. Розанов В. В. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 16. Около народной души: Статьи 1906–1908 гг. / под общ. ред. А. Н. Николукина. М. : Республика, 2003. 447 с.
5. Франк С. Л. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания. М. : Московская школа политических исследований, 2001. 591 с.
6. Гапоненков А. А. Философ в провинции. С. Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2019. 304 с.
7. Николай Загреков, 1897–1992. Возвращение в Россию: Nikolaus Sagrekow, 1897–1992. Rückkehr nach Russland / сост. и общ. ред. О. Л. Медведко. М. : СканРус, 2004. 224 с.
8. Мишуровская М. В. «Семья Турбиных» в Риге. К истории постановки пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» // Национальный театр в контексте многонациональной культуры. Архивы. Библиотеки. Информация: Восьмые международные Михоэлсовские чтения / сост. А. А. Колганова. М. : Новое издательство, 2014. С. 77–92.
9. Берегите русский театр! // Сегодня. 22 июля 1928. № 195. С. 1.
- the history of the Russian Student Christian Movement]. Paris, YMCA-Press, 1993. 311 p. (in Russian).
2. Mikhailchenko S. I. Lecture tour of S. L. Frank across the cities of Latvia, Estonia and Lithuania in 1928. *Slavic Studies*, 2018, no. 1, pp. 82–87 (in Russian).
3. Obolovich T. *Semeon Frank v evropeyskoy i emigrantskoy kul'ture* [Semyon Frank in European and emigrant culture]. Zielona Gora (Poland), Uniwersytet Zielonogorskiego, 2023. 528 p. (in Russian).
4. Rozanov V. V. *Sobranie sochineniy: v 30 t. T. 16. Okolo narodnoy dushi: Stat'i 1906–1908 gg.* [Nikolyukin A. N., ed. Collected works. Around the people's soul: Articles of 1906–1908]. Moscow, Respublika, 2003. 447 p. (in Russian).
5. Frank S. L. *Neprochitannoe...: Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread...: Articles, letters, memoirs]. Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 2001. 591 p. (in Russian).
6. Gaponenkov A. A. *Filosof v provintsii. S. L. Frank i ego okruzhenie v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Saratove. Iz letopisi sobyitiy 1917–1921 godov* [A philosopher in the province. S. L. Frank and his entourage during the revolution and the Civil War in Saratov. From the chronicle of events of 1917–1921]. Saratov, Saratov State University Publ., 2019. 304 p. (in Russian).
7. Medvedko O. L., comp. and total ed. *Nikolay Zagrekov, 1897–1992. Vozvrashchenie v Rossiyu: Nikolaus Sagrekow, 1897–1992. Rückkehr nach Russland* [Nikolai Zagrekov, 1897–1992. Return to Russia]. Moscow, SkanRus, 2004. 224 p. (in Russian, in German).
8. Mishurovskaya M. V. "The Turbin Family" in Riga. On the history of the production of M. A. Bulgakov's play "The Days of the Turbins". *Natsional'nyi teatr v kontekste mnogonatsional'noy kul'tury. Arkhivy. Biblioteki. Informatsiya. Vos'mye mezhdunarodnye Mikhoelsovskie chteniya* [National Theatre in the Context of Multinational Culture. Archives. Libraries. Information. Eighth International Mikhoels Readings]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2014, pp. 77–92 (in Russian).
9. Take care of the Russian theater! *Segodnya* [Today]. July 22, 1928, no. 195, pp. 1 (in Russian).

References

1. Plyukhanov B. V. *RSKhD v Latvii i Estonii: Materialy k istorii Russkogo Studencheskogo khristianskogo dvizheniya* [RSCM in Latvia and Estonia: Materials on

Поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 176–180

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 176–180

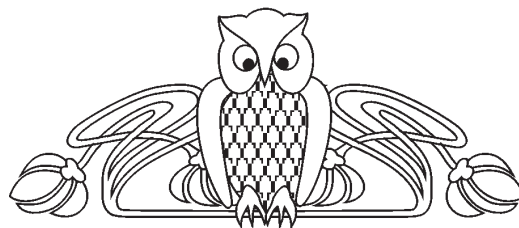
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-176-180>, EDN: BSTNRV

Научная статья

УДК 001:1

К вопросу установления параметров определения философской школы

А. В. Тонковидова¹✉, М. О. Орлов²

¹ Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Россия, 350015, г. Краснодар, ул. им. Буденного, д. 161

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тонковидова Анна Викторовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общественных коммуникаций, tonkovidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Аннотация. Введение. В настоящее время вопрос определения параметров отнесения к философской школе в историко-философском аспекте продолжает оставаться дискуссионным. Данный вопрос можно представить как в широком смысле – определение общих для философских школ параметров отнесения к философской школе, так и в узком смысле – возможность выделения «Московской метафизической школы». **Теоретический анализ.** Весомым аргументом, который подтверждает существование и развитие «Московской метафизической школы», является возможность выделения в трудах авторов концептуальной модели соборности, включающей как социально-онтологический аспект, начиная с работ Владимира Соловьева, так и социально-практический аспект, актуализирующийся в форме философского сообщества у Николая Грота и университетского сообщества у Сергея Трубецкого. Концептуальная модель соборности легла в основание выделения параметров философской школы. **Заключение.** «Московская метафизическая школа» соответствует обозначенным параметрам цивилизационной идентичности, включенности в историко-культурное и цивилизационное поле, связью с предшествующими философскими школами и сообществами, присутствием ценного объекта философских исследований, общностью без внешнего принуждения к единству, пересечением по линии не только науки, но и судеб философов, наличием ценностной шкалы, разделяемой всеми членами философской школы, взаимным цитированием, внешними и внутренними коммуникациями, новаторством в философии.

Ключевые слова: философская школа, «Московская метафизическая школа», параметры философской школы, концептуальная модель соборности, Владимир Соловьев, Николай Грот, Сергей Трубецкой

Для цитирования: Тонковидова А. В., Орлов М. О. К вопросу установления параметров определения философской школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 176–180. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-176-180>, EDN: BSTNRV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the issue of establishing the parameters for defining a philosophical school

A. V. Tonkovidova¹✉, M. O. Orlov²

¹ Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, 161 Budenny St., Krasnodar 350015, Russia

² Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Tonkovidova, tonkovidova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2756-9577>

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Abstract. Introduction. At present, the issue of defining the parameters of attribution to a philosophical school in the historical and philosophical aspect continues to be debatable. This issue can be presented both in a broad sense - defining the parameters of attribution to a philosophical school common to philosophical schools, and in a narrow sense – the possibility of identifying the “Moscow Metaphysical School”. **Theoretical analysis.** A weighty argument that confirms the existence and development of the “Moscow Metaphysical School” is the possibility of identifying in the works of the authors a conceptual model of sobornost, including the socio-ontological aspect, starting with the works of Vladimir Solovyov, and the socio-practical aspect, actualized in the form of a philosophical community in Nikolai Grot, and a university community in Sergei Trubetskoy. The conceptual model of sobornost formed the basis for identifying the parameters of a philosophical school. **Conclusion.** The “Moscow Metaphysical School” corresponds to the designated parameters of civilizational identity, inclusion in the historical-cultural and civilizational field, connection with previous philosophical schools and communities, influence on subsequent philosophical schools and communities, presence of a valuable object

of philosophical research, community without external coercion to unity, intersection not only along the line of science, but also along the line of destinies of philosophers, the presence of a value scale shared by all members of the philosophical school, mutual citation, external and internal communications, innovation in philosophy.

Keywords: philosophical school, "Moscow Metaphysical School", parameters of the philosophical school, conceptual model of sobornost, Vladimir Solovyov, Nikolai Grot, Sergey Trubetskoy

For citation: Tonkovidova A. V., Orlov M. O. On the issue of establishing the parameters for defining a philosophical school. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 176–180 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-176-180>, EDN: BSTNRV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

При широком употреблении словосочетания «философская школа» в философской литературе нет однозначных параметров отнесения мыслителей к той или иной философской школе в пределах русской философии. В исследовании для изучения возможности определения параметров отнесения философов к одной философской школе мы обратимся как в широком смысле к проблеме выделения ее параметров, так и в узком смысле – к проблеме выделения параметров «Московской метафизической школы».

Проблематика определения «Московской метафизической школы» сохраняется в историко-философском знании, о чем упоминает А. А. Ермичев в статье 2021 г. «Критические заметки к вопросу о "Московской метафизической школе"». Семен Франк, который первым употребил данное определение, также был «далеко не пунктуален» [1, с. 37] в применении понятия «Московская метафизическая школа» [2, с. 193, 645–656; 1, 3]. Вместе с тем К. М. Антонов обозначает и доказывает существование параллелей между пониманием Николаем Гротом и Сергеем Трубецким науки, проблем организации университетского сообщества и идеей соборности сознания Сергея Трубецкого, а также выявляет связь обозначенных концепций с идеей Всеединства [4]. Принимая в целом утверждение К. М. Антонова о взаимосвязи мировоззрений данных мыслителей, авторы статьи ставят задачу выявить общее для них основание данного взаимодействия, усматривая его в концепции соборности, присутствующей в их работах. На основании понимания соборности можно выделить общие критерии для определения философских школ, которыми мы сможем воспользоваться в актуальном для нашего времени философском поле русской философской мысли [5], в том числе и для выделения критериев при применении просопографического метода (построения коллективной биографии) современных философов.

Теоретический анализ

Приступив к изучению проблемы возможности определения «Московской метафизической школы» и исходя из посылки, что философская школа может быть выделена на основании общего предметного поля научных исследований, обратимся к определению данного общего предметного поля, которое связано с изучением философами идеи соборности.

Мы устанавливаем, что предпосылкой формирования «Московской метафизической школы» были работы Владимира Соловьева. Укрепляя онтологический статус соборности в перспективе развития идеи всеединства, мыслитель привнес в него значимые смыслы социально-онтологического аспекта. На наш взгляд, если Владимир Соловьев рассматривает проблему соборности на «социально-онтологическом уровне» как основы взаимодействия людей и соборность видится как часть системы Всеединства [6], то Сергей Трубецкой, следуя традиции Владимира Соловьева, вводит понятие «соборность сознания» [7, с. 108–115].

Должное состояние общечеловеческой общности Владимир Соловьев определяет как «нормальное общество», «свободная общинность» [8, с. 5; 9, с. 6, 150, 151, 209, 213], «социальная троичность» (в единстве церкви, государства и общества) [10, с. 204].

Владимир Соловьев намечает тенденцию реализации соборности в социальной действительности, практической деятельности, для чего обязательно знание о социальном единстве. Средства материальные и рациональные могут послужить для реализации данного принципа в деятельности через наполнение реальным нравственным содержанием общественных форм в нормальном обществе, в котором «все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех» [8, с. 146], общественное начало получает реализацию в действительности. Мотивами деятельности является любовь, ее средством – справедливость, результатом – польза.

Сергей Трубецкой опирается и на социально-онтологический аспект соборности и вместе с тем с Николаем Гротом приходит к социально-практическому изучению возможности реализации соборности в измерении научного сообщества, в том числе и университетского, что и является общей идеей, присутствующей в «Московской метафизической школе». Социально-практический аспект соборности, выявляемый нами у Грота и Трубецкого, наблюдается в преломлении объектов социальной реальности – таким образом происходит актуализация социально-онтологического аспекта соборности, что, на наш взгляд, объединяет данных мыслителей, как и общий объект их философских поисков – тема соборности.

Представленность социально-онтологического аспекта соборного единства мы определяем в философии Сергея Трубецкого. Целеполагание связано с приближением к богочеловеческому организму на практически-религиозной почве [7]. У Сергея Трубецкого возникает оригинальное понимание личного и общественного, состоящее в их взаимообусловленности, органической коллективности сознания.

Сергей Трубецкой отмечает, что сознание соборно, получая вселенскую достоверность в «метафизическом социализме». Соборность сознания делает возможным понимание реальности действий других людей в всеобщей действительности [7, с. 95, 100, 101].

Социально-практический уровень концептуальной модели соборности связан с трудами Сергея Трубецкого и Николая Грота, которые не только пытаются выявить онтологический аспект соборного единства, но и рассматривают социальные формы его реализации. К. М. Антонов указывает на то, что данная идея фигурирует как в понимании развития университетского сообщества у Сергея Трубецкого, так и в понимании научного сообщества у Николая Грота [4, с. 54–68].

Сергей Трубецкой высказывает мнение, что необходима реализация соборности в общественности, т. е. реализация ее социально-практического уровня. В призме практической реализации соборного единства в форме университетов необходимо, отталкиваясь от понимания Владимиром Соловьевым единства индивидуализма и коллективности, идеи «цельного знания», прийти к единству принципов автономии и корпоративности, что предполагает общее научное образование и формы

внутрикорпоративного общения. Нравственное влияние профессоров, преподавателей предполагает зеркальное отражение нравственности и этики сообщества ученых. Сергей Трубецкой представляет социально-практический уровень концептуальной модели соборности через понимание университетского сообщества как формы соборности. Параметрами возникновения единства общества и научного сообщества здесь являются: освобождение мысли от догм, освобождение личности, включение в историческую традицию и полемичность [11, с. 401–412, 402, 14–20, 85–88, 77–79, 1–13].

Николай Грот употребляет понятие «соборности сознания» в статье «Еще о задачах журнала» в 1891 г. [12, с. I–VI]. Это перекликается со статьей Сергея Трубецкого «О природе человеческого сознания», вышедшей в 1890 г. Но Николай Грот вкладывает в данное понятие значение как идущее из народной мысли в социально-практическом аспекте реализации соборности.

В качестве основополагающих черт «соборности сознания» в отношении сообщества ученых (философов) могут быть определены, по Николаю Гроту, «знание прошлой истории мысли и современного состояния науки», «общее и дружное обсуждение основных вопросов знания», «взаимная проверка знаний, убеждений и стремлений различных людей». Требуется нахождение всеобъемлющей истины и высшего синтетического мирозерцания [12, с. XIV], в том числе и в философском сообществе в связи со спецификой философского мирозерцания. Научное сообщество возможно в тесной связи с общественностью, т. е. коммуникация предполагается как внутренняя, так и внешняя.

Сравнение параметров возникновения и существования научного сообщества, как в более широком аспекте – в аспекте университетского сообщества у Сергея Трубецкого, так и в более узком аспекте – философского сообщества у Грота, приводит нас к следующим выводам. И Сергей Трубецкой, и Николай Грот в качестве параметров, которые оба признают, определяют параметр включенности в историческое поле, элементы новизны философской рефлексии, личную свободу, ценностный аспект.

Русская философская мысль конца XIX в. выработала те критерии философского сообщества, которые мы можем внести в поле современных исследований состояния, тенденций, объединительных векторов русской философской мысли. Опираясь на социально-практическое

понимание соборности Гротом, выделяем и те параметры, соответствие которым делает очевидным актуальное существование отечественной философской школы, либо философского сообщества.

Первый параметр – цивилизационная идентичность философской школы. Это включенность в историко-культурное и цивилизационное поле, связь с предшествующими философскими школами и сообществами, что соответствует гротовскому «знанию прошлой истории мысли и современного состояния науки» [12, с. XIV], с одновременным отделением себя в особое сообщество, школу, т. е. уникальность в выражении самоидентификации при понимании общности русской философской традиции.

Второй параметр – это ценный объект философских исследований, или «основные вопросы знания», мнение о ценности и значимости которых принимают в собственную систему ценностей представители философской школы, или сообщества, определяют в качестве «основных» при общности в установлении поля философских дискуссий по данным вопросам, или, по Николаю Гроту, «общее и дружное обсуждение основных вопросов знания» [12, с. XIV].

Гротовское «общее и дружное» подталкивает к пониманию философской школы или сообщества в качестве неформальной первичной социальной группы, где устанавливаются не только формальные, но и неформальные личные связи. Это общность без внешнего принуждения к единству, пересечения не только по линии науки, но и по линии судеб философов, наличие ценностной шкалы, разделяемой всеми членами философской школы, что можно выделить в еще один параметр – *третий параметр* определения философской школы или сообщества – и создать коллективную биографию философов.

Четвертый параметр выделения философской школы или сообщества основывается на гротовском «взаимная проверка знаний, убеждений и стремлений различных людей» [12, с. XIV] и означает такой критерий, как взаимное цитирование представителями философской школы работ друг друга.

Пятый параметр определения философской школы/сообщества вытекает из указанной Гротом тесной связи научного сообщества с общественностью. В современном обществе с трансформацией цифровых коммуникаций [13] нам важно определить само основание данного взаимодействия и его возможность. Внешние

коммуникации определяют философскую школу как социальный субъект, часть общественного организма. Важны и внутренние коммуникации или присутствие каналов коммуникации между участниками философской школы или сообщества на особых дискуссионных площадках. Это непосредственные коммуникации на научных семинарах, конференциях и других формах научного, взаимодействия.

Шестой параметр – новаторство в философии.

Заключение

Установлено, что дополнительным аргументом в определении «Московской метафизической школы» выступает присутствие в трудах исследуемых авторов рассмотрения идеи соборности в форме ее концептуальной модели. Параметры существования университетского сообщества на принципах соборности у Сергея Трубецкого имеют общие черты с параметрами философского сообщества у Николая Грота, что говорит о едином подходе к пониманию выделяемого нами социально-практического уровня в понимании соборности у Николая Грота и Сергея Трубецкого.

Наше исследование показало существующую в «Московской метафизической школе» оригинальную традицию в понимании соборности, экстраполируемую на формы социальной организации университетского сообщества и философского сообщества, в качестве которого нами понимается философская школа.

В аспекте рассмотрения вопроса соответствия «Московской метафизической школы» выделенным Николаем Гротом параметрам философского сообщества нами сделан вывод, что представленное сообщество соответствует выявленным параметрам.

В исследовании показано, что на основании изучения историко-философских смыслов русской философской мысли конца XIX в. стало возможным описать параметры философской школы и философского сообщества как в широком смысле, так и в узком применительно к «Московской метафизической школе».

Список литературы

1. Ермичев А. А. Критические заметки к вопросу о «Московской метафизической школе» // Соловьевские исследования. 2021. Вып. 2 (70). С. 37–46. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2021.2.037-046>, EDN: CQTCFQ

2. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб. : Наука, 1996. 736 с.
3. Франк С. Л. Из истории русской философской мысли конца XIX – начала XX века. Washington, D.C. ; New York : Inter-Language Literary Associates, 1965. 299 с.
4. Антонов К. М. Идея сообщества ученых и ее религиозный смысл в русской мысли конца XIX века: вопрос о коммуникативной природе науки и концепция всеединства // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 6 (44). С. 54 – 68.
5. Данилов С. А. Российская постсоветская философия: опыт самоанализа // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 181–182. EDN: OPLAYF
6. Орлов М. О., Тонковидова А. В. Концептуальная модель соборности в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 9 (491). С. 108–115. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-491-9-108-115>, EDN: UMADQB
7. Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого : в 6 т. Т. 2. Философские статьи. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. 623 с.
8. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. М. : Директ-Медиа, 2012. 474 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. 736 с.
10. Русская идея : сб. / сост. М. А. Маслин. М. : Республика, 1992. 496 с.
11. Трубецкой С. Н. Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого : в 6 т. Т. 1. Публицистические статьи, напечатанные с 1896 по 1905 год включительно. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. 515 с.
12. Грот Н. Я. Ещё о задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1891. Т. II, кн. 6. С. I–VI.
13. Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 386–389. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>
2. Frank S. L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg, Nauka, 1996. 736 p. (in Russian).
3. Frank S. L. *Iz istorii russkoy filosofskoy mysli kontsa XIX – nachala XX veka* [From the history of Russian philosophical thought of the late 19th – early 20th centuries]. Washington, D.C., New York, Inter-Language Literary Associates, 1965. 299 p. (in Russian).
4. Antonov K. M. The idea of an association of intellectuals and its meaning for religion in the context of Russian thought of the end of the nineteenth century: The question of the communicative nature of knowledge and the concept of universality. *St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2012, iss. 6 (44), pp. 54 – 68 (in Russian).
5. Danilov S. A. Russian post-Soviet philosophy: An experience of self-analysis. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 12, pp. 181–182 (in Russian). EDN: OPLAYF
6. Orlov M. O., Tonkovidova A. V. Conceptual model of sobornost in Russian religious philosophy of the late 19th – first half of the 20th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2024, no. 9 (491), pp. 108–115 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-491-9-108-115>, EDN: UMADQB
7. Trubetskoy S. N. *Sobranie sochineniy Kn. Sergeya Nikolaevicha Trubetskogo: v 6 t. T. 2. Filosofskie stat'i* [Collected works of Prince Sergei Nikolaevich Trubetskoy: in 6 vols. Vol. 2. Philosophical articles]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1908. 736 p. (in Russian).
8. Solov'ev V. S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles]. Moscow, Direct-Media, 2012. 474 p. (in Russian).
9. Solov'ev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda, 1989. Vol. 2. 736 p. (in Russian).
10. Maslin M. A., comp. *Russkaya ideya* [Russian Idea]. Moscow, Respublika, 1992. 496 p. (in Russian).
11. Trubetskoy S. N. *Sobranie sochineniy Kn. Sergeya Nikolaevicha Trubetskogo: v 6 t. T. 1. Publitsisticheskie stat'i, napechatannye s 1896 po 1905 god vkluchitel'no* [Collected works of Prince Sergei Nikolaevich Trubetskoy: in 6 vols. Vol. 1. Publicist articles published between 1896 and 1905, inclusive]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1907. 515 p. (in Russian).
12. Grot N. Ya. More about the tasks of the magazine. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], 1891, vol. II, no. 6, pp. I–VI (in Russian).
13. Listvina E. V. Modern socio-cultural communications: transformations in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 386–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389>

References

1. Ermichev A. A. Critical remarks on the question of a “Moscow school of metaphysics”. *Solovyov Studies*, 2021, iss. 2 (70), pp. 37–46 (in Russian). <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2021.2.037-046>, EDN: CQTCFQ

Поступила в редакцию 13.07.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 13.07.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 21.07.2025

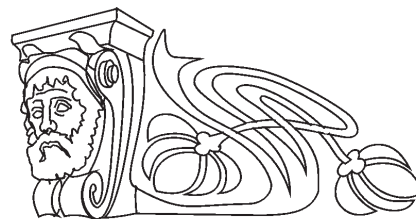
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 181–186
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 181–186
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-181-186>, EDN: IOYGYE

Научная статья

УДК 130.2(4)|13/15|:1(430+73)(09)+929Барон

Концепция гражданского гуманизма в историографии Ренессанса: полемика вокруг концепции Ханса Барона

В. В. Мархинин

Сургутский государственный университет, Россия, 628416, г. Сургут, ул. Ленина, д. 1

Мархинин Василий Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и философии, marhinin.basilio@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5024-2452>

Аннотация. Введение. Статья посвящена историографии теории гражданского гуманизма. В статьях 1930–1940-х гг. Х. Барон сформулировал новое видение истории ренессансной политической философии; его основу составлял тезис об обусловленности ее развития социально-экономическими и политическими процессами во Флоренции XIV–XV вв. Благодаря монографиям 1950-х гг. «тезис Барона» получил широкое признание и одновременно вызвал продолжительную дискуссию о природе духовных процессов Ренессанса. **Теоретический анализ.** В ходе полемики 1960–1990-х гг. критики Барона продемонстрировали искусственность привязки историко-философского процесса к социально-политической конъюнктуре Флорентийской республики. В то же время предпринятая Бароном реконструкция ценностных оснований гражданского гуманизма была в целом принята. С учетом этих замечаний последователи Барона развивали концепцию гражданского гуманизма как парадигмальной модели развития политической философии Раннего Нового времени. Наиболее масштабное воплощение этот подход получил в работах Дж. Покока по истории атлантической традиции республиканства. **Заключение.** Корректировка «тезиса Барона» открывает широкие возможности для использования концепции гражданского гуманизма в исследованиях утопической мысли, в сравнительном анализе монархических и республиканских идеологий и национальных традициях политической и философской мысли.

Ключевые слова: историография философии Ренессанса, философия Раннего Нового времени, гражданский гуманизм, республиканство

Для цитирования: Мархинин В. В. Концепция гражданского гуманизма в историографии Ренессанса: полемика вокруг концепции Ханса Барона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 181–186. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-181-186>, EDN: IOYGYE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of civic humanism: Polemics about the “Baron thesis” in the Renaissance studies

V. V. Markhinin

Surgut State University, 1 Lenina St., Surgut 628416, Russia

Vasily V. Markhinin, marhinin.basilio@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5024-2452>

Abstract. Introduction. The paper brings the analysis of the history of the theory of “civic humanism”. In his early works (1930–1940) H. Baron proposed a new vision of humanistic political philosophy as a republican worldview linked to contemporary political and social life of Italian city-states. This vision gained a wide popularity as well as his monographs of 1950s. At the same time the so-called “Baron thesis” was accepted as a new paradigm of the Renaissance studies and – on the other hand – was exposed to a detailed scrutiny and critics. **Theoretical analysis.** Baron’s opponents argued that his theory was chronologically incorrect, and his reasons for linking “civic humanism” to Florentine politics lacked weight. Nevertheless in fact they accepted Baron’s statements about the content of the political philosophy of humanists. The proponents of the “Baron thesis” (e.g. J. Pocock) revised his concept of civic humanism as a frame of the development of political philosophizing from medieval patterns to the Modernity. **Conclusion.** A revised version of the theory of civic humanism provided a useful tool for studies of Early Modern philosophy. Its further development should be directed to new fields of research such as utopian studies, comparative studies of monarchical and republican ideologies and national traditions of political and philosophical thought.

Keywords: history of Renaissance studies, Early Modern philosophy, civic humanism, republicanism

For citation: Markhinin V. V. The concept of civic humanism: Polemics about the “Baron thesis” in the Renaissance studies. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 181–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-181-186>, EDN: IOYGYE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Предложенная Хансом Бароном в 1950-х гг. [1, 2]¹ интерпретация политической философии итальянского Ренессанса как «гражданского гуманизма» (так называемый «тезис Барона», “Baron thesis”) практически в одно и то же время получила широчайшее признание и стала объектом серьезной критики. По мнению исследователя, в XV в. в мировоззрении флорентийских гуманистов на фоне борьбы с миланской монархией произошел синтез аполитичной мировоззренческой традиции и гвельфского патриотизма. Создателями новых идеалов «гражданского гуманизма» были Салютати и Л. Бруни. Барон трактовал гражданский гуманизм как философское обоснование республиканской идеологии, которая видит в управлении страной «общее дело»: граждане всячески укрепляют государство, а оно становится их опорой. Гуманисты на берегах Арно интегрировались в общественную жизнь республики, восприняли патриотизм зажиточных граждан и пересмотрели взгляды на классиков и самих себя: они – не мудрецы, презревшие мирскую суету, а страстные политики, они совмещают философию с борьбой за процветание своих республик [4, 5], в том числе, с вооруженной борьбой [6], признают ценность богатства [7, 8]. Этот же ход мысли был характерен и для более поздней кальвинистской традиции республиканства [9].

При этом гуманисты опирались не на индивидуалистические (так сказать, прото-либеральные) аргументы, а на коммунитаристскую интерпретацию политики. Предпосылку личного успеха итальянские гуманисты, по мнению Барона, видели в увеличении могущества государства, создающего условия для успехов отдельно взятого гражданина.

Эта гармония гражданина и государства достигается за счет своего рода образовательной программы, за счет возрождения классических образцов республиканской мысли, представленных в творчестве Аристотеля, Цицерона и Полибия. Следование этим образцам побуждает гражданина к политическому участию, к активной гражданской жизни. Идеи древних классиков воспринимаются в контексте таких ценностей, как простота нравов и образа жизни, презрение к алчности, роскоши, выставляемому

напоказ богатству. Другая важная ценность – бдительность, забота о сохранении республики от порчи и распада. Эти ценности составляют гражданскую добродетель, а институты республики создают благоприятные условия для ее применения в жизни.

Труды Барона получили высокую оценку современников, их значение сравнивали с работами Я. Буркхардта [3], однако даже благожелательные комментаторы задавались вопросом: «Мы признаем ценность его концепции гражданского гуманизма применительно к Бруни и кругу флорентийских мыслителей первой половины XV в., но проясняет ли она что-либо относительно гуманизма за пределами Флоренции, или даже во Флоренции в более поздние времена?» [10, с. 24].

Теоретический анализ

Начало полемике было положено статьей К. Фергюсона [10] и ответом Барона на нее [11]. К. Скиннер, Н. Рубинштейн, М. Вироли и др. указывали на то, что идеи, возникновение которых Барон связал с Салютати и Л. Бруни, возникли еще в предренессансную эпоху [12, 13–17]. Однако, доказывая это, оппоненты Барона успешно пользовались тем, что и составляет теоретическое ядро его «тезиса», а именно концепцией связи между социально-политическими процессами и развитием политической мысли.

Другую линию критики развивал Дж. Сейгель: политическое мировоззрение гуманистов формировалось не столько реакцией на события политической жизни, сколько общей логикой их профессиональной деятельности. Ценность *vita activa* осознавалась ими в результате занятий риторикой. И в это же время классическая философия – в ее средневековых интерпретациях – призывала к *vita contemplativa* и к познанию универсалий. Этот конфликт создавался со времен Петрарки, но никогда не устранял из мировоззрения гуманистов ни одну из этих ценностей, и никакого водораздела между традицией Петрарки и традицией великих флорентийских канцлеров не существовало [18]. Схожие соображения об отсутствии в интеллектуальной истории четких границ между Предренессансом и Ренессансом, Средними веками и Новым временем высказывались и в позднейшей литературе [19–20, 15].

¹ Впервые термин «гражданский гуманизм» Барон употребил в 1928 г. во введении к своему изданию трудов Л. Бруни [цит. по: 3, с. 312].

Критика «тезиса Барона» была учтена его последователем Дж. Пококом, который предложил рассматривать гражданский гуманизм как одну из ступеней в формировании «атлантической традиции» республиканской мысли Раннего Нового времени. Соглашаясь с существованием более ранних версий того, что Барон назвал «гражданским гуманизмом», а также с соображениями Дж. Сейгеля, Дж. Покок замечает: все это не означает, что гражданский гуманизм не был одним из явлений ренессансной культуры [20].

Предпринятая Дж. Пококом корректировка, выводящая становление гражданского гуманизма за пределы флорентийской политической конъюнктуры, потребовала и определенного пересмотра взглядов на содержание идей гражданских гуманистов. Это коснулось, в частности, реконструкции их взглядов на богатство и собственность. Согласно наблюдениям Дж. Покока ни то, ни другое все же не входило в число фундаментальных ценностей республиканской идеологии, формировавшейся на рубеже Средних веков и Нового времени.

Сдержанное отношение к частной собственности и несколько настороженное – к богатству было элементом римской политической морали, и рецепция подобных представлений республиканцами ренессансной эпохи была вполне закономерной. В свою очередь, благодаря таким взглядам некоторые установки ренессансной политической культуры становились приемлемыми для такого ее критика, как Савонарола. Пророк Флорентийской республики в своей политической деятельности и в умозрении совершает удивительный синтез *contemptus mundi* и *vita activa*, соединяет отречение от мирской суеты и стремление к деятельной борьбе за политическое возрождение Флоренции. Финал его творчества – рождественские проповеди на книгу пророка Аггея и трактат «Об управлении Флоренцией» становятся одновременно памятниками республиканской мысли и прообразом будущей утопической литературы Нового времени. Ценности гражданского гуманизма станут наряду с идеалом социальной справедливости одной из основ классического утопизма. Очищенное от корыстных побуждений служение государству – идеал, разделяемый в равной мере Савонаролой и Мором.

Трактовка гражданского гуманизма в качестве интеллектуального тренда, охватывающего широкий круг философских и идеологических

концепций, получила большое распространение в исследованиях итальянского Ренессанса [21–23] и европейской традиции Раннего Нового времени в целом [24–26].

Заключение

В ходе дискуссий 1950–1990-х гг. концепт гражданского гуманизма был скорректирован в отношении его хронологических и географических рамок. Оппоненты Барона убедительно продемонстрировали, что в действительности гражданский гуманизм стал одним из крупных векторов не флорентийской или итальянской, а общеевропейской интеллектуальной истории. В содержательном же отношении представления о природе идей гражданского гуманизма остались, по большей части, в рамках «тезиса Барона». Результаты, полученные К. Скиннером, Дж. Сейгелем и другими авторами, поставили под сомнение некоторую оправданность противопоставления «гражданской» и «космополитической» линии в политической философии Ренессанса.

Каковы же перспективы исследований феномена гражданского гуманизма? Предлагается, что главная из них состоит в дальнейшем расширении контекста его осмысления. В первую очередь, это относится к связям гражданского гуманизма и зарождающейся утопической мысли.

Ценности гражданского гуманизма станут наряду с идеалом социальной справедливости одной из основ классического утопизма. Определенные наработки в исследовании связей между утопией и гражданским гуманизмом уже имеются в исследовательской литературе [27], хотя в целом эта проблема находится лишь на самых начальных этапах осмысления.

Другая группа проблем связана с взаимоотношениями республиканских и монархических идеологий. Гражданский гуманизм зачастую рассматривается как синоним классического республиканства [28–30]. Действительно, целый ряд гуманистов был связан с республиканскими правительствами. Тем не менее, политическая философия того же Салютати не была тождественна его пропагандистским заявлениям. Также и те, кого порой обозначают как оппонентов гражданского гуманизма (Лоски, Конверсини, Макиавелли), были противниками вполне конкретных правительств Флоренции и Венеции, но не были противниками ценностей

гражданской свободы и доблести. Тезис о том, что, что движение гражданского гуманизма шире, чем апология республики, постепенно получает признание в научной литературе [31, 25], хотя исследования связей между гуманизмом и становлением централизованного бюрократического государства Нового времени находятся еще на начальном этапе. Не менее перспективным представляется и использование обобщений, сделанных в ходе дискуссий о «тезисе Барона» в контексте сравнительных исследований философской мысли восточной и западной части Европы, а также Запада и Востока в целом. Наличие этих и других перспектив исследований гражданского гуманизма является еще одним доводом в пользу жизнеспособности историографического конструкта, созданного Хансом Бароном.

Список литературы

1. *Baron H.* Humanistic and Political Literature in Florence and Venice. At the beginning of the quattrocento. Cambridge : Harvard University Press, 1955. 223 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674280922>
2. *Baron H.* The Crisis of the Early Italian Renaissance: Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1955. 622 p.
3. *Hankins J.* The 'Baron Thesis' after Forty Years and Some Recent Studies of Leonardo Bruni // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56, № 2. P. 309–338. <https://doi.org/10.2307/2709840>
4. *Baron H.* Cicero and the Roman Civic Spirit in the Middle Ages and the Early Renaissance // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1938. Vol. 22, iss. 1. P. 72–97. <https://doi.org/10.7227/bjrl.22.1.3>
5. *Baron H.* Das Erwachen des historischen Denkens im Humanismus des Quattrocento // *Historische Zeitschrift*. 1933. Bd. 147, № 1. S. 2–20. <https://doi.org/10.1524/hzhz.1933.147.jg.5>
6. *Baron H.* The Historical Background of the Florentine Renaissance // *History*. 1938. Vol. 22, iss. 88. P. 315–327. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229x.1938.tb00138.x>
7. *Baron H.* Franciscan Poverty and Civic Wealth as Factors in the Rise of Humanistic Thought // *Speculum*. 1938. Vol. 13, № 1. P. 1–37. <https://doi.org/10.2307/2848826>
8. *Baron H.* A Sociological Interpretation of the Early Renaissance in Florence // *South Atlantic Quarterly*. 1939. Vol. 38, iss. 4. P. 427–448. <https://doi.org/10.1215/00382876-38-4-427>
9. *Baron H.* Calvinist Republicanism and Its Historical Roots // *Church History*. 1939. Vol. 8, iss. 1. P. 30–42. <https://doi.org/10.2307/3159864>
10. *Ferguson W. K.* The Interpretation of Italian Humanism: The Contribution of Hans Baron // *Journal of the History of Ideas*. 1958. Vol. 19, № 1. P. 14–25. <https://doi.org/10.2307/2707949>
11. *Baron H.* Moot Problems of Renaissance Interpretation: An Answer to Wallace K. Ferguson // *Journal of the History of Ideas*. 1958. Vol. 19, № 1. P. 26–34. <https://doi.org/10.2307/2707950>
12. *Black R.* The Political Thought of the Florentine Chancellors // *The Historical Journal*. 1986. Vol. 29, iss. 4. P. 991–1003. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00019166>
13. *Rubinstein N.* Political Theories in the Renaissance // *The Renaissance: Essays in Interpretation* / ed. by André Chastel. New York : Methuen, 1982. P. 153–200.
14. *Skinner Q.* Pre-humanist Origins of Republican Ideas // *Machiavelli and Republicanism* / ed. by G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 121–141.
15. *Skinner Q.* Foundations of Modern Political Thought : in 3 vols. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. 330 p.
16. *Witt R. G.* Medieval “Ars Dictaminis” and the Beginnings of Humanism: A New Construction of the Problem // *Renaissance Quarterly*. 1982. Vol. 35, № 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.2307/2861451>
17. *Witt R. G.* Medieval Italian Culture and the Origins of Humanism as a Stylistic Ideal // *Renaissance Humanism: in 3 vols. Vol. 1: Foundations, Forms, and Legacy* / ed. by A. Rabil, Jr. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1988. Vol. 1. P. 29–70. <https://doi.org/10.9783/9781512805758-004>
18. *Seigel J. E.* Civic Humanism or Ciceronian Rhetoric? The Culture of Petrarch and Bruni // *Past & Present*. 1966. Vol. 34, iss. 1. P. 33–48. <https://doi.org/10.1093/past/34.1.3>
19. *Nederman C. J., Sullivan M. E.* The Polybian Moment: The Transformation of Republican Thought from Ptolemy of Lucca to Machiavelli // *The European Legacy: Toward New Paradigms*. 2012. Vol. 17, iss. 7. P. 867–881. <https://doi.org/10.1080/10848770.2012.728797>
20. *Pocock J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1975. 664 p.
21. *Bee Yu.* Ptolemy of Lucca – a pioneer of civic republicanism? A reassessment // *History of Political Thought*. 2008. Vol. 29, № 3. P. 417–439.
22. *Najemy J. M.* Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism // *The American Historical Review*. 1996. Vol. 101, № 1. P. 119–129. <https://doi.org/10.2307/2169227>
23. *Romualdez A. V.* The Renaissance Ideal of Civic Humanism // *Philippine Studies: Historical and Ethnographic Viewpoints*. 1964. Vol. 12, № 4. P. 591–604. <https://doi.org/10.13185/2244-1638.2686>

24. Harpham E. J. Liberalism, Civic Humanism, and the Case of Adam Smith // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78, iss. 3. P. 764–774. <https://doi.org/10.2307/1961842>
25. Orr D. A. Inventing the British Republic: Richard Beacon's "Solon His Follie" (1594) and the Rhetoric of Civilization // *The Sixteenth Century Journal*. 2007. Vol. 38, № 4. P. 975–994. <https://doi.org/10.2307/20478624>
26. Yoran H. Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology // *History & Theory*. 2007. Vol. 46, iss. 3. P. 326–344. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00413.x>
27. Nelson E. Utopia through Italian Eyes: Thomas More and the Critics of Civic Humanism // *Renaissance Quarterly*. 2006. Vol. 59, iss. 4. P. 1029–1057. <https://doi.org/10.1353/ren.2008.0532>
28. Brugger B. Republican Theory in Political Thought: Virtuous or Virtual? London : Palgrave Macmillan, 1999. 211 p. <https://doi.org/10.1057/9780333982303>
29. Kuznicki J. Republicanism, Classical // *The Encyclopedia of Libertarianism* / ed. by R. Hamowy. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, Cato Institute, 2008. P. 423–425. <https://doi.org/10.4135/9781412965811.n260>
30. Moulakis A. Civic Humanism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/humanism-civic/>
31. Kracht K. G. "Bürgerhumanismus" oder "Staatsräson". Hans Baron und die republikanische Intelligenz des Quattrocento // *Leviathan*. 2001. Bd. 29, № 3. S. 355–370. <https://doi.org/10.1007/s11578-001-0024-8>
- entire Renaissance. *History*, 1938, vol. 22, iss. 88, pp. 315–327. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229x.1938.tb00138.x>
7. Baron H. Franciscan Poverty and Civic Wealth as Factors in the Rise of Humanistic Thought. *Speculum*, 1938, vol. 13, no. 1, pp. 1–37. <https://doi.org/10.2307/2848826>
8. Baron H. A Sociological Interpretation of the Early Renaissance in Florence. *South Atlantic Quarterly*, 1939, vol. 38, iss. 4, pp. 427–448. <https://doi.org/10.1215/00382876-38-4-427>
9. Baron H. Calvinist Republicanism and Its Historical Roots. *Church History*, 1939, vol. 8, iss. 1, pp. 30–42. <https://doi.org/10.2307/3159864>
10. Ferguson W. K. The Interpretation of Italian Humanism: The Contribution of Hans Baron. *Journal of the History of Ideas*, 1958, vol. 19, no. 1, pp. 14–25. <https://doi.org/10.2307/2707949>
11. Baron H. Moot Problems of Renaissance Interpretation: An Answer to Wallace K. Ferguson. *Journal of the History of Ideas*, 1958, vol. 19, no. 1, pp. 26–34. <https://doi.org/10.2307/2707950>
12. Black R. The Political Thought of the Florentine Chancellors. *The Historical Journal*, 1986, vol. 29, iss. 4, pp. 991–1003. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00019166>
13. Rubinstein N. Political Theories in the Renaissance. In: André Chastel, ed. *The Renaissance: Essays in Interpretation*. New York, Methuen, 1982, pp. 153–200.
14. Skinner Q. Pre-humanist Origins of Republican Ideas. In: Bock G., Skinner Q., Viroli M., eds. *Machiavelli and Republicanism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, pp. 121–141.
15. Skinner Q. *Foundations of Modern Political Thought: in 3 vols*. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge, Cambridge University Press, 1978. 330 p.
16. Witt R. G. Medieval "Ars Dictaminis" and the Beginnings of Humanism: A New Construction of the Problem. *Renaissance Quarterly*, 1982, vol. 35, no. 1, pp. 1–35. <https://doi.org/10.2307/2861451>
17. Witt R. G. Medieval Italian Culture and the Origins of Humanism as a Stylistic Ideal. In: Albert Rabil, Jr., ed. *Renaissance Humanism: in 3 vols*. Vol. 1: *Foundations, Forms, and Legacy*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1988, vol. 1, pp. 29–70. <https://doi.org/10.9783/9781512805758-004>
18. Seigel J. E. Civic Humanism or Ciceronian Rhetoric? The Culture of Petrarch and Bruni. *Past & Present*, 1966, vol. 34, iss. 1, pp. 33–48. <https://doi.org/10.1093/past/34.1.3>
19. Nederman C. J., Sullivan M. E. The Polybian Moment: The Transformation of Republican Thought from Ptolemy of Lucca to Machiavelli. *The European Legacy: Toward New Paradigms*, 2012, vol. 17, iss. 7, pp. 867–881. <https://doi.org/10.1080/10848770.2012.728797>
20. Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1975. 664 p.

References

1. Baron H. *Humanistic and Political Literature in Florence and Venice. At the Beginning of the Quattrocento*. Cambridge, Harvard University Press, 1955. 223 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674280922>
2. Baron H. *The Crisis of the Early Italian Renaissance: Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1955. 622 p.
3. Hankins J. The 'Baron Thesis' after Forty Years and Some Recent Studies of Leonardo Bruni. *Journal of the History of Ideas*, 1995, vol. 56, no. 2, pp. 309–338. <https://doi.org/10.2307/2709840>
4. Baron H. Cicero and the Roman Civic Spirit in the Middle Ages and the Early Renaissance. *Bulletin of the John Rylands Library*, 1938, vol. 22, iss. 1, pp. 72–97. <https://doi.org/10.7227/bjrl.22.1.3>
5. Baron H. Das Erwachen des historischen Denkens im Humanismus des Quattrocento. *Historische Zeitschrift*, 1933, Bd. 147, no. 1, S. 2–20 (in German). <https://doi.org/10.1524/hzhz.1933.147.jg.5>
6. Baron H. The Historical Background of the Flor-

21. Bee Yu. Ptolemy of Lucca – a pioneer of civic republicanism? A reassessment. *History of Political Thought*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 417–439.
22. Najemy J. M. Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism. *The American Historical Review*, 1996, vol. 101, no. 1, pp. 119–129. <https://doi.org/10.2307/2169227>
23. Romuáldez A. V. The Renaissance Ideal of Civic Humanism // *Philippine Studies: Historical and Ethnographic Viewpoints*, 1964, vol. 12, no. 4, pp. 591–604. <https://doi.org/10.13185/2244-1638.2686>
24. Harpham E. J. Liberalism, Civic Humanism, and the Case of Adam Smith. *The American Political Science Review*, 1984, vol. 78, iss. 3, pp. 764–774. <https://doi.org/10.2307/1961842>
25. Orr D. A. Inventing the British Republic: Richard Beacon's "Solon His Follie" (1594) and the Rhetoric of Civilization. *The Sixteenth Century Journal*, 2007, vol. 38, no. 4, pp. 975–994. <https://doi.org/10.2307/20478624>
26. Yoran H. Florentine Civic Humanism and the Emergence of Modern Ideology. *History & Theory*, 2007, vol. 46, iss. 3, pp. 326–344. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2007.00413.x>
27. Nelson E. Utopia through Italian Eyes: Thomas More and the Critics of Civic Humanism. *Renaissance Quarterly*, 2006, vol. 59, iss. 4, pp. 1029–1057. <https://doi.org/10.1353/ren.2008.0532>
28. Brugger B. *Republican Theory in Political Thought: Virtuous or Virtual?* London, Palgrave Macmillan, 1999. 211 p. <https://doi.org/10.1057/9780333982303>
29. Kuznicki J. Republicanism, Classical. In: Hamowy R., ed. *The Encyclopedia of Libertarianism*. Thousand Oaks, CA, SAGE Publications, Cato Institute, 2008, pp. 423–425. <https://doi.org/10.4135/9781412965811.n260>
30. Moulakis A. Civic Humanism. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/humanism-civic/>.
31. Kracht K. G. "Bürgerhumanismus" oder "Staatsräson". Hans Baron und die republikanische Intelligenz des Quattrocento. *Leviathan*, 2001, Bd. 29, no. 3, S. 355–70. <https://doi.org/10.1007/s11578-001-0024-8>

Поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 21.07.2025

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 21.07.2025

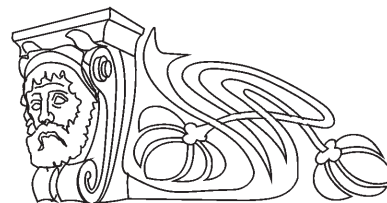

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 187–191
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 187–191
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

Научная статья
УДК [1:316]+128

Смысл в жизни в его отношении к будущему: модель социально-философского анализа

И. О. Агапов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35

Агапов Игорь Олегович, аспирант кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, newpost125@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1298-5386>

Аннотация. Введение. Смысл жизни – тема, привлекавшая новую волну интереса в аналитической философии. Однако при всем обилии публикаций есть множество аспектов, которые, по мнению автора, получили недостаточное освещение. Автор сфокусировался на значимости взгляда на будущее для определения смысла и возможных вкладов социальной философии в дискурс смысла жизни. **Теоретический анализ.** Демонстрируются возможности анализа взглядов на будущее с точки зрения социально-философских соображений, анализа скрытых и открытых политических и этических установок, социологических данных и анализа нарратива (за которым также стоят философские предположения). Акцент сделан на том, какие ограничения в существующей литературе можно превзойти, а в фокусе внимания находятся проблемы скрытых политических (часто центризм, предлагаемый без критики), эстетических (классическая эстетика) и методологических посылок. Обращено внимание на важность анализа образов будущего с учетом их интенции (позитивной и негативной, активной и пассивной). **Заключение.** Предлагается модель социально-философского исследования взглядов на смысл жизни в контексте отношения к будущему. Модель призвана обогащать понимание смысла жизни, проясняя аспекты, связанные с социальной онтологией, аксиологией, политикой, экономикой и т.п.

Ключевые слова: смысл жизни, социальная философия, ценности, будущее

Для цитирования: Агапов И. О. Смысл в жизни в его отношении к будущему: модель социально-философского анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 187–191. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The meaning of life in its relation to the future: A model of socio-philosophical analysis

I. O. Agapov

Kazan Federal University, 35 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russia

Igor O. Agapov, newpost125@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1298-5386>

Abstract. Introduction. The meaning of life is a topic that has attracted a new wave of interest in analytical philosophy. However, with all the abundance of publications, there are many aspects that, in our opinion, have received insufficient coverage. Among them, we focus on the idea of looking at the future as relevant for determining the meaning and possible contributions of social philosophy to the discourse of the meaning of life. **Theoretical analysis.** This article demonstrates the possibilities of analyzing views on the future from the point of view of socio-philosophical considerations, the analysis of implicit and explicit political and ethical attitudes, sociological data, and narrative analysis (which is also based on philosophical assumptions). The emphasis is on what limitations of the existing literature can be surpassed, mainly focusing on the problems of hidden political (often centrism, proposed without criticism), aesthetic (classical aesthetics) and methodological premises. The article draws attention to the importance of analyzing images of the future, taking into account the intention behind them (positive and negative, active and passive). **Conclusion.** A model of socio-philosophical study of views on the meaning of life in the context of attitudes towards the future is proposed. The model is designed to enrich the understanding of the meaning of life by clarifying aspects related to social ontology, axiology, politics, economics, etc.

Keywords: meaning of life, social philosophy, values, future

For citation: Agapov I. O. The meaning of life in its relation to the future: A model of socio-philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 187–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Смысл жизни, в явной форме обсуждаемый как минимум последние 200 лет, особо значим для любого человека в меру его способности и склонности к оцениванию [1]. С конца 1990-х гг. в англоязычной литературе возобновляется интерес к теме, особенно в формулировке «смысл в жизни», в работах Т. Метца, И. Ландау, Дж. Сикриса и др. У текстов новой волны есть общие темы и вопросы: (интер)субъективность и объективность смысла, возможные варианты понимания смысла на основе анализа обыденного языка (как значимости и как способности отсылать к чему-то другому), анализ религиозных аспектов, нарративный подход, компоненты жизни, наполненной смыслом [2]. Этот дискурс по большей части существует в рамках аналитической философии и в разрыве от идей социальной философии, кроме того, время в нем обычно рассматривается весьма обобщенно. Задача данной статьи – заполнить эти пробелы и показать модель социально-философского анализа взгляда человека на смысл жизни в контексте его отношения к будущему и показать эффективность данной модели в раскрытии содержания смысла в жизни. Для краткости и избегания паттернов борьбы узких концепций будем исходить из того, что смысл в жизни – оценка жизни как значимой, которая может обретаться в разных ценностных контекстах и разных теоретических рамках. Эта значимость подразумевает не только «важность для кого-то», но также и личную оценку того, стоит ли прожить такую жизнь (устоявшаяся в источниках ассоциация с известным эссе А. Камю).

Теоретический анализ

Итак, в данной статье мы рассмотрим следующую проблему – недооценку погруженности человека в его образы времени, конкретно фокусируясь на отношении к будущему. Прежде чем представлять модель социально-философского анализа взглядов на смысл жизни в контексте отношения к будущему, следует показать широкий набросок этого взгляда как такового.

Сама идея будущего заставляет нас поставить оценку смысла в некоторое настоящее, где жизнь оказывается принципиально ещё не завершённой (но не обязательно неопределённой). В профессиональной литературе проблема обычно не рассматривается с точки зрения

положения человека во времени, более того, обычно суждения о смысле делаются без пояснений относительно времени их вынесения. У Т. Метца, одного из наиболее влиятельных авторов, «поправки на время» выражаются только в предпочтении более долгой памяти о жизни и неявных намеках, что о полном смысле можно говорить только в случае итога итогов [3].

Социально-философское мышление не может останавливаться только на времени как таковом. Здесь она призвана дополнить суждения о смысле жизни социальным содержанием, так как пока последние в их социальных аспектах остаются под рубрикой «субъективности» и не подвергаются рефлексии с точки зрения устройства общества. В социально-философском анализе оценка становится субъективной, т. е. ее делают определенные субъекты в определенный момент времени, за ней стоит придание ценности или обесценивание разных феноменов жизни. Субъектный характер происхождения суждений о ценности можно увидеть, посмотрев на ценности в контексте авторитета. Часто мы видим особую роль «экспертов в ценностях» – религиозных деятелей (например, часто обесценивающих наслаждение и придающих ценность построения семьи по определенной модели), писателей (романтизирующих или тривиализирующих жизнь офисного работника, преступника и т.п.), государства (программы по поддержке и по предотвращению различных вариантов жизненного выбора), авторов в области психологии и особенно «самопомощи» (будучи наделенными авторитетом объявлять разные модели здоровыми и нездоровыми и/или успешными и неуспешными, они часто могут блокировать старые модели смысла с помощью лейблов о зависимости и токсичности). Здесь все они формируют наше поле ожиданий от будущего и оценивания наших перспектив.

Отдельные агенты и продвигаемые ими нарративы могут вписываться в рамки идеологий как прогрессистские, традиционалистские и иные, так мы можем лучше понимать социальную природу нашей оценки смысла. Можно увидеть центризм в методологии Т. Метца, опирающейся на консенсус и особые образцы жизни, наполненных смыслом (либеральный канон «великих людей»). У Метца есть и определенная доля ценностного консерватизма, когда он говорит об оценке смысла в жизни как истории: он позитивно оценивает универсальные и

оригинальные истории и наделяет нарративно негативной ценностью случайность, повторение, подражание чужой жизни [3, р. 230, 235].

Также важно учитывать социальный статус тех, кто делает суждения о смысле жизни в его отношении к будущему. В социологической литературе планирование своего будущего часто ассоциируется с неким привилегированным положением, более широкими возможностями и специфическим воспитанием. Нужно принимать во внимание, что актуальная форма отношения к будущему для всех разная – иногда это ожидание, для кого-то планирование, для кого-то предмет азартной игры и т.п. Далее, важна интенция образов. В социологии известно различие образов будущего на те, что ориентируются на позитивные исходы (например, образцы карьер врача и инженера), и те, что сфокусированы на избегании негативных исходов (зависимость, долги, судимость), причем эти типы образов могут быть характерны для разных этнических групп (стереотип американского контекста – культивирование позитивных образов у привилегированных слоев общества и, наоборот, негативная установка избежать бедности и тюрьмы в будущем у этнических меньшинств), что подчеркивает социальную погруженность смысла [4, р. 404]. Сама форма обращения плана важна – «ты должен / ты можешь достичь успеха» отличается от «постарайся не потерпеть неудачу», здесь можно выделить множество модусов стремления к изменению, стабилизации, предотвращению и т.п. Имеет место нечто подобное интерпелляции, где субъект ставится в определенный контекст смысла.

Где начинается будущее и кончается настоящее? Вполне обоснованно проблематизировать эту границу, разделяя качественное и хронологическое. Если будущее нагружено смыслом отличности от настоящего, то иногда стоит говорить об отсутствии будущего, такие представления распространены, например, в дискуссиях о возможности будущего вне капитализма, хотя эта линия аргументации применяется к любому случаю, где будущее невозможно, так как «всегда будет одно и то же». Здесь будущее возможно только хронологически, но не качественно. Даже на уровне отдельно взятого человека ближайший год может не казаться будущим, если он представляется полным продолжением текущего момента и особенно в случаях жизненной паузы, ожидания (часто неизвестной длительности – поиска работ, ситуации болезни,

осознанной паузы вроде “gap year” и т.п.), «моратория», «расширенного настоящего», о которых говорят социологи. Граница будущего зависит от некоего фактора изменения, который может быть привязан к закономерностям, конкретным датам, возрасту («к/после 30/40/... уже...») или случайному событию (например, когда меня наконец-то заметит знаменитый режиссер) [5, р. 12]. Эта граница показывает нам, кто из оценивающих смысл активен и социально «силен», а кто, наоборот, ограничен, для кого пассивность безопасный выбор, а для кого отчаяние. Факторы, о которых идет речь, имеют социально-философское содержание: распространенные в обществе формы счета и деления времени жизни человека и связанные с ними ожидания, общая настроенность на активное или пассивное отношение к жизни (которое можно связывать с разными культурными трендами, как делал Ф. Полак, выделявший пессимизм и оптимизм относительно возможности изменения будущего) и т.п. [6, р. 25–29].

Значимость будущего и особенно его протяженности ярко, хотя и несколько карикатурно, показывает следующий мысленный эксперимент: если мы представим скорый конец человеческого рода, то многие проекты теряют смысл, например, усилия по изобретению лекарства от рака окажутся не так приоритетны, если, скажем, осталось всего 2 недели [7, р. 21–24]. С сокращением времени многие из наших забот отпадают. У нас есть неосознанные ожидания от будущего, которые определяют, что для нас вообще может быть важным и приоритетным. Мы можем считать, что многие из актуальных на сегодняшний момент вещей станут менее релевантными спустя, допустим, 30 лет: существующие модели карьеры, идентичности, социального круга, собственности, тогда смыслы, связанные с ними, заменятся другими. Для кого и что я делаю, кто я, что я могу иметь, что я должен и т.п. – круг важных вопросов, имеющих смысл, в конечном итоге, только в контексте социальных практик.

Важна также этическая перспектива. Часто может иметь значение некоторая воображаемая оценка из будущего, что мы видим, например, у некоторых утилитаристов: такая идея есть у Т. Малгана, который говорит о нашем моральном статусе с точки зрения обязательств перед будущими поколениями [8]. Жизнь человека может приобретать негативный смысл, если рассмотреть ее с точки зрения будущих по-

следствий. Если выйти за пределы консеквенциализма и оценивать намерения или добродетельность, то и здесь мы можем «оказаться виноватыми» позднее – такая логика, на наш взгляд, есть напрашивающаяся инверсия существующей политики памяти относительно деятелей колониального и иного прошлого. Вне философского контекста данная точка зрения популярна во многих заявлениях и договорах международных организаций со времен идеи устойчивого развития. Само признание или отрицание важности оценки из будущего в наших образах уже важный пункт анализа.

Многие авторы отмечают связь идеи смысла жизни с нарративным мышлением, которое предполагает нарративную ценность [2]. Очевидна проблемность «нарративной ценности» – как вообще ее измерять? Именно это делает данный вопрос областью социальной философии, а не только нарратологии. Формулировка Т. Метца “a compelling life story” не представляется достаточной в силу неясности того, кто и как оценивает свойства этой истории (учитывая, что одну жизнь можно представить в ряде разных историй) [3, р. 235]. При всей относительности вкусов в отношении искусства нужно понимать, что это часто нарративная ценность в применении к себе, а не вымышленному персонажу. На мой взгляд, необходимо отделить эти контексты применения, если первое сохраняет большую степень произвольности, то второе, на наш взгляд, принуждает к несколько большей осторожности, что в некоторой степени поддерживает консерватизм Т. Метца, о котором мы упомянули ранее.

Интересна идея Л. Эделмана о том, что сохранение будущего в целом и идея продолжения жизни есть имманентно консервативный корень большинства установок от самых левых до самых правых [9, р. 1–5].

Здесь будущее связано с завершением истории жизни, также оно может содержать в себе некий эпилог, завершение после завершения. Образ мира будущего определяет жанр (в рамках которого несколько легче рассуждать о нарративной ценности, причем наверняка не все жанры подходят для осмысления смысла жизни) и нарративные характеристики: насколько активна роль человека в мире, как расставлены акценты значимости. Одним из классических образцов подобного анализа является модель Х. Уайта в работе «Метаистория», где определяются жанровые, троповые, идеологические

и методологические характеристики исторических нарративов [10]. Кроме того, литературный анализ может помочь выделить разные стили интерпретации жизни как имеющей смысл: пока предварительно можно определить пространственную мысль «смысл жизни в самой жизни» как стиль реализма, тогда как религиозные трактовки можно отнести к символизму. Это могло бы обогатить наше понимание речи о смысле жизни, если расширить жанровые рамки дискурса. Пастораль, например, представлялся бы жанром, ассоциируемым со спокойной жизнью. Можно также найти нуарные, эпические, трагические и иные мотивы в речи людей о смысле жизни. Сам Х. Уайт в одной из поздних работ (2017) подчеркивал, что истории о жизни предполагают целую философию жизни и некие идеалы в противоположность дезорганизованному видению жизни [11, р. 281–285]. На наш взгляд, здесь лежит огромный потенциал для исследования связей нарратива о себе с нарративами об истории в целом, философией истории и философией жизни.

Подходя к заключению, мы можем предложить суммарную модель социально-философского анализа взгляда человека на смысл жизни в контексте его отношения к будущему.

Заключение

Искомая нами модель в предварительном варианте предполагает анализ взглядов на смысл жизни в контексте образов будущего через следующие вопросы:

- 1) какие ценности предполагает этот взгляд?
- 2) какие акторы, идеологии формируют этот взгляд?
- 3) кому он может быть свойственен как личная позиция, каков социальный статус такого субъекта?
- 4) где находится граница будущего?
- 5) какое отношение субъекта к будущему (в параметрах активности, вариантов работы с будущим и т.п.)?
- 6) какие нарративные паттерны можно найти в этом взгляде?
- 7) как нарративные паттерны соотносятся с ответами на вопросы 1–5?

Даже в достаточно предварительной форме эта модель может открывать дорогу для социального-философского обогащения мышления о смысле жизни.

Список литературы

1. Landau I. Why Has the question of the meaning of life arisen in the last two and a half centuries? // *Philosophy Today*. 1997. Vol. 41, iss. 2. P. 263–269. <https://doi.org/10.5840/philtoday19974123>
2. Metz T. The Meaning of Life // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 Edition) / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Metz T. *Meaning in life: An analytic study*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 269 p.
4. Suckert L. Back to the Future. Sociological perspectives on expectations, aspirations and imagined futures // *European Journal of Sociology*. 2022. Vol. 63, iss. 3. P. 393–428. <https://doi.org/10.1017/S0003975622000339>
5. Cuzzocrea V. Moratorium or waithood? Forms of time-taking and the changing shape of youth // *Time & Society*. 2018. Vol. 28, iss. 2. P. 567–586. <https://doi.org/10.1177/0961463X18763680>
6. Polak F. *The image of the future*. Amsterdam : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 344 p.
7. Scheffler S. *Death and the Afterlife*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 222 p.
8. Mulgan T. Answering to future people: Responsibility for climate change in a breaking world // *Journal of Applied Philosophy*. 2018. Vol. 35, iss. 3. P. 532–548. <https://doi.org/10.1111/japp.12222>
9. Edelman L. *No Future*. London : Duke University Press, 2004. 208 p.
10. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore ; London : The John Hopkins University Press, 1973. 468 p.
11. White H. *The Ethics of Narrative: Essays on History, Literature, and Theory, 2007–2017*. Baltimore : Cornell University Press, 2024. 306 p.

References

1. Landau I. Why Has the question of the meaning of life arisen in the last two and a half centuries? *Philosophy Today*, 1997, vol. 41, iss. 2, pp. 263–269. <https://doi.org/10.5840/philtoday19974123>
2. Metz T. The Meaning of Life. In: Zalta E. N., Nodelman U., eds. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2022. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/> (accessed May 18, 2025).
3. Metz T. *Meaning in life: An analytic study*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 269 p.
4. Suckert L. Back to the Future. Sociological perspectives on expectations, aspirations and imagined futures. *European Journal of Sociology*, 2022, vol. 63, iss. 3, pp. 393–428. <https://doi.org/10.1017/S0003975622000339>
5. Cuzzocrea V. Moratorium or waithood? Forms of time-taking and the changing shape of youth. *Time & Society*, 2018, vol. 28, iss. 2, pp. 567–586. <https://doi.org/10.1177/0961463X18763680>
6. Polak F. *The image of the future*. Amsterdam, Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 344 p.
7. Scheffler S. *Death and the Afterlife*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 222 p.
8. Mulgan T. Answering to future people: Responsibility for climate change in a breaking world. *Journal of Applied Philosophy*, 2018, vol. 35, iss. 3, pp. 532–548. <https://doi.org/10.1111/japp.12222>
9. Edelman L. *No Future*. London, Duke University Press, 2004. 208 p.
10. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, London, The John Hopkins University Press, 1973. 468 p.
11. White H. *The Ethics of Narrative: Essays on History, Literature, and Theory, 2007–2017*. Baltimore, Cornell University Press, 2024. 306 p.

Поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 192–195

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 192–195

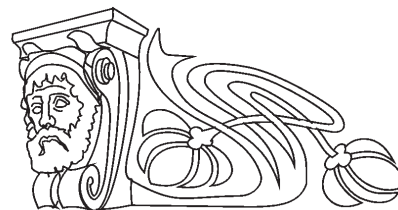
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-192-195>, EDN: MYFKJW

Научная статья

УДК 1:316.347

Разграничение понятий «нация» и «этнос» посредством типологии национализма

А. Т. Мкоян¹✉, О. Ф. Филимонова²

¹ Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

² Саратовская православная духовная семинария Саратовской епархии Русской Православной Церкви, Россия, 410028, г. Саратов, ул. Мичурина, д. 92

Мкоян Ашот Тигранович, аспирант кафедры социальных коммуникаций, ashotmkoyan17@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4501-7192>

Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, старший преподаватель кафедры богословия, старший преподаватель кафедры Церковной истории, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Аннотация. Введение. В основе существования любого государства, помимо идеологических, социальных, экономических и правовых аспектов, положен важнейший фактор функционирования в виде существования определенных наций и народов, проживающих на его территории. Внутригосударственные и мировые процессы предопределили необходимость разграничения понятий этноса и нации, а также более глубокого изучения национализма. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ становления обществ в различных государствах мира позволил отметить, что идеи, процветающие во Франции и определившие путь установления равного положения каждого гражданина независимо от его происхождения, будут в дальнейшем распространены по Европе и другим странам Нового света. **Заключение.** Исследование национализма позволило выделить два его основных типа – гражданский и этнический. Каждый из них базируется на различных началах, имеет свои особенности и отвечает различным целям государственной политики.

Ключевые слова: этнос, народ, нация, этнический национализм, гражданский национализм, гражданин, права человека, либеральные ценности

Для цитирования: Мкоян А. Т., Филимонова О. Ф. Разграничение понятий «нация» и «этнос» посредством типологии национализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 192–195. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-192-195>, EDN: MYFKJW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Differentiation of the concepts of “nation” and “ethnos” through the typology of nationalism

A. T. Mkoyan¹✉, O. F. Filimonova²

¹Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov Orthodox Theological Seminary of the Saratov Diocese of the Russian Orthodox Church, 92 Michurina St., Saratov 410028, Russia

Mkoyan T. Ashot, ashotmkoyan17@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4501-7192>

Olga F. Filimonova, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Abstract. Introduction. The existence of any state, in addition to ideological, social, economic and legal aspects, is based on the most important factor of functioning in the form of the existence of certain nations and people living on its territory. Domestic and global processes have predetermined the need to distinguish between the concepts of ethnos and nation, as well as a more in-depth study of nationalism. **Theoretical analysis.** A comparative analysis of the development of societies in various countries of the world has shown that the ideas that flourished in France and determined the path to establishing equal status for each citizen, regardless of their origin, would later spread throughout Europe and other countries of the New World. However, the processes of globalization, wars, and changes in forms of government changed views on such topics. Thus, by the end of the 20th century in Germany, the ideas of ethnic nationalism gave way to civil nationalism, which developed into Nazism, which is based on the idea of hatred of other peoples and races. **Conclusion.** The study of nationalism has made it possible to identify two of its main types – civil and ethnic. Each of them is based on different principles, has its own characteristics, and meets different goals of state policy.

Keywords: ethnos, people, nation, ethnic nationalism, civil nationalism, citizens, human rights, liberal values

For citation: Mkoyan A. T., Filimonova O. F. Differentiation of the concepts of “nation” and “ethnos” through the typology of nationalism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 192–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-192-195>, EDN: MYFKJW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Государство формируется на основе существования и жизнедеятельности народа, его населяющего, который в дальнейшем получает название государствообразующего. Таким образом, в механизме государства заложена определенная идеологическая основа, деятельность по планированию и другие институты, эффективности которых способствует не только управленческий элемент, но и сами граждане, народ. Однако для достижения подобной цели необходимо соблюдение важнейшего условия – успешная реализация прав граждан, которые одновременно являются представителями различных наций и народов. И от характера и качества соблюдения их прав также зависят многие аспекты жизни государства и общества: существование разных партий в политическом поле, характер их стратегии, выбор того или иного руководителя государства и иные особенности. По нашему мнению, любое государственное образование возникает благодаря определенному народу. Так, можно проследить, что название ряда стран обязано наименованию народа, ее населяющего: Греция – страна греков, Япония – страна японцев, Польша – страна поляков и так далее.

Новое время представляет собой особенную веху в истории, которая ознаменована формированием понятия гражданского общества. Зарождение данного явления во Франции сопровождалось различными процессами объединения французов с помощью гражданских прав, которое происходило скорее с учетом гражданства индивида, а не его происхождения. Конечно, нельзя не отметить, что в рассматриваемое время во Франции осуществляли свою деятельность видные, талантливые и заметные представители иного этнического происхождения, которые, тем не менее, внесли большой вклад во французскую науку и культуру и продолжают прочно ассоциироваться с Францией. Среди подобных деятелей назовём корсиканца Наполеона Бонапарта, немца по происхождению, философа Гольбаха, а также франко-швейцарцев Монтескье и Руссо.

Можно сказать, что Франция продолжила курс гражданского национализма и сейчас французами могут себя называть люди разных этносов и рас, но при условии наличия гражданства. Германия же, напротив, стала сторонницей этнического национализма, т. е. Германия – страна немцев и больше ничья.

В целях более подробного рассмотрения обозначенной темы необходимо изучить понятие гражданского национализма, которое также получило название западного. Данная категория зародилась во Франции во время «Великой французской революции», которая ознаменовала собой победу новых либеральных ценностей, под которыми подразумевается соблюдение прав человека и гражданина государства, а в особенности их естественных и неотъемлемых прав: свобода убеждений, свобода личности, свобода слова.

Теоретический анализ

Возникновение и распространение договорной теории государства обязаны работам мыслителей, которые писали свои труды в XVII и начале XVIII в. Согласно указанной концепции, государство – это своеобразный продукт, который сформировался благодаря осознанному, рациональному союзу граждан на основе договора.

При этом «государство и граждане имеют взаимные права и обязанности, которые носят социальный, экономический, правовой и иной характер. Также в случае незаконных действий, нарушения правовых рамок со стороны государства и его представителей граждане вправе отстаивать свою свободу, защищать имущество и даже положить конец договору, в том числе посредством свержения лидера государства» [1, с. 36–37].

Используя эту новую правовую базу, французская нация начала переход к становлению нового гражданского общества, т. е. гражданской нации. Данная идея подразумевает равное положение человека и граждан, что придает ей особый смысл, так как подчеркивается, что даже иностранец может обладать теми же правами, что и гражданин. Исходя из этого можно предположить, что иностранец, как и любой другой гражданин, может рассчитывать на защиту со стороны государства. Подобное толкование создает видимость безопасности подобной гражданской нации, но будет не совсем справедливым, поскольку иностранец мог не иметь большую историю налоговых отчислений, если они вообще были. Однако либеральное гражданское общество обозначило перед собой цель поставить жизнь человека и гражданина в равные условия, так как жизнь человека (вне зависимости от того гражданин он или нет) является высшей ценностью, и никто не в праве ее отбирать.

В 14-й статье «Декларации прав человека и гражданина Франции 26 августа 1789 года» содержится положение о том, что граждане обладают правом самостоятельно вводить государственное обложение, а также осуществлять надзор за его эффективным использованием, сроками, в течение которых производится его уплата, и некоторыми иными аспектами данной сферы отношений¹. Важной частью декларации также является 17-я статья, где говорится о праве неприкосновенности имущества, а именно содержатся установления о священном характере имущества и невозможности лишения его, кроме закрепленных в законах случаев крайней необходимости и соразмерной компенсации². Дальнейшая модернизация французского законодательства продолжится Наполеоном Бонапартом, а именно созданием кодекса, который получит название «Кодекс Наполеона» или Французский гражданский кодекс 1804 года. Он будет дополнять в том числе указанные законы, касающиеся естественных прав человека и гражданина. Так, в статье 544, рассматривающей вопросы имущественных отношений, содержится положение, которое фактически дает современное определение права собственности, и где включены элементы пользования и распоряжения³.

Концепция гражданства закладывает идеи свободы, равенства и участия в политической жизни государства. Однако в условиях глобализации и миграционных процессов возникает вопрос о границах этих принципов: на примере разных стран мы видим, что права граждан и иностранцев становятся всё более схожими. Иностранцы также получают доступ к социальным пособиям, что, с одной стороны, отражает стремление к равенству и социальной справедливости, но с другой – вызывает споры, так как финансирование подобных выплат осуществляется за счёт налогов граждан. Это ставит под сомнение справедливость распределения ресурсов и поднимает дискуссию о том, как именно должны реализовываться идеи гражданства на практике. Гражданский нацио-

нализм является неотъемлемой частью политики таких государств, как США, Франция, Швейцария, Канада и другие, где огромное количество народов объединены гражданством. Таким образом, создается нация, которая образуется посредством объединения за счет гражданства, проживания на одной территории и обладания правом избрания правителя.

Одним из первых примеров этнического национализма можно назвать Германию в XIX в. В данный период превалировали идеи за объединение Германии на основе общности языка, культуры и этнического происхождения, а также за создание государства, которое отвечало бы интересам германского народа. Одной из важнейших фигур в данном отношении является Отто фон Бисмарк, который, воспользовавшись политической ситуацией, смог осуществить идею объединения немцев в одно государство [2]. Спустя какое-то время Германская империя в 1918 г. проигрывает Первую мировую войну и, вынужденная идти на уступки, лишается армии. После недолгого существования Веймарской республики произойдет смена правительства и изменение государства. К 1933 г. Реваншистская партия НСДАП возглавит правительство, и будет провозглашен Третий Рейх.

Мы подошли к проблеме этнического национализма и видим на живом примере как он трансформировался в нацизм, в основе которого заложена идея ненависти к другим народам и расам. Если национализм направлен на сохранение и защиту Родины, культуры, семьи, то нацизм приводит к ущемлению или уничтожению другого народа, как происходило с евреями на примере Германии. Подобная политика была направлена на консолидацию немецкого народа на основе истребления врагов в лице целых народов, а также на дальнейшее завоевание всей Европы. В истории данное явление будет названо Холокостом и станет ассоциироваться с самыми изощренными методами достижения политических целей с использованием манипуляции национальным вопросом [3]. Похожие процессы уничтожения населения по этническому принципу известны и со времен Османской Империи, в которой происходило уничтожение ассирийского народа, а также греческого и армянского населения [4, с. 23].

Переходя к истокам идеи национализма и его основного деления, нужно подытожить, что Германия стала примером становления вос-

¹ Декларация прав человека и гражданина Франции от 26 августа 1789 г. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm (дата обращения: 11.09.2024).

² Там же.

³ Французский гражданский кодекс 1804 г. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/ (дата обращения: 11.09.2024).

точного национализма, а именно этнического, а французская идея гражданской нации относится к западному типу национализма. В работе «The idea of nationalism» Ханс Кон проводит различия в характере национализма в Восточной Европе и на Западе. Согласно его мнению: «В первом случае явление основывалось на представлениях о том, каким должно быть государство и его население, часто оторванных от реальности и идущих из прошлого, легенд и мечтаний. На Западе национализм имел более практичное происхождение, опираясь на существование титульной нации, её кровные связи и социальное положение. В Германии того времени он означал переход от понятия гражданства к более расплывчатой концепции народа. Такая подмена была политически удобна: образ народа, связанного узами крови и землёй, сильнее воздействовал на массы, чем утилитарные аргументы, что и составляло преимущество подобного подхода» [5, с. 300–301]. Рассмотренные различия, по мнению Х. Кона, стали результатом различных последствий периодов Ренессанса и Реформации в Германии и Западной Европе.

Заключение

Отметим, что способы создания и сущность гражданского и этнического типов государства, несомненно, различаются. Гражданская нация основывается на понятии гражданства и либеральных представлениях о равенстве граждан. В то время как развитие государственности на основе этнического подхода оперирует понятиями кровного и языкового родства и культурной близости, которые выступают мощнейшими факторами консолидации того общества, чьи взаимодействия были выстроены на подобных началах.

Гражданский национализм, в свою очередь, обладает большим потенциалом, который может быть выражен в количественных показателях, таких как рост численности населения, расширение гражданской вовлечённости и институциональная устойчивость. Такая форма национальной общности предполагает тенденцию к расширению за счёт внешних элементов – иностранцев, которые со временем

интегрируются в социум и получают равные права с коренным населением. Этот процесс может рассматриваться и как преимущество, выражающееся в увеличении масштаба и многообразия общества, и как недостаток, учитывая сложность устойчивого объединения представителей разных этносов, конфессий и рас в единую гражданскую идентичность.

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Дело ; РАНХиГС, 2017. 528 с.
2. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 1. 543 с.
3. Oxford University Online Dictionary URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/holocaust?q=holocaust> (дата обращения: 11.09.2024).
4. Dadrian V. N. Armenians in Ottoman Turkey and the Armenian Genocide // Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity: in 3 vols. Vol. 1 / ed. D. L. Shelton. Detroit ; New York ; San Francisco ; San Diego ; New Haven ; Waterville ; London ; Munich : Macmillan Reference USA, 2005. P. 67–76.
5. Kohn H. The idea of nationalism: A study in its origins and background. New York : Routledge, 2017. 800 p. <https://doi.org/10.4324/9781315132556>

References

1. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow, Delo, RANHiGS, 2017. 528 p. (in Russian).
2. Bonvecha B., Galaktionova Yu. V., eds. *Istoriya Germanii: v 3 t.* [The History of Germany: in 3 vols.]. Moscow, KDU Publ., 2008. Vol. 1. 543 p. (in Russian).
3. Oxford University Online Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/holocaust?q=holocaust> (accessed September 11, 2024).
4. Dadrian V. N. Armenians in Ottoman Turkey and the Armenian Genocide. In: Shelton D. L., ed. *Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity: in 3 vols.* Vol. 1. Detroit, New York, San Francisco, San Diego, New Haven, Waterville, London, Munich, Macmillan Reference USA, 2005, pp. 67–76.
5. Kohn H. *The idea of nationalism: A study in its origins and background.* New York, Routledge, 2017. 800 p. <https://doi.org/10.4324/9781315132556>

Поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 21.07.2025

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 196–203

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 196–203
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-196-203>

EDN: OZFDBV

Научная статья
УДК 159.923-053.6+329.78

Возрастная специфика индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций курсантов Юнармии

М. М. Проничева, Т. Н. Кабанова , Д. А. Баженова

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава РФ, Россия, 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23

Проничева Мария Михайловна, старший научный сотрудник отдела психопрофилактики, mariya_pronichev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>

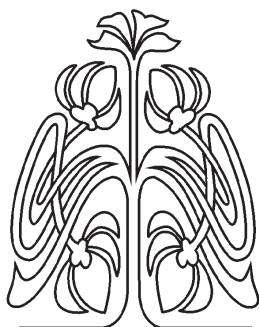
Кабанова Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник отдела психопрофилактики, tatianak0607@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>

Баженова Дарья Алексеевна, лаборант-исследователь отдела психопрофилактики, bazhenova03@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8426-5295>

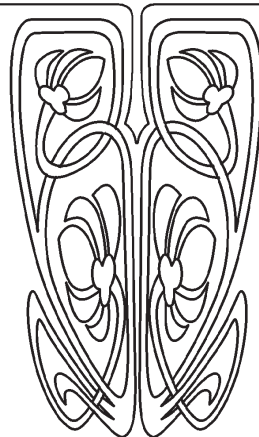
Аннотация. Введение. Актуальность исследования ценностных ориентаций подростков обоснована тем, что позволяет понять тенденции развития современного общества. Целью статьи является изучение возрастной специфики индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций. **Материалы и методы.** В качестве базы используются результаты обследования курсантов Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия». Обследован 231 подросток возрастных групп: 11–12, 13, 14–15, 16–17 лет. Диагностический комплекс включал методики, изучающие осмысленность жизни, образ Я и особенности самоконтроля, а также авторскую методику, позволяющую определять базовые и значимые ценности респондентов. Метод выявления базисных ценностей разработан на основе оригинальной методики В. Г. Асеева. **Результаты.** Выявлены значимые различия в индивидуально-психологических особенностях подростков в зависимости от возраста. Определена возрастная специфика по переменным «Предпочтение простых задач», «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «Уверенность в контроле жизни» и ее общей осмысленности. Также были выявлены значимые связи между базовыми/значимыми ценностями, антиценностями и психологическими показателями юнармейцев в каждой возрастной группе. **Заключение.** Исследование позволило сделать вывод о важности моральных устоев для подростков, а также продемонстрировало стремление молодых людей к автономии, независимости, социальному взаимодействию и общественно полезной деятельности. Полученные данные могут быть использованы для разработки эффективных программ социально-психологической поддержки и развития для детей и подростков.

Ключевые слова: социальная напряженность, ценностная сфера, ценности, индивидуально-психологические особенности, возрастные особенности, курсанты Юнармии

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания «Разработка системы оценки социальной напряженности и риска социально-агрессивного поведения» (Пер. № 124020800065-6; дата регистрации: 8 февраля 2024 г.).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Проничева М. М., Кабанова Т. Н., Баженова Д. А. Возрастная специфика индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций курсантов Юнармии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 196–203. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-196-203>, EDN: OZFDBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Age specificity of individual psychological characteristics and value orientations of Yunarmiya cadets

M. M. Pronicheva, T. N. Kabanova , D. A. Bazhenova

V. P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, 23 Kropotkinsky Per., Moscow 119034, Russia

Maria M. Pronicheva, mariya_pronichev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>

Tatiana N. Kabanova, tatianak0607@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7834-053X>

Daria A. Bazhenova, bazhenova03@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8426-5295>

Abstract. Introduction. The relevance of the study of value characteristics of adolescents is justified by the fact that it allows to understand the development trends of modern society. The purpose of the article is to study the age specificity of individual psychological characteristics and value characteristics. **Materials and methods.** 231 adolescents of the All-Russian children's and youth military-patriotic public movement "Yunarmiya" were surveyed: aged 11–12 years, 13 years, 14–15 years, 16–17 years. The diagnostic complex included methods that study the meaningfulness of life, self-image and self-control features, as well as the author's method that allows us to determine the basic and significant values of respondents. The method for identifying basic values was developed on the original technique based on V. G. Aseev. **Results.** Significant differences in the individual psychological characteristics of adolescents depending on age were revealed. Age specificity was determined for the variables "Preference for simple tasks", "Life process or interest and emotional richness of life", "Confidence in life control" and its overall meaningfulness. Significant relationships were also identified between basic/significant values, anti-values and psychological indicators of young army cadets in each age group. **Conclusion.** The study allowed to conclude that moral principles are important for adolescents, and also demonstrated the desire of young people for autonomy, independence, social interaction and socially useful activities. The data obtained can be used to develop effective programs of social and psychological support and development for children and adolescents.

Keywords: social tension, value sphere, values, individual psychological characteristics, age characteristics, young army cadets

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment "Development of a system for assessing social tension and the risk of socially aggressive behavior" (Reg. No. 124020800065-6; registration date: February 8, 2024).

For citation: Pronicheva M. M., Kabanova T. N., Bazhenova D. A. Age specificity of individual psychological characteristics and value orientations of Yunarmiya cadets. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 196–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-196-203>, EDN: OZFDBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном обществе человек непрерывно сталкивается с воздействием неблагоприятных факторов различной этиологии, что ведет к повышению уровня социальной напряженности, которая может выражаться в перестройке системы ценностей, образа жизни и взаимоотношений людей. В контексте изменяющейся социальной действительности необходимо определить ценностные ориентации, позволяющие раскрыть внутренний потенциал и реализовать свои способности. Выбор ведущих ценностей является важной задачей для каждого человека, но особенно это актуально для молодежи. Формирование ценностных ориентиров является неотъемлемой частью нравственного развития человека и общества в целом. Исследование ценностных ориентиров

подростающего поколения является важным звеном в понимании современных тенденций развития общества.

Теоретический анализ

По данным современных авторов, социальная напряженность переживается как ситуация неопределенности, вызывая напряженность адаптационных ресурсов личности [1, 2]. У людей сужается временной диапазон жизненного планирования, не позволяя предметно соотносить собственные цели и перспективы развития социума [2, 3]. Однако в отдельных исследованиях делается акцент на том, что устойчивость жизненного мира во времени обеспечивают ценности, являясь базовыми конструкциями в многомерном мире человека, и отражают то, насколько мотивы человека реализуются в реальной жизни [4–6].

Дети и подростки – уязвимая социальная группа, которая наиболее подвержена внешнему влиянию, манипуляциям и риску проявления социальной агрессии, как с их стороны, так и в отношении них, что в современном мире рассматривается как одна из острых социальных проблем [7]. Согласно отчету НИИ МВД России по итогам 2023 г., 2,7% преступлений совершаются несовершеннолетними или при их участии. Также растет количество несовершеннолетних в преступных сообществах, в течение 5 лет 88,3%, только за 2023 г. прирост составил 2,6%. Отечественные и зарубежные ученые единогласны, что потенциальная общественная опасность и виктимность детей и подростков связаны с максимализмом, инфантилизмом при отсутствии достаточного жизненного опыта [8, 9].

На основании вышеизложенного возникает необходимость изучения возрастной специфики индивидуально-психологических характеристик и ценностных ориентаций подростков, что и стало целью данного исследования.

Эмпирический анализ

Выборка исследования составляет 231 подростка 11–17 лет (средний возраст – $14,08 \pm 1,2$ лет): 11–12 лет – 22 чел., 13 лет – 38 чел., 14–15 лет – 144 чел., 16–17 лет – 27 чел. из Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия». Из них 104 мальчика/юношей и 127 девочек/девушек.

Диагностический комплекс включал: 1) социально-демографическую анкету; 2) тест смысловых ориентаций (J. Crumbaugh, L. Maholick (1964) в адаптации Д. А. Леонтьева, (1988) [10, 11]; 3) опросник самоконтроля (Н. G. Grasmick et al. (1993) в адаптации В. Г. Булыгиной, А. М. Абдраязковой, И. В. Коваленко (2008) [12, 13]; 4) список из 24 ценностей (приложение), определенных на основании контент-анализа социологической, философской и психологической литературы и путем выделения относительно устойчивого перечня смыслов-ценностей для современного российского общества и граждан методом выявления базисных ценностей (оригинальная разработка методики, основанная на идее В. Г. Асеева) [14, 15]. Положительные социальные ценности и антиценности составляют перечень, где они располагаются путем чередования позиций (24 ценности). Процедура определения базовых и значимых ценностей проходила в не-

сколько этапов: 1) респондентам предъявлялся список из 24 смыслов-ценностей (положительные социальные ценности и антиценности, по 12 наименований), необходимо было выбрать и отметить 10 ценностей, которые они разделяют и которыми они, как правило, следуют в своей жизни; 2) из выбранных ими 10 ценностей было необходимо отметить только 3 ценности, от которых они при определенных сложных обстоятельствах могут отказаться; 3) затем в оставшихся 7 ценностях было необходимо отметить только 3 ценности, от которых они не откажутся никогда, даже при воздействии на них экстремальных условий, – эти 3 ценности являются базисными ценностями личности.

При обработке данных использовались специализированные пакеты прикладных программ «SPSS 17.0», «IBM SPSS Statistics 23.0» и «Microsoft Office Excel 2007». Был проведен дескриптивный анализ данных, частотный анализ, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона (R_{xy}), коэффициент корреляции Спирмена), сравнительный анализ (Н-критерий Краскела–Уоллиса).

Для выявления значимых различий индивидуально-психологических и индивидуально-типологических особенностей курсантов Юнармии в зависимости от возраста был проведен сравнительный анализ (Н-критерий Краскела–Уоллиса). Согласно полученным результатам, значимые различия у курсантов выявлены по параметрам: предпочтение простых задач ($N = 12,86$, $p = 0,00$), процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни ($N = 13,76$, $p = 0,00$), локус контроля – Я ($N = 10,84$, $p = 0,01$), локус контроля – жизнь или управляемость жизни ($N = 8,92$, $p = 0,03$), общий показатель осмысленности жизни ($N = 11,25$, $p = 0,01$).

В группе 16–17-летних юнармейцев по сравнению с другими возрастными группами значимо более высокий уровень осмысленности жизни. Обследуемые демонстрируют более высокий уровень понимания и принятия своей жизни, а также удовлетворенность своей жизнью в настоящем и воспринимают ее как имеющую смысл и цель. Кроме того, они значимо реже предпочитают решение простых задач. Необходимо отметить практическую идентичность профилей 11–12-летних и 16–17-летних юнармейцев, а также значимо низкие показатели в группе 13-летних, так как 13-летний возраст является переходным этапом, когда происходят

значительные физические и психологические изменения, влияющие на формирование личности. Эти процессы могут усложнить поиск смысла жизни и приводить к временному снижению уровня осмысленности.

Далее был проведен корреляционный анализ (критерий Спирмена) с целью выделения значимых связей между базовыми/значимыми ценностями и психологическими показателями юнармейцев в зависимости от их возраста.

В группе 11–12-летних юнармейцев были выявлены следующие корреляции: антиценности «Богатство» с параметрами «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» ($r = -0,635$, $p = 0,01$), общим показателем осмысленности жизни ($r = -0,324$, $p = 0,01$); антиценности «Забота о себе» с параметром «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» ($r = 0,429$, $p = 0,05$); социальной ценности «Созидательный труд» с параметрами «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» ($r = -0,613$, $p = 0,01$), «Локус контроля – Я» ($r = -0,453$, $p = 0,05$). Параметр «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» коррелирует с антиценностями «Личные цели» ($r = 0,482$, $p = 0,05$) и «Отношения без обязательств» ($r = 0,598$, $p = 0,01$), а также с социальной ценностью «Коллективизм» ($r = -0,479$, $p = 0,05$). Обнаружена положительная корреляция между ценностью «Нравственные идеалы», параметром «Локус контроля – Я» ($r = 0,442$, $p = 0,05$) и параметром «Общий показатель осмысленности жизни» ($r = 0,437$, $p = 0,05$). Также обнаружена положительная связь между ценностью «Традиционная семья» и параметрами «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» ($r = 0,665$, $p = 0,01$), «Локус контроля – Я» ($r = 0,532$, $p = 0,01$), «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» ($r = 0,502$, $p = 0,05$), «Общий показатель осмысленности жизни» ($r = 0,619$, $p = 0,01$), что свидетельствует о тесной связи удовлетворения жизнью с наличием четких нравственных ориентиров и традиционных семейных ценностей. Такой результат может указывать на важность моральных устоев и устоявшихся семейных моделей в формировании внутреннего чувства контроля над собственной жизнью. Выбор в качестве одной из значимых (выбор из 3) ценности «Традиционная семья» положительно коррелирует с параметром «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» ($r = 0,474$, $p = 0,05$), общим показателем

осмысленности ($r = 0,488$, $p = 0,05$) и параметром «Локус контроля – Я» ($r = 0,537$, $p = 0,05$), т.е. ценности семьи влияют на то, насколько интересно и осмысленно человек воспринимает свою жизнь и насколько верит в возможность контроля над ней. Выбор антиценности «Исключительная роль своего народа» в группе 11–12-летних как значимой отрицательно коррелирует с параметром «Процесс жизни и интерес к ней» ($r = -0,491$, $p = 0,05$), т.е. чувство превосходства одного народа над другими негативно сказывается на эмоциональной насыщенности и интересе к жизни.

Группу 13-летних юнармейцев отличают положительные корреляции переменной «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» с выбором базовых ценностей: «Жизнь» ($r = 0,376$, $p = 0,05$), «Единство народов» ($r = 0,476$, $p = 0,01$) и «Созидательный труд» ($r = 0,403$, $p = 0,05$). Это означает, что предпочтение этих аспектов жизни положительно сказывается на ощущении ее насыщенности и осмысленности, удовлетворенность своей жизнью в настоящем. Параметр «Локус контроля – Я» коррелирует с теми же жизненными аспектами. Кроме того, результаты демонстрируют, что подростки с высоким чувством внутреннего контроля предпочитают социальную ценность «Коллективизм» ($r = 0,358$, $p = 0,05$), отвергая при этом антиценность «Независимость» ($r = -0,444$, $p = 0,01$). Общий показатель осмысленности жизни связан с ориентацией на социальные ценности: «Жизнь» ($r = 0,329$, $p = 0,05$), «Единство народов» ($r = 0,382$, $p = 0,05$), «Созидательный труд» ($r = 0,442$, $p = 0,01$), «Коллективизм» ($r = 0,374$, $p = 0,05$). Это может означать, что подростки, которые придают своей жизни смысл и видят в ней цель, также ценят жизнь других людей, стремятся к единству и коллективизму, видят ценность в созидательном труде. Однако, учитывая возраст обследуемых (13 лет), можно предположить, что такие результаты являются, скорее, показателем возрастных особенностей, а именно отражают ведущую деятельность – общение со сверстниками и общественную деятельность.

Были выделены отрицательные корреляции между параметрами «Предпочтение простых задач», «Удовлетворенность жизнью» и социальными ценностями – «Нравственные идеалы» ($r = -0,406$, $p = 0,05$; $r = -0,337$, $p = 0,05$), «Созидательный труд» ($r = -0,357$, $p = 0,05$; $r = -0,419$, $p = 0,01$) и антиценностями – «Идти своим путем и не быть должным никому» ($r = -0,370$, $p = 0,05$;

$r = -0,445$, $p = 0,01$), «Я – гражданин мира» ($r = -0,357$, $p = 0,05$; $r = -0,419$, $p = 0,01$). Это может указывать на то, что подростки, предпочитающие простые задачи, менее склонны к социальной активности и реализации сложных, общественно значимых проектов, они избегают участия в деятельности, требующей от них ответственности, они более сосредоточены на собственных интересах и потребностях. Также они могут предпочитать самостоятельно выбирать свой путь в жизни, не чувствуя потребности следовать общим нормам и ценностям общества.

Группу 14–15-летних юнармейцев характеризуют положительная корреляция между параметром «Предпочтение простых задач» с антиценностью «Богатство» ($r = 0,396$, $p = 0,01$), а также отрицательная корреляция с социальными ценностями «Уважение к предкам» ($r = -0,244$, $p = 0,01$), «Служение Отечеству» ($r = -0,247$, $p = 0,01$). Вероятно, они могут искать и выбирать более легкие пути к получению материальных благ. При этом можно предположить, что чем больше они ценят традиции, наследие и служение своей стране, тем меньше они будут искать легкие пути решения задач. Положительные корреляции между параметрами «Удовлетворенность жизнью», «Общая осмысленность жизни» и социальными ценностями «Милосердие» ($r = 0,279$, $p = 0,01$; $r = 0,341$, $p = 0,01$), «Уважение к предкам» ($r = 0,268$, $p = 0,01$; $r = 0,255$, $p = 0,01$), «Служение Отечеству» ($r = 0,233$, $p = 0,01$; $r = 0,307$, $p = 0,01$) указывают на то, что подростки, которые предпочитают данные ценности на первом плане, склонны находить смысл и удовлетворение в жизни, могут ощущать большую осмысленность в своих повседневных занятиях и стремиться к тому, чтобы их жизнь была наполнена не только достижением целей, но и эмоциональной насыщенностью.

В группе 14–15-летних юнармейцев выявляется положительная корреляция между выбором антиценности «Богатство» и параметром «Предпочтение простых задач» ($r = 0,370$, $p = 0,01$). Важно отметить положительную связь между параметрами «Осмысленность жизни», «Локус контроля – жизнь или управляемость жизнью» и выбором в качестве одной из значимых социальной ценности «Служение Отечеству» ($r = 0,300$, $p = 0,01$; $r = 0,265$, $p = 0,01$), позволяющей предположить, что патриотизм как готовность служить Родине связан с верой подростка в его способность управлять своей жизнью и сделать ее осмысленной. Также результаты

корреляционного анализа могут свидетельствовать о том, что подростки, которые уверены в способности контроля своей жизни, а также в возможности воплощения своих желаний, скорее всего проявят милосердие и справедливость по отношению к другим.

В группе 16–17-летних определяется положительная корреляция между параметром «Локус контроля – Я» и ценностями «Достоинство» ($r = 0,553$, $p = 0,01$), «Уважение к предкам» ($r = 0,529$, $p = 0,01$), «Служение Отечеству» ($r = 0,653$, $p = 0,01$), «Права и свободы человека» ($r = 0,454$, $p = 0,05$), отрицательная корреляция – с антиценностями «Богатство» ($r = -0,440$, $p = 0,05$), «Забота о себе» ($r = -0,465$, $p = 0,05$) и «Независимость» ($r = -0,512$, $p = 0,01$). Это можно интерпретировать следующим образом: молодые люди, верящие в возможность изменить свою жизнь к лучшему и контролировать ее, также придают большое значение общественному благу, уважению к традициям, стремлению служить своей стране. Выявленные отрицательные корреляции указывают на то, что подростки с высоким показателем «Локус контроля – Я» не ставят материальное благополучие, индивидуализм и личную независимость на первый план. Также согласно результатам отмечается положительная корреляция показателя «Общая осмысленность жизни» с такими ценностями, как «Достоинство», «Уважение к предкам».

Таким образом, для молодых людей, которые видят смысл в своей жизни и имеют четкие цели, такие ценности, как уважение к достоинству других, забота о традициях и служение Родине, являются приоритетными, а антиценности «Богатство», «Забота о себе», «Независимость» имеют меньшее значение.

В группе 16–17-летних юнармейцев выбор социальной ценности «Жизнь» как значимой положительно коррелирует с переменной выбора простых задач ($r = 0,518$, $p = 0,01$), а также между выбором как значимой антиценности «Богатство» и переменной «Простые задачи» ($r = 0,570$, $p = 0,01$), и отрицательно – с параметром «Локус контроля – Я» ($r = -0,387$, $p = 0,05$). Подростки, выбирающие в качестве значимых социальных ценностей «Нравственные идеалы» ($r = 0,392$, $p = 0,01$) и «Милосердие» ($r = 0,483$, $p = 0,01$), убеждены в способности контролировать свою жизнь, принимая и реализуя необходимые решения. Уверенные в своих способностях подростки выбирают в качестве значимой социальной ценности «Служение Отечеству» ($r = 0,507$, $p = 0,01$).

Заключение

В результате анализа выявлена возрастная специфика по следующим переменным: предпочтение простых задач, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, уверенность в полном контроле своей жизни и ее общей осмысленности.

Для группы 11–12-летних подростков значимы нравственные ориентиры и традиционные семейные ценности, при этом они находят удовлетворение в жизни через акцент на собственных интересах и потребностях. В группе 13-летних подростков выбор таких ценностей, как «Жизнь», «Единство народов» и «Созидательный труд», связан с чувством насыщенности и осмысленности жизни. У них развито чувство внутреннего контроля, а также они придают большое значение коллективизму, при этом отвергая «Независимость».

Группа 14–15-летних юнармейцев характеризуется тем, что чем больше они ценят

традиции, наследие и служение своей стране, тем реже выбирают легкие пути решения задач. Подростки, выбирающие ценности, связанные с милосердием, справедливостью, следованию традициям и служению Родине, также склонны находить смысл и удовлетворение в самой жизни и ее процессах.

16–17-летние подростки характеризуются осмысленностью своей жизни, имеют четкие цели, приоритетными для них являются такие ценности, как «Достоинство», «Служение Отечеству», а антиценности «Богатство», «Забота о себе», «Независимость» имеют меньшее значение.

Таким образом, важными жизненными ориентирами для всех возрастных групп юнармейцев оказываются целеустремленность и осмысленность существования. При этом прослеживаются возрастные особенности, которые, в том числе, можно объяснить ведущей деятельностью подростков, связанной с их общением со сверстниками и участием в общественно полезных делах.

Приложение / Appendix

Положительные социальные ценности (С) и антиценности (А) Positive social values (C) and anti-values (A)

1	Созидательный труд	С
2	Уважение к предкам	С
3	Личные цели	А
4	Коллективизм	С
5	Жизнь	С
6	Свободные отношения	А
7	Права и свободы человека	С
8	Жизнь одним моментом	А
9	Достоинство	С
10	Праздность	А
11	Служение Отечеству	С
12	Я – гражданин мира	А
13	Идти своим путем и не быть должным никому	А
14	Нравственные идеалы	С
15	Исключительная роль своего народа	А
16	Богатство	А
17	Духовность	С
18	Власть и собственные амбиции	А
19	Независимость	А
20	Традиционная семья	С
21	Милосердие	С
22	Забота о себе	А
23	Единство народов	С
24	Абсолютная свобода	А

Список литературы

1. Блюм А. И., Василенко Т. Д. Личностные факторы адаптивного переживания ситуации неопределенности // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2024. Т. 12, № 4 (47). С. 345–354. <https://doi.org/10.23888/humJ2024124345-354>
2. Ковальчук Д. Ф., Гребенникова В. М., Бонкало Т. И. Признаки и основные характеристики ситуации неопределенности: систематический обзор // *Обзор педагогических исследований*. 2023. Т. 5, № 1. С. 185–191.
3. Тучина О. Р. Социально-психологические факторы репрезентации будущего подростков и молодежи Кубани // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2023. Т. 11, № 1 (40). С. 35–48. <https://doi.org/10.23888/humJ202311135-48>
4. Муравьева О. И., Попкова Т. С. Взаимосвязь субъективного благополучия и ценностных ориентаций у современной студенческой молодежи // *Сибирский психологический журнал*. 2010. № 36. С. 98–101.
5. Карпович Я. А., Радиёвская Я. И. Ценностные ориентиры современной молодежи // *Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании мировоззрения и профессиональной культуры будущего специалиста : материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции / под ред. Г. И. Займист, А. В. Климович*. Брест : БрГУ, 2023. С. 35–38.
6. Баранова А. В., Мустафина Л. Ш. Выбор возможных Я у молодежи с разными личностными характеристиками // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2023. Т. 11, № 2 (41). С. 117–128. <https://doi.org/10.23888/humJ2023112117-128>
7. Малых С. Б. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта // *Российский девиантологический журнал*. 2023. № 1. С. 118–120. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>
8. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Особенности мировоззрения современной молодежи: социально-философский анализ // *Образование и право*. 2021. № 12. С. 253–259. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-12-253-259>
9. Fauzi F. A., Zulkefli N. A. M., Baharom A. Aggressive behavior in adolescent: The importance of biopsychosocial predictors among secondary school students // *Front Public Health*. 2023. № 11. Art. 992159. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.992159>
10. Crumbaugh J. S., Maholick L. T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis II // *J. of Clinical Psychology*. 1964. Vol. 20, № 2. P. 200–207.
11. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.
12. Grasmick H. G., Tittle C. R., Bursik R. J., Arneklev B. J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1993. Vol. 30, № 1. P. 5–29.
13. Булыгина В. Г., Абдраязкова А. М., Коваленко И. В. Новые психологические методики диагностики девиаций поведения у несовершеннолетних // *Судебная психиатрия. Судебная экспертиза несовершеннолетних / под ред. Т. Б. Дмитриева*. М. : ГНЦССП, 2008. С. 14–29.
14. Асеев В. Г. О соотношении субъективного и объективного // *Акмеология*. 2014. № 1. С. 16–24.
15. Носс И. Н., Булыгина В. Г., Проницева М. М. Методология исследования ценностно-смысловых конструкторов личности // *Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов / под ред. В. А. Фадеева, Т. А. Вархотова*. М. : Нептун, 2023. Гл. 6. С. 94–119.

References

1. Blum A. I., Vasilenko T. D. Personal factors of adaptive experience of a situation of uncertainty. *Lichnost' v menjajushchemsja mire: zdorov'e, adaptacija, razvitie* [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development], 2024, no. 4 (47), pp. 345–354 (in Russian). <https://doi.org/10.23888/humJ2024124345-354>
2. Koval'chuk D. F., Grebennikova V. M., Bonkalo T. I. Signs and main characteristics of uncertainty: A systematic review. *Obzor pedagogicheskikh issledovanii* [Review of Educational Research], 2023, vol. 5, no. 1, pp. 185–191 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-7>
3. Tuchina O. R. Social and psychological factors of representation of the future of teenagers and youth of Kuban. *Lichnost' v menjajushchemsja mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development], 2023, vol. 11, no. 1 (40), pp. 35–48 (in Russian). <https://doi.org/10.23888/humJ202311135-48>
4. Muravyova O. I., Popkova T. S. The relationship between subjective well-being and value orientations in modern student youth. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2010, no. 36, pp. 98–101 (in Russian).
5. Karpovich Ya. A., Radiyevskaya Ya. I. Value guidelines of modern youth. In: *Rol' sotsial'no-gumitarnykh distsiplin v formirovanii mirovozzreniya i professional'noi kul'tury budushchego spetsialista: materialy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Zaimist G. I., Klimovich A. V., eds. The Role of Social and Humanitarian Disciplines in the Formation of the Worldview and Professional Culture of a Future Specialist: Proceedings of the interuniversity student scientific and practical conference]. Brest, BrGU, 2023, pp. 35–38 (in Russian).
6. Baranova A. V., Mustafina L. Sh. The choice of possible self by young people with different personal characteristics. *Lichnost' v menyajushchemsja mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a Changing World:

- Health, Adaptation, Development], 2023, vol. 11, no. 2 (41), pp. 117–128 (in Russian). <https://doi.org/10.23888/humJ2023112117-128>
7. Malykh S. B. Prevention of aggression and destructive behavior of young people: Analysis of world experience. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal* [Russian Deviantological Journal], 2023, no.1, pp. 118–120 (in Russian). <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-118-120>
8. Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. Features of the world-view of modern youth: Socio-philosophical analysis. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 12, pp. 253–259 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-12-253-259>
9. Fauzi F. A., Zulkefli N. A. M., Baharom A. Aggressive behavior in adolescent: The importance of biopsychosocial predictors among secondary school students. *Front Public Health*, 2023, no. 11, art. 992159. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.992159>
10. Crumbaugh J. S., Maholick L. T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis II. *J. of Clinical Psychology*, 1964, vol. 20, no. 2, pp. 200–207.
11. Leontyev D. A. *Test smyslozhiznennykh oriyentatsii (SZHO)* [Test of life-meaning orientations (SLO). 2nd ed.]. Moscow, Smysl, 2000. 18 p. (in Russian).
12. Grasmick H. G., Tittle C. R., Bursik R. J., Arneklev B. J. Testing the core empirical implications of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 1993, vol. 30, no. 1, pp. 5–29.
13. Bulygina V. G., Abdrazyakova A. M., Kovalenko I. V. New psychological methods for diagnosing deviant behavior in minors. In: *Sudebnaya psikhatriya. Sudebnaya ekspertiza nesovershennoletnikh*. Pod red. T. B. Dmitriyeva [Dmitriyev T. B., ed. Forensic Psychology. Forensic Examination of Minors]. Moscow, GNTSSSP, 2008, pp. 14–29 (in Russian).
14. Aseyev V. G. On the relationship between subjective and objective. *Akmeologiya* [Acmeology], 2014, no. 1, pp. 16–24 (in Russian).
15. Noss I. N., Bulygina V. G., Pronicheva M. M. Methodology for studying value-semantic constructs of personality. Ch. 6. In: *Tsennostno-smyslovye i intellektualnye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh globalnykh vyzovov*. Pod red. V. A. Fadeeva, T. A. Varkhotova [Fadeev V. A., Varkhotov T. A., eds. Value-semantic and intellectual foundations of Russia's strategic development in the context of global challenges]. Moscow, Neptune, 2023, pp. 94–119 (in Russian).

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.07.2025
 The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 204–211

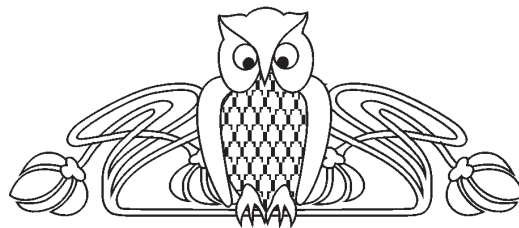
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 204–211

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-204-211>, EDN: PLMAFI

Научная статья
УДК 378.06.091.12

Психологический климат кафедры как предиктор педагогического консерватизма преподавателя вуза

И. Б. Авакян

Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко, Россия, 350005, г. Краснодар, ул. Грибоедова, д. 12

Авакян Инна Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), avakjaninna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-8323>

Аннотация. Введение. Актуальность результатов представленного исследования педагогического консерватизма преподавателя вуза определяется необходимостью реализации принципа сотрудничества и взаимодействия как показателя совершенствования психологического климата в коллективе в условиях педагогической среды с целью преодоления эмоциональной неудовлетворенности, повышенной тревожности, интенсивности профессиональной деятельности, стереотипности поведения, обеспечивающего эффективную реализацию инновационных образовательных проектов. Целью исследования является выявление взаимосвязи показателей психологического климата кафедры и уровня проявления педагогического консерватизма преподавателя вуза. **Теоретический анализ.** Состояние педагогического консерватизма преподавателя вуза возникает в условиях высокой интенсивности, эмоциональной напряженности педагогической деятельности на фоне системных преобразований, приводящих к актуализации защитных психологических механизмов в условиях сохранения педагогического опыта. **Эмпирический анализ.** Выявлена линейная связь между показателями психологического климата кафедры и педагогического консерватизма преподавателя вуза. **Методы:** «Методика оценки психологической атмосферы в коллективе» (А. Ф. Фидлер); опросник «Оценка педагогического консерватизма» (И. Б. Авакян). **Заключение.** Предикторами педагогического консерватизма определяются показатели психологического климата кафедры (враждебность, несогласие, холодность, недоброжелательность, скука, непродуктивность), оптимизация которых в процессе профессиональной деятельности обеспечивает условие преодоления деструктивных явлений. Результаты проведенного исследования могут быть использованы психологами и руководителями структурных подразделений с целью трансформации педагогического взаимодействия как результат благоприятного психологического климата и условия преодоления состояния педагогического консерватизма.

Ключевые слова: психологический климат, педагогический консерватизм, неудовлетворенность, безуспешность, непродуктивность, несогласованность

Для цитирования: Авакян И. Б. Психологический климат кафедры как предиктор педагогического консерватизма преподавателя вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 204–211. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-204-211>, EDN: PLMAFI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Psychological climate of the department as a predictor of pedagogical conservatism of a university teacher

I. B. Avakyan

Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S. M. Shtemenko, 12 Gribaedova St., Krasnodar 350005, Russia

Inna B. Avakyan, avakjaninna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-8323>

Abstract. Introduction. The relevance of the results of the presented study of pedagogical conservatism of a university teacher is determined by the need to implement the principle of cooperation and interaction as an indicator of improving the psychological climate in the team in the conditions of the pedagogical environment in order to overcome emotional dissatisfaction, increased anxiety, intensity of professional activity, stereotypical behavior, ensuring the effective implementation of innovative educational projects. The purpose of the study is to identify the relationship between the indicators of the psychological climate of the department and the level of manifestation of pedagogical conservatism of a university teacher. **Theoretical analysis.** The state of pedagogical conservatism of a university teacher arises in conditions of high intensity, emotional tension of pedagogical activity against the background of systemic transformations leading to the actualization of protective psychological mechanisms in the conditions of maintaining pedagogical experience. **Empirical analysis.** A correlation relationship was revealed between the indicators of the psychological climate of the department and pedagogical conservatism of a university teacher. **Methods:** "Methodology for assessing the psychological atmosphere in a team" (A. F. Fidler); questionnaire "Assessment of pedagogical conservatism" (I. B. Avakyan).

Conclusion. Predictors of pedagogical conservatism are determined by indicators of the psychological climate of the department (hostility, disagreement, coldness, ill will, boredom, unproductivity), the optimization of which in the process of professional activity provides a condition for overcoming destructive phenomena. The results of the study can be used by psychologists and heads of structural divisions in order to transform pedagogical interaction as a result of a favorable psychological climate and a condition for overcoming the state of pedagogical conservatism.

Keywords: psychological climate, pedagogical conservatism, dissatisfaction, failure, unproductivity, inconsistency

For citation: Avakyan I. B. Psychological climate of the department as a predictor of pedagogical conservatism of a university teacher. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 204–211 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-204-211>, EDN: PLMAFI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Динамичность реализации инновационных проектов и технологий [1] в современной системе высшего российского образования направлена на совершенствование образовательной деятельности, обуславливающий творческий подход к профессиональной деятельности [2]. В связи с этим актуализируется значимость психологического сопровождения педагогической деятельности, обеспечивающее психологическую безопасность и благополучие преподавателя вуза в условиях социально-психологической неопределенности личности [3]. Следовательно, благоприятная профессиональная среда в высшем учебном заведении формирует способность преподавателя вуза к преодолению деструктивных психологических состояний на фоне проявления толерантности к неопределенности и межличностным отношениям в педагогическом коллективе.

Теоретический анализ

В условиях социально-экономических преобразований возникают предпосылки высокого эмоционального напряжения в профессиональной среде высшего учебного заведения [4], что актуализирует степень проявления психологической устойчивости [5], адекватной самооценки [6], коммуникативной компетентности [7] как результат преодоления эмоционального истощения. Это, безусловно, оказывает влияние на настроение, самочувствие, уровень эмоционального удовлетворения педагогического коллектива [8], что обуславливает атмосферу психологической безопасности в условиях динамичности профессионального взаимодействия, сотрудничества [9, 10]. Следовательно, состояние повышенной тревожности преподавателя вуза как результат интенсивности педагогической деятельности на фоне системных преобразований и требований [11] способствует трансформации ценностных ориентаций, ми-

ровозреческих характеристик, норм, целей, мотивов, идеалов, что, несомненно, продуцирует неблагоприятный психологический климат как результат проявления равнодушия, безразличия, эгоизма, агрессии, ригидности, приводящие к яркой демонстрации профессионального стереотипа [12]. Иначе говоря, психотравмирующие условия педагогической деятельности провоцируют астенические состояния [13], коррелирующие в сознании педагога с неудачей и неуспехом [14], детерминирующие непринятие новизны в условиях сохранения накопленного профессионального опыта как результат состояния педагогического консерватизма. Следует отметить, что социально-психологические образования личности, преобладающие психические состояния субъекта профессиональной деятельности определяют степень эмоционального благополучия на фоне доминирующего психологического климата коллектива кафедры [15, 16]. В контексте такого соображения педагогический консерватизм, с одной стороны, рассматривается как состояние профессиональной деформации, стагнации и безуспешности в условиях неблагоприятного психологического климата. С другой стороны, как защитный психологический механизм от эмоционального выгорания и деструктивных явлений профессиональной среды [17].

Цель исследования – определить взаимосвязь показателей психологического климата кафедры и уровня педагогического консерватизма преподавателя вуза.

Гипотеза исследования – предполагается, что совокупность показателей психологического климата можно рассматривать в качестве предиктора педагогического консерватизма преподавателя вуза.

Эмпирический анализ

В качестве респондентов эмпирического исследования выступили преподаватели высших учебных заведений Самары, Ульяновска,

Екатеринбурга, Башкортостана. Возрастные диапазоны участников исследования в количестве 1754 человек варьируют от 25 до 65 лет. Из общего количества респондентов женщин 70%, мужчин 30% (средний возраст $M = 42,3$; $SD = 8,7$).

На основе «Методики оценки психологической атмосферы в коллективе» А. Ф. Фидлера [18] осуществлялась оценка общего коэффициента (от 10 до 80 баллов) психологической атмосферы в коллективе и полярных показателей по 8-балльной шкале.

Опросник «Оценка педагогического консерватизма» И. Б. Авакян [19] включает в себя 43 вопроса и 7 шкал (объективный фактор – 6 пунктов; субъективный фактор – 4; мотивационный компонент – 7; когнитивный компонент – 8; эмоциональный компонент – 7; коммуникативный компонент – 6; поведенческий компонент – 5 пунктов). Респонденты оценивали пункты опросника по пятибалльной шкале от 1 – «никогда» до 5 – «всегда». Оценка педагогического консерватизма для низкого уровня определяется в интервале от 43 до 79 баллов,

для среднего уровня – от 80 до 179 баллов, для высокого уровня – от 180 до 215 баллов (показатель α Кронбаха – 0,802).

В ходе проведенного исследования были использованы методы математической обработки полученных данных: одновыборочный критерий λ -Колмогорова–Смирнова, коэффициент корреляции Пирсона, метод линейной регрессии. Расчет данных производился с помощью программы SPSS Statistics 26.0.

На основе критерия λ -Колмогорова–Смирнова установлено соответствие данных выборки с законом нормального распределения на уровне значимости $p \geq 0,05$.

Результаты субъективной оценки полярных показателей психологической атмосферы в педагогическом коллективе (рис. 1) свидетельствуют о степени выраженности показателей неблагоприятного психологического климата в коллективе. Это предполагает преобладание стрессогенной ситуации профессиональной деятельности преподавателя вуза, приводящее к снижению продуктивности педагогического труда.

Рис. 1. Соотношение показателей психологической атмосферы в педагогическом коллективе
Fig. 1. The ratio of indicators of the psychological atmosphere in the teaching staff

Результаты, представленные на рис. 2, демонстрируют преобладание высокого уровня педагогического консерватизма у 43% преподавателей высшей школы.

Выраженность низкого уровня педагогического консерватизма среди преподавателей

вузов (21%) незначительна. Следовательно, доминирование высокого уровня педагогического консерватизма преподавателей вуза обусловливается динамичностью эмоциональной напряженности и интенсивностью педагогической деятельности, что формирует

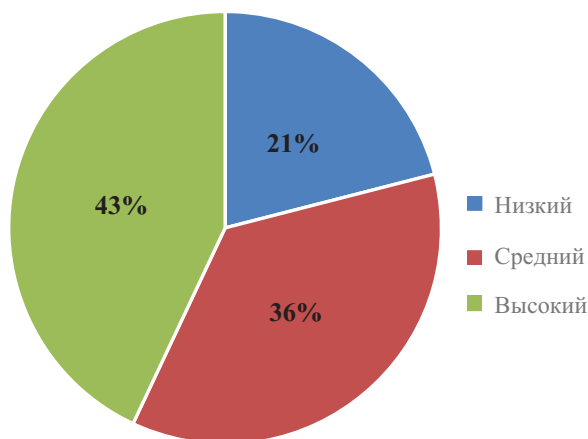

Рис. 2. Уровни педагогического консерватизма преподавателей высшей школы (цвет онлайн)

Fig. 2. Levels of pedagogical conservatism of a university teacher (color online)

неблагоприятные условия межличностного взаимодействия как результат непродуктивности и безуспешности профессиональной среды.

Линейный регрессионный анализ позволил выявить предикторы, способствующие возникновению педагогического консерва-

тизма на основе статистически значимого коэффициента детерминации показателей психологического климата: враждебность, несогласие, непродуктивность, холодность, несогласованность, недоброжелательность, скука (табл. 1).

Сочетание значимых предикторов представляет модель множественной регрессии, в которой оценивается влияние как каждого показателя психологического климата, так и совокупное их воздействие на результативный признак (уровень педагогического консерватизма преподавателя вуза). Представленные в модели другие показатели психологического климата (неудовлетворенность, равнодушие, безуспешность) не оказывают эффективное влияние на зависимую переменную (уровень педагогического консерватизма), что демонстрирует статистическую незначимость параметров регрессии по t -критерию Стьюдента.

Положительные связи между показателями психологического климата в коллективе и педагогического консерватизма обнаружены на уровне $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ с помощью коэффициента корреляции Пирсона (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Модель линейной регрессии
Linear regression model

Модель	Коэффициенты*						
	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованный коэффициент Бета	t -критерий Стьюдента	Значимость	95,0%-ный доверительный интервал для коэф. регрессии	
	Коэффициент регрессии	Стандартная ошибка				Нижняя граница	Верхняя граница
(Константа)	29,091	1,435		20,274	0,000	26,277	31,906
Враждебность	9,156	0,394	0,348	23,232	0,000	8,383	9,929
Несогласие	4,484	0,466	0,234	9,628	0,000	3,570	5,397
Неудовлетворенность	-0,969	0,477	-0,059	-2,031	0,042	-1,904	-,033
Непродуктивность	5,119	0,380	0,278	13,469	0,000	4,374	5,864
Холодность	-4,891	0,382	-0,243	-12,799	0,000	-5,641	-4,142
Несогласованность	0,982	0,290	0,048	3,382	0,000	0,413	1,552
Недоброжелательность	8,248	0,363	0,377	22,699	0,000	7,535	8,960
Равнодушие	-0,377	0,436	-0,014	-0,863	0,388	-1,232	0,479
Скука	4,196	0,335	0,159	12,538	0,000	3,540	4,853
Безуспешность	-1,215	0,492	-0,074	-2,472	0,014	-2,179	-0,251

Примечание. * – зависимая переменная (уровень педагогического консерватизма).

Note. * – dependent variable (level of pedagogical conservatism).

Таблица 2 / Table 2

Корреляционный анализ показателей психологического климата коллектива кафедры и педагогического консерватизма преподавателей вуза
Correlation analysis of indicators of the psychological climate of the faculty and pedagogical conservatism of university teachers

Показатель психологического климата и уровень педагогического консерватизма	Уровень педагогического консерватизма	Враждебность	Несогласие	Неудовлетворенность	Непродуктивность	Холодность	Несогласованность	Недоброжелательность	Равнодушие	Скука	Безуспешность
Уровень педагогического консерватизма	1	0,849*	0,926*	0,899*	0,894*	0,793*	0,643*	0,896*	0,787*	0,791*	0,884*
Враждебность	0,849*	1	0,807*	0,842*	0,816*	0,849*	0,409*	0,778*	0,656*	0,602*	0,788*
Несогласие	0,926*	0,807*	1	0,930*	0,906*	0,805*	0,703*	0,882*	0,831*	0,781*	0,935*
Неудовлетворенность	0,899*	0,842*	0,930*	1	0,929*	0,839*	0,683*	0,830*	0,881*	0,814*	0,946*
Непродуктивность	0,894*	0,816*	0,906*	0,929*	1	0,816*	0,687*	0,799*	0,790*	0,750*	0,941*
Холодность	0,793*	0,849*	0,805*	0,839*	0,816*	1	0,381*	0,844*	0,719*	0,689*	0,837*
Несогласованность	0,643*	0,409*	0,703*	0,683*	0,687*	0,381*	1	0,502*	0,733*	0,666*	0,740*
Недоброжелательность	0,896*	0,778*	0,882*	0,830*	0,799*	0,844*	0,502*	1	0,749*	0,760*	0,821*
Равнодушие	0,787*	0,656*	0,831*	0,881*	0,790*	0,719*	0,733*	0,749*	1	0,812*	0,837*
Скука	0,791*	0,602*	0,781*	0,814*	0,750*	0,689*	0,666*	0,760*	0,812*	1	0,812*
Безуспешность	0,884*	0,788*	0,935*	0,946*	0,941*	0,837*	0,740*	0,821*	0,837*	0,812*	1

Примечание. * – корреляция определена на уровне достоверности $p \leq 0,01$.

Note. * – correlation is determined at a significance level of $p \leq 0,01$.

Заключение

Результаты эмпирического исследования позволили выявить преобладающие показатели психологической атмосферы (враждебность, несогласие, непродуктивность, холодность, несогласованность, недоброжелательность), детерминирующие выраженность уровня педагогического консерватизма.

В ходе проведенного исследования установлена корреляционная взаимосвязь между показателями психологической атмосферы в коллективе и уровнем педагогического консерватизма преподавателя вуза, что свидетельствует о наличии закономерных связей (чем выше степень неблагоприятной атмосферы в коллективе, тем выше уровень педагогического консерватизма).

Применение линейного регрессионного анализа позволило обнаружить линейную зависимость между показателями психологической атмосферы и уровнем педагогического консерватизма, что обуславливает динамичность степени выраженности педагогического консерватизма в условиях преобладания показателей психологического климата (враждебность, несогласие, непродуктивность, несогласованность, недоброжелательность, холодность). Следовательно, атмосфера повышенной тревожности, агрессии, фрустрации в педагогическом коллективе продуцирует состояние враждебности, холодности на фоне демонстративного равнодушия и безразличия, что препятствует профессиональному взаимодействию и сотрудничеству. Это, безусловно, формирует несогласованность поведенческих действий как результат высокой неудовлетворенности педагогической деятельностью, безуспешности, непродуктивности преподавателя высшей школы в условиях инновационных преобразований, приводящий к преобладанию неблагоприятного психологического климата.

Таким образом, представленные результаты эмпирического исследования подтверждают гипотезу о том, что совокупность показателей психологического климата (враждебность, несогласие, непродуктивность, несогласованность, недоброжелательность, холодность) прогнозирует состояние педагогического консерватизма преподавателя вуза.

Полученные результаты исследования могут быть использованы психологами, руководителями вузов с целью профилактики и преодоления профессиональных деформаций и эмоционального выгорания, приводящих к состоянию педагогического консерватизма.

Список литературы

1. Авакян И. Б., Виноградова Г. А. Оценка инновационной готовности педагогических коллективов вузов // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12, № 1. С. 16–30. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120102>
2. Авакян И. Б. Стремление к саморазвитию как фактор инновационной готовности преподавателей вузов // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15, № 2. С. 88–102. <https://doi.org/10.26907/esd15/2/08>
3. Петросянц В. Р., Гридяева Л. Н., Худякова Т. Л. Оценка психологической безопасности образовательной среды вуза преподавателями в условиях внедрения цифровых образовательных технологий // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 1. С. 67–71. EDN: BEXDYQ
4. Эрштейн Л. Б. Чрезмерная нагрузка преподавателей вузов как фактор разрушения высшего образования в России // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 75–87. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.6>
5. Кроян Г. Ф., Гурова О. С. Психологическая устойчивость как составляющая личностного потенциала у педагогов общеобразовательных школ // Человеческий капитал. 2021. № 6 (150). С. 92–102. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.06.10>
6. Башиева Ж. Д., Нагоев Б. Б., Гелястановая Э. Х., Байсултанова К. Ж. Влияние самооценки педагогов на успешность в профессиональной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11, № 2А. С. 65–71. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.54.66.047>
7. Вьюгина Е. А. Коммуникативная компетентность будущего учителя – социальный заказ общества как бизнес-план // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 4А. С. 748–755. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.36.31.091>
8. Слинков А. М., Слинкова О. К., Климова Т. Б. Статус, мотивация и удовлетворенность преподавателя высшей школы: размышления по результатам исследования // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6, № 3. С. 3–13. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2020-6-3-0-1>
9. Гербер И. Е., Шаров А. А. Социальные репрезентации сотрудничества преподавателями университетов // Известие Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 195–199. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-2-195-199>

10. Koeslag-Kreunen M. G. M., van der Klink M. R., van den Bossche P., Gijssels W. H. Leadership for team learning: the case of university teacher teams // *Higher Education*. 2018. Vol. 75. P. 191–207. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0126-0>
11. Шабас С. Г. Психофизическое здоровье современного преподавателя как условие качества образовательного процесса в российской высшей школе // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1–15. <https://doi.org/10.15862/43PSMN423>
12. Сартакова Е. Е., Финченко С. Н., Дудина Е. Н. К вопросу о содержании стереотипов профессиональной деятельности учителя сельской школы // *Педагогический журнал*. 2019. Т. 9, № 5А. Ч. I. С. 90–100. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.5.118>
13. Ахметшина И. А., Брекина О. В., Солдатов Д. В. Самооценка психических состояний современных педагогов // *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. Т. 79, № 3. С. 196–198. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.5.118>
14. Зеер Э. Ф., Резер Т. М., Сыманюк Н. В. Трансформация функций преподавателей высшей школы в условиях неопределенности: постановка проблемы // *Образование и наука*. 2023. Т. 25, № 5. С. 12–48. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-5-12-48>
15. Авакян И. Б. К вопросу об инновационной готовности и социально-психологическом климате вузов // *Образование и наука*. 2018. № 4. С. 114–131. <https://doi.org/https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-4-114-131>
16. Заграничный А. И. Социально-психологические предикторы психологического климата в учебной группе в образовательной организации высшего образования // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12, № 1. С. 1–9. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN124.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
17. Авакян И. Б. Педагогический консерватизм преподавателей вуза // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 80–90. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-80-90>, EDN: PPA XJG
18. Фидлер А. Ф. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе // *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учебное пособие / под ред. Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова. М. : Изд-во Института психотерапии и клинической психологии, 2002. С. 140–141.*
19. Авакян И. Б. Разработка и валидизация опросника «Оценка педагогического консерватизма» // *Научно-педагогическое обозрение*. 2025. вып. 1 (59). С. 93–112. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-1-93-112>

References

1. Avakyan I. B., Vinogradova G. A. Evaluation of innovative readiness of teaching staff of universities. *Psychological-Educational Studies*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 16–30 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120102>
2. Avakyan I. B. Self-development as a factor in the readiness of university teachers for innovation. *Education and Self Development*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 88–102 (in Russian). <https://doi.org/10.26907/esd15/2/08>, EDN: SJJNOG
3. Petrosyants V. R., Gridyaeva L. N., Khudyakova T. L. Assessment of the psychological safety of the educational environment of the university by teachers in the context of the introduction of digital educational technologies. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 2022, no. 1, pp. 67–71 (in Russian).
4. Ershtein L. B. Excessive workload of university teachers as a factor in the destruction of higher education in Russia. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 75–87 (in Russian). <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.6>
5. Kroyan G. F., Gurova O. S. Psychological stability as a component of personal potential in teachers of secondary schools. *Human Capital*, 2021, no. 6 (150), pp. 92–102 (in Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2021.06.10>
6. Bashieva Zh. D., Nagoev B. B., Gelyastanova E. Kh., Baisultanova K. Zh. Influence of self-assessment of teachers on success in professional activity. *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2022, vol. 11, no. 2A, pp. 65–71 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.54.66.047>
7. V'yugina E. A. Communicative competence of the future teacher as a social order of society as a business plan. *Pedagogical Journal*, 2022, vol. 12, no. 4A, pp. 748–755 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2022.36.31.09>
8. Slinkov A. M., Slinkova O. K., Klimova T. B. Status, motivation and satisfaction of a higher education teacher: Reflections on the research results. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 3–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2020-6-3-0-1>
9. Garber I. E., Sharov A. A. Social representations of collaboration by university faculty. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 195–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-2-195-199>
10. Koeslag-Kreunen M. G. M., Van der Klink M. R., van den Bossche P., Gijssels W. H. Leadership for team learning: The case of university teacher teams. *Higher Education*, 2018, vol. 75, pp. 191–207. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0126-0>

11. Shabas S. G. Psychophysical health of a modern teacher as a condition for the quality of the educational process in Russian higher school. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2023, vol. 11, no. 4, pp. 1–15 (in Russian). <https://doi.org/10.15862/43PSMN423>
12. Sartakova E. E., Finchenko S. N., Dudina E. N. To the question of the content of stereotypes of professional activity of a rural school teacher. *Pedagogical Journal*, 2019, vol. 9, no. 5A, pt. I, pp. 90–100 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.5.118>
13. Akhmetshina I. A., Brekina O. V., Soldatov D. V. Self-assessment of mental states of modern teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2023, vol. 79, no. 3, pp. 196–198 (in Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.45.5.118>
14. Zeer E. F., Rezer T. M., Symaniuk N. V. Transformation of the capabilities of higher school teachers in conditions of uncertainty: Problem statement. *Education and Science Journal*, 2023, vol. 25, no. 5, pp. 12–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-5-12-48>
15. Avakyan I. B. To the question of the relationship of teachers' commitment to innovations and socio-psychological climate in universities. *Education and Science Journal*, 2018, vol. 20, no. 4, pp. 114–131 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-4-114-131>
16. Zagranichniy A. I., Klenova M. A., Usova N. V. Socio-psychological predictors of the psychological climate in a study group in an educational institution of higher education. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, vol. 12, no. 1, pp. 1–9 (in Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN124.pdf> (accessed September 01, 2024).
17. Avakyan I. B. Pedagogical conservatism of university teachers. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 80–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-80-90>, EDN: PPAXJG
18. Fiedler A. F. Methodology for assessing the psychological atmosphere in a team. In: *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp: uchebnoe posobie. Pod red. N. P. Fetiskina, V. V. Kozlova, G. M. Manuylova* [Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M., eds. Social and psychological diagnostics of personality development and child groups]. Moscow, Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology Publ., 2002, pp. 140–141 (in Russian).
19. Avakyan I. B. Development and validation of the questionnaire "Assessment of pedagogical conservatism". *Pedagogical Review*, 2025, vol. 1 (59), pp. 93–112 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2025-1-93-112>

Поступила в редакцию 02.11.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 21.07.2025
 The article was submitted 02.11.2024; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 212–216

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 212–216

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-212-216>, EDN: RCGOIJ

Научная статья

УДК 159.923+316.362.1-055.52-055.62

Связь психологической суверенности и особенностей дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста

Н. М. Романова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Аннотация. Теоретический анализ. Рассматриваются особенности неправильного родительского воспитания в форме домашнего насилия и психологическое благополучие личности (в контексте ее психологической суверенности) во взрослом возрасте. **Эмпирический анализ.** Изучена связь характеристик суверенности психологического пространства личности с особенностями дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста. *Участники:* 136 испытуемых в возрасте 18–28 лет (муж. = 60%, жен. = 40%) ($M = 23,4$; $SD = 2,6$)), переживших в детстве или подростковом возрасте домашнее насилие. Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью сервиса Яндекс Формы. *Методы:* опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова); опросник «Суверенность психологического пространства» (С. К. Нартова-Бочавер). *Гипотеза:* характеристики суверенности психологического пространства личности связаны с особенностями дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста. *Новизна исследования.* Показана связь дисфункциональных отношений в родительской семье с суверенностью психологического пространства взрослой личности. **Заключение.** Воспитание в дисфункциональной семье, применяющей различные виды насилия по отношению к ребенку, искажает его личностное развитие в долгосрочной перспективе, деформируя систему самоотношений и личностных границ.

Ключевые слова: суверенность психологического пространства, дисфункциональные отношения, родительская семья, молодежь, домашнее насилие, психологическое насилие, физическое насилие, корреляционный анализ

Для цитирования: Романова Н. М. Связь психологической суверенности и особенностей дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 212–216. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-212-216>, EDN: RCGOIJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The relationship between psychological sovereignty and the peculiarities of dysfunctional relationships in the parental family in youth-aged individuals

N. M. Romanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia M. Romanova, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Abstract. Theoretical analysis. The features of improper parental upbringing in the form of domestic violence and psychological well-being of a personality (in the context of its psychological sovereignty) in adulthood are considered. **Empirical analysis. Objective:** to study the connection between the characteristics of sovereignty of the psychological space of the personality and the peculiarities of dysfunctional relations in the parental family in youth age subjects. *Participants:* 136 subjects aged 18–28 years (male = 60%, female = 40%) ($M = 23.4$; $SD = 2.6$) who experienced domestic violence in childhood and/or adolescence. The study was conducted in an online format using the Yandex Forms service. *Methods:* to study family dysfunctions in the parental family we used the questionnaire “Family Emotional Communications” (A. B. Kholmogorova, S. V. Volikova, M. G. Sorokova); to study the sovereignty of the psychological space of the individual – the questionnaire “Sovereignty of the Psychological Space” (S. K. Nartova-Bochaver). *Hypothesis:* the characteristics of the sovereignty of the psychological space of the personality are connected with the peculiarities of dysfunctional relations in the parental family in youth age persons. Novelty of the study. The connection of dysfunctional relations in the parental family with the sovereignty of the psychological space of the adult personality is shown. **Conclusion.** Upbringing in a dysfunctional family that uses various types of violence towards the child distorts his/her personal development in the long term, deforming the system of self-relations and personal boundaries

Keywords: sovereignty of psychological space, dysfunctional relationships, parental family, youth, domestic violence, psychological violence, physical violence, correlation analysis

For citation: Romanova N. M. The relationship between psychological sovereignty and the peculiarities of dysfunctional relationships in the parental family in youth-aged individuals. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 212–216 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-212-216>, EDN: RCGOIJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Семья играет ключевую роль в социально-психологическом становлении личности, обеспечивая ее социализацию, научение паттернам коммуникативного поведения в различных социальных ситуациях [1]. Однако не каждая семейная система является безопасной для личностного развития ребенка. Прохождение семьи через нормативные и ненормативные кризисы развития может осложняться различными факторами. К их числу относятся, к примеру, отсутствие у ее членов личностных и социальных ресурсов [1]. Следствием описанных явлений может быть дисфункциональность семейной системы. Кроме того, в случае деформации интимно-личностных отношений между членами семьи может наблюдаться и такое явление, как жестокое обращение с детьми [2].

Согласно исследованиям М. А. Качаевой, Е. Г. Дозорцевой, Е. В. Нуцковой [3], наиболее распространенными формами жестокого обращения с ребенком в дисфункциональных семьях являются психологическое и физическое насилие. Любой вид насилия имеет негативное пролонгированное влияние на личностное развитие ребенка, в частности на сбалансированность проницаемости и жесткости его личностных границ [4]. Особенно важна проблема личностных границ для лиц молодежного возраста, находящихся в социальной ситуации активной реализации личностного потенциала на семейном и профессиональном уровнях.

Состояние границ субъекта в разных сферах бытия рассматривается как психологическая суверенность личности [5]. С. К. Нартова-Бочавер считает, что психологическая суверенность – это «способность человека контролировать, защищать и развивать своё психологическое пространство, основанная на обобщённом опыте успешного автономного поведения» [6, с. 17]. В результате переживания раннего неблагоприятного опыта нарушается способность определять внешние воздействия как желательные либо нежелательные [5].

Теоретический анализ

Психологическая суверенность имеет фундаментом обобщенный опыт успешного

автономного поведения человека. Эта форма субъектности позволяет человеку в рамках спонтанной активности реализовывать свои потребности [7]. Неудовлетворение потребности в психологической суверенности приводит к потере душевного равновесия и разрушению связи с другими [8].

Важным для понимания психологических проблем взрослой личности является выявление связи характеристик психологической суверенности с особенностями дисфункциональных отношений в родительской семье. Психологическая суверенность является отражением субъектности личности, включающая совокупность имплицитных убеждений о межличностных отношениях и паттерны коммуникативного поведения, усвоенные личностью в раннем опыте [4].

Маркером дисфункциональности отношений в семье является ее эмоционально-психологическое неблагополучие, которое сочетается с пренебрежением и насилием над детьми [9]. Дисфункциональные семейные отношения образуются на родственной или супружеской основе и связаны с нарушением базовых функций семьи [3]. Дисфункциональные семьи являются ригидными образованиями, пытающимися сохранять привычный тип отношений и взаимодействий [10]. В работах В. Сатир представлены факторы семейной жизни, приводящие к проблемам: стили общения, коммуникативные барьеры, жесткие правила [11]. Дети из дисфункциональных семей, как правило, переносят дисфункции в свою последующую жизнь. Еще Э. Фромм указывал на родительское отношение как базовую основу личностного развития ребенка [12]. Субъективное благополучие личности ребенка также связано со стилями семейного воспитания [13].

Дисфункциональные семьи отличаются высоким уровнем закрытости от социальных контактов, ригидности при столкновении с необходимостью изменений системы семейных правил, конфликтностью и авторитарностью [14]. Важно отметить, что дисфункциональными являются не только неблагополучные семьи (алкогольные, аморальные, кризисные и др.), но и псевдоблагополучные, в которых по отношению к ребенку может применяться насилие: физическое или психологическое [15].

Как правило, дети из дисфункциональных семей полагают, что их ситуация нормальна, поскольку они регулярно подвергаются воздействию этой среды.

Эмпирический анализ

Цель исследования: выявление связи характеристик психологической суверенности и особенностей дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста. **Гипотеза исследования:** существует связь характеристик суверенности психологического пространства личности с некоторыми особенностями дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста. **Участники.** Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью сервиса Яндекс Формы. Выборку составили 136 испытуемых, из которых 82 человека женского пола, 54 человека мужского пола. Возраст в выборке варьирует от 18 до 28 лет ($M = 23,4$; $SD = 2,6$). Испытуемые проживают в разных регионах Российской Федерации. Среди них работающие – 104 человека (69%), обучающиеся (студенты) – 37 человек (25%), безработные – 9 человек (6%). Критерий включения испытуемых в выборку: переживание в детстве или подростковом возрасте различных видов домашнего насилия (согласно ответам участников исследования). Переживание домашнего насилия рассматривалось в качестве маркера дисфункциональности отношений в родительской семье.

Наиболее часто указываемыми испытуемыми типами домашнего насилия являлись психологическое и физическое насилие. К физическому насилию испытуемые относили: удары руками, ногами, посторонними предметами, удушение, пинки, выкручивание рук, шлепки, дергание за волосы, толкания; к психологическому насилию – оскорбительные слова и фразы, шантаж, угрозы, игнорирование, запугивание, крик, манипуляция, гнев. Согласно полученным данным, первый опыт столкновения с домашним насилием в родительской семье у испытуемых находится в возрастном диапазоне от 9 до 14 лет ($M = 10,4$ лет).

Методы исследования: опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой [16], в котором исследуются дисфункции в родительской семье, и опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер [5], выявляющий суверенности психологического пространства личности.

Методы анализа данных. Данные исследования обрабатывались с помощью критерия Шапиро–Уилка и коэффициента ранговой корреляции Спирмена в лицензированной статистической программе JASP, v. 0.18.3.0.

Результаты и их обсуждение. Согласно критерию Шапиро–Уилка, все 14 анализируемых шкал имеют отличное от нормального распределения. Использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена [17]. Значимые корреляции представлены в таблице. Обнаружены восемь значимых обратных связей.

Связь характеристик психологической суверенности и показателей дисфункциональных отношений в родительской семье ($N = 136$; критерий Спирмена)

Table. Correlations between characteristics of psychological sovereignty and features of dysfunctional relationships in the parental family ($N = 136$; Spearman's ρ)

Характеристики суверенности психологического пространства	Показатель семейных эмоциональных коммуникаций	Значение корреляций по Спирмену	Уровень статистической значимости (p)
Суверенность физического тела	Критика	–0,137	0,044
	Семейный перфекционизм	–0,209	0,039
Суверенность территории	Индукция тревоги	–0,316	0,047
Суверенность социальных связей	Элиминирование эмоций	–0,244	0,003
	Критика	–0,182	0,017
	Внешнее благополучие	–0,295	0,001
Суверенность привычек	Фиксация на негативных переживаниях	–0,247	0,046
Суверенность ценностей	Сверхвключенность	–0,426	0,003

Примечание. Значимые различия на уровне $p < 0,05$.

Note. Significant differences at the level $p < 0,05$.

Как видно из таблицы, суверенность физического тела связана с критикой и семейным перфекционизмом в исследуемых семьях: чем более депривирована суверенность физического тела взрослой личности, тем в большей степени семье были присущи критичность и предъявление ребенку нереалистичных стандартов. Суверенность территории (территориальные границы личности) связана с индуцированием тревоги родителями: чем более депривированы территориальные границы личности, тем в большей степени члены родительской семьи были фиксированы на внешних угрозах семье. Родительская критика в сочетании с установкой на демонстрацию внешнего благополучия семьи, а также наличием запрета на выражение эмоций в детском возрасте (элиминирование эмоций) связана с недостаточной избирательностью в социальных отношениях взрослой личности (суверенность социальных связей). Застывание на негативных эмоциях родителей связано с депривацией суверенности привычек, неумением адаптироваться к жизненным обстоятельствам повзрослевшего ребенка. Тенденция избыточного включения в жизнь ребенка (сверхвключенность), «навязывание» ему своих представлений о мире связана с депривацией суверенности ценностей субъекта, затрудняющей выбор ценностей и смыслов взрослой личности.

Заключение

Данные эмпирического исследования показывают наличие связи характеристик психологической суверенности и особенностей дисфункциональных отношений в родительской семье у лиц молодежного возраста. Семейные дисфункции в форме критики, индуцирования тревоги, элиминирования эмоций, фиксации на негативных переживаниях, семейного перфекционизма, внешнего благополучия, сверхвключенности накладывают значительный отпечаток на последующее полноценное функционирование взрослой личности и ее психологическое здоровье.

Семейные дисфункции влияют на проявления психологической суверенности (физического тела, территории, социальных связей, привычек, ценностей), препятствуя установлению эмоционально значимых отношений с окружающими, затрудняя реализацию субъектности личности.

Список литературы

1. Андреева Т. В. Семейная психология : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2004. 243 с.
2. Волкова Е. Н., Гришина А. В. Изучение распространенности насилия и жестокого обращения с детьми с помощью опросников ICAST-C, ICAST-R, ICAST-P // Вестник Мининского университета. 2013. № 1. URL: <https://medj.rucml.ru/journal/4d45444a2d4249424c2d303030303137383532> (дата обращения: 16.10.2024).
3. Качаева М. А., Дозорцева Е. Г., Нуцкова Е. В. Клинико-психологические проблемы внутрисемейного насилия в отношении женщин и девочек // Российский психиатрический журнал. 2016. № 6. С. 25–32. <http://dx.doi.org/10.24411/1560-957X-2016-1%25x>, EDN: XDNJEH
4. Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 1. С. 15–28. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2015_n1/Nartova_Bochaver (дата обращения: 15.09.2024). EDN: TTAQKB
5. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 3. С. 105–119. EDN: SGGWJX
6. Нартова-Бочавер С. К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 432 с.
7. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности. М. : Прометей, 2005. 260 с.
8. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М. : Смысл, 2017. 200 с.
9. Личко А. Е. Шизофрения у подростков. Л. : Медицина, 1989. 215 с.
10. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия: краткий лекционный курс. СПб. : Речь, 2001. 144 с.
11. Сатир В. Как строить себя и свою семью / пер. с англ. М. : Педагогика-Пресс, 1992. 190 с.
12. Фромм Э. Искусство любить. М. : АСТ, 2021. 224 с.
13. Летягина С. К., Егорушкина Н. В. О взаимосвязи субъективного благополучия личности и семейных взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2011. Т. 4, вып. 3. С. 42–48.
14. Петрова Е. А. Дисфункциональные семьи как фактор психотравматизации в детском возрасте // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Педагогические науки. 2017. № 4 (102). С. 97–100.
15. Борисов С. Н., Волкова О. А., Бессчетнова О. В., Доля Р. Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68–73. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>, EDN: MDUTAT

16. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 4. С. 97–125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>, EDN: XIKMGZ
17. Кричевец А. Н., Корнеев А. А., Рассказова Е. И. Основы статистики для психологов. М. : Акрополь, 2019. 286 с.
8. Nartova-Bochaver S. K. *Psikhologiya suverenosti: desyat' let spustya* [Psychology of sovereignty: Ten years later]. Moscow, Meaning, 2017. 200 p. (in Russian).
9. Lichko A. E. *Shizofreniya u подростков* [Schizophrenia in adolescents]. Leningrad, Medicine, 1989. 215 p. (in Russian)
10. Varga A. Ya. *Sistemnaya semeynaya psikhoterapiya: kratkiy leksionnyy kurs* [Systemic family psychotherapy: A short lecture course]. St. Petersburg, Rech', 2001. 144 p. (in Russian).
11. Satir V. *Kak stroit' sebya i svoyu semyu. Per. s angl.* [How to build yourself and your family. Translated from English]. Moscow, Pedagogy-Press, 1992. 190 p. (in Russian).
12. Fromm E. *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. Moscow, AST, 2021. 224 p. (in Russian).
13. Letyagina S. K., Egorushkina N. V. About interrelation of an individual's subjective well-being and the family relations. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2011, vol. 4, iss. 3, pp. 42–48.
14. Petrova E. A. Dysfunctional families as a factor of psychological trauma in childhood. *Vestnik NovSU. Issue: Pedagogical Sciences*, 2017, no. 4 (102), pp. 97–100 (in Russian).
15. Borisov S. N., Volkova O. A. The domestic violence as factor of disorder of social and mental health. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 68–73 (in Russian). <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>, EDN: MDUTAT
5. Nartova-Bochaver S. K. The revised version of “The personal sovereignty questionnaire – 2010”. *Psychological Journal*, 2014, vol. 35, no. 3, pp. 105–119 (in Russian). EDN: SGGWJX
6. Nartova-Bochaver S. K. *Psychological sovereignty of the individual: Genesis and manifestations*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2005. 432 p. (in Russian).
7. Nartova-Bochaver S. K. *Psikhologicheskoye prostranstvo lichnosti* [Psychological Space of Personality]. Moscow, Prometheus, 2005. 260 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 26.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 217–225

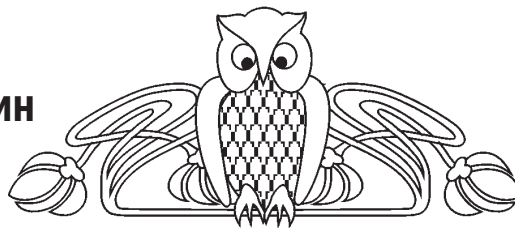
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 217–225

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-217-225>, EDN: UIZBQD

Научная статья
УДК 316.36:316.7

Субъективные представления женщин о семейных функциях и ролях

С. В. Левит

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Левит Сергей Валерьевич, аспирант кафедры общей и консультативной психологии, levitsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6305-442X>

Аннотация. Во *введении* отмечается актуальность проблематики исследования в связи с макросоциальной трансформацией традиционных семейных ролей и функций. В *теоретическом анализе* делается упор на осмысление содержания воспитательной, хозяйственно-бытовой, эмоциональной, духовной и других функций семьи. *Эмпирический анализ* служит раскрытию психологического содержания данных, полученных на выборке 196 женщин в возрасте от 22 до 53 лет (средний возраст – 34 года; из них 47% состоят в браке, 51% имеют детей) при помощи психологической анкеты, выявляющей представления женщин о семейных функциях и ролях, и метода контент-анализа. Установлены характерная для женщин приоритетность эмоциональной функции семьи в целом и выполняемых в семье ролей матери и жены, а также значимость духовной роли отца и хозяйственно-бытовой функции мужа. Роль ребёнка в семье доминирующим образом воспринимается в качестве источника значимо переживаемых эмоций. Выявлена отдельная небольшая группа представлений о возможном аномально-деструктивном влиянии семьи на поведение её членов. Для женщин с опытом построения собственной (нуклеарной) семьи более значимыми, чем для женщин без опыта брака и родительства, оказываются хозяйственно-бытовые функции супругов и воспитательная роль матери, а также более оптимистичный взгляд на перспективы развития социального института семьи в историческом контексте. В *заключении* подводятся итоги эмпирического исследования и намечаются перспективы дальнейших изысканий.

Ключевые слова: семья, институт семьи, семейные функции, семейные роли, семейные ценности, представления о семье

Для цитирования: Левит С. В. Субъективные представления женщин о семейных функциях и ролях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 217–225. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-217-225>, EDN: UIZBQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women's subjective views of family functions and roles

S. V. Levit

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey V. Levit, levitsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6305-442X>

Abstract. Introduction. Highlights the relevance of the research topic in connection with the macrosocial transformation of traditional family roles and functions. *Theoretical analysis* focuses on comprehending the content of the family's educational, household, emotional, spiritual, and other functions. The empirical analysis serves to reveal the psychological meaning of data obtained from a sample of 196 women aged 22 to 53 (average age – 34 years; 47% of whom are married, and 51% have children). The data were collected using a psychological questionnaire aimed at identifying women's perceptions of family roles and functions, and processed using content analysis. The study revealed that women typically prioritize the emotional function of the family and the roles of mother and wife. In addition, they emphasize the spiritual role of the father and the household function of the husband. The role of the child in the family is predominantly perceived as a source of deeply experienced emotions. A small separate group of perceptions was identified regarding the potential abnormally destructive influence of the family on its members' behavior. For women with experience in forming their own (nuclear) families, the household functions of the spouses and the educational role of the mother are more significant than for women without marital or parental experience. This group also tends to have a more optimistic view of the future of the family as a social institution in a historical context. *Conclusion.* Summarizes the findings of the empirical study and outlines prospects for further research.

Keywords: family, family institution, family functions, family roles, family values, perceptions of the family

For citation: Levit S. V. Women's subjective views of family functions and roles. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 217–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-217-225>, EDN: UIZBQD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Семья – первичный посредник между человеком и обществом и один из главных институтов социализации [1], способствующий формированию основных личностных свойств. Семейные функции разнообразны, и в разные периоды исторического развития их соотношение друг с другом значительно менялось [2]. Процесс социализации подрастающего поколения всё активнее поддерживается внешними структурами, такими как школы, детские сады и общественные организации. Также происходят стремительные изменения социальных приоритетов в сторону развития ценностей потребления. Всё это приводит к значительным изменениям традиционных семейных функций и ролей.

Научная проблема исследования заключается в противоречии между снижением рождаемости, увеличением возраста вступления в брак и деторождения, повышением частоты разводов [3] и малой изученностью психологического содержания процесса трансформации традиционных семейных ролей и функций в современном обществе. Исследование представлений современных женщин о функциях семьи и ее членов способно внести свой вклад в понимание социально-психологических механизмов трансформации института семьи и факторов его укрепления.

Теоретический анализ

Понятие семьи в литературных источниках раскрывается как «важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях» [4, с. 6], т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство.

Члены семьи удовлетворяют свои потребности за счет деятельности, которая получила название «функция семьи». Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис выделяют следующие функции семьи: воспитательную, хозяйственно-бытовую, эмоциональную, духовного (культурного) общения, первичного социального контроля, сексуально-эротическую [5]. Воспитательная функция удовлетворяет потребности мужа и жены в родительстве, их дети социализируются. Получение материальных благ и

сохранение физического здоровья обеспечивается хозяйственно-бытовой функцией. Эмоциональная функция даёт членам семьи чувство психологического комфорта, безопасности, значимости и принятия. Общий досуг и стимуляция духовного развития друг друга составляет функцию духовного (культурного) общения. Задачу по формированию социально приемлемого поведения членов семьи реализует функция первичного социального контроля. Благодаря сексуально-эротической функции семьи осуществляется биологическое воспроизводство социума.

Можно сказать, что функции семьи реализуются через функции её членов. Один и тот же человек может выполнять несколько функций, и одна функция может быть распределена между разными членами семьи. Эффект от успешной реализации конкретной семейной функции двоякий: с одной стороны, это может усилить деятельность по осуществлению других функций, с другой стороны, компенсируя их недостаточность, уменьшить мотивацию к ней [6]. С функциями семьи тесно связаны семейные роли – социально предписанный набор ожиданий, норм и моделей поведения членов семьи [7]. Семейные функции выполняются в рамках семейных ролей, но могут варьироваться в зависимости от условий и индивидуальных особенностей. В реальной семейной жизни функции могут не совпадать с традиционными ролями. Например, отец может выполнять функцию воспитателя, а мать – кормильца.

Функции семьи различаются по значимости, их структура имеет иерархический характер. Эта иерархия формируется под влиянием истории семьи как социально-культурного института и как отдельной малой социальной группы. В современной России роль главы семьи, добытчика стала распределяться между мужем и женой, ознаменовав трансформацию патриархальной семьи [8]. Женщины все больше развиваются в профессиональной и общественной жизни, и их финансовый вклад в семью становится сравнимым с мужским. Происходит постепенное уменьшение потребности в рождении детей и передача ответственности за них внешним социальным институтам [9]. Деторождение нередко откладывается на неопределённый срок, а функция продолжения рода может быть реализована с использованием репродуктивных технологий, причём зачастую усилиями только одного из супругов.

К проявлениям трансформации семьи на современном этапе можно отнести заметный рост значимости её эмоциональной функции, что обусловлено увеличением потребности человека в эмоциональной поддержке, принятии и любви [10]. В настоящее время в социуме любовь стала сущностной характеристикой внутрисемейных отношений, основным мотивом вступления в брак стало наличие любви в паре. Современная семья всё отчетливее проявляется в качестве «психотерапевтического союза» [11]. Да и разводы, в свою очередь, во многом обусловлены нарушением эмоционально-личностного аспекта супружеских отношений, утратой взаимопонимания, эмоциональной поддержки и чувства близости.

Исходя из этого, можно утверждать, что, если исключить из семейных функций те, которые супруги могут выполнять раздельно или передать другим социальным институтам, останутся две ключевые функции семьи: обеспечение эмоциональной поддержки и принятия, а также воспитание детей, если они присутствуют в семье. Таким образом, осуществление именно этих функций в перспективе социального развития может оказывать наиболее весомое влияние на формирующуюся специфику семьи.

Эмпирический анализ

Цель настоящего эмпирического исследования состояла в изучении представлений женщин о своей семье, семейных ролях супругов, родителей и детей, а также представлений о социальном институте семьи в настоящем времени и будущей перспективе развития общества.

В качестве *основной гипотезы* исследования выступило предположение о том, что в представлениях женщин о семейных ролях супругов, родителей и детей, идеальной семье, будущем своей семьи и перспективах семьи как социального института ведущее место среди всего комплекса теоретически и эмпирически выделяемых семейных функций занимает эмоциональная функция семьи. То есть та функция семьи, которая служит развитию и поддержанию у ее членов чувства психологического комфорта, безопасности, значимости и принятия. В качестве *дополнительной гипотезы* выступило предположение о том, что женщины, имеющие опыт построения своей семьи, в отличие от не имеющих такого опыта, придают более высокое значение хозяйственно-бытовой и воспитатель-

ной функциям семьи, а также склонны строить более позитивные прогнозы относительно развития социального института семьи в будущем человечества.

Психодиагностическим инструментом для сбора данных послужила авторская психологическая анкета «Представления о семье» (приложение), служащая раскрытию представлений о ролях отца, матери, мужа, жены, ребенка, о своей семье и семье как социальном институте на современном этапе развития общества и в будущей перспективе. Предлагалось написать 5 вариантов окончаний фраз, начинающихся следующим образом: «Муж в семье...», «Жена в семье...», «Отец в семье...», «Мать в семье», «Ребенок в семье...», «Моя семья ...», «Идеальная семья...», «Будущее моей семьи ...», «В будущем человечества семья ...». Обработка полученного вербального материала осуществлялась с помощью метода контент-анализа.

В исследовании приняли участие 196 женщин в возрасте от 22 до 53 лет (средний возраст – 34 года). Из них 47% респондентов состоят в браке, 51% имеют детей, 87% проживают отдельно от родителей, 82% являются материально независимыми от них.

Опираясь на концептуальные обобщения Э. Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса об основных функциях семьи [5, с. 38], нами первоначально было выделено шесть соответствующих смысловых единиц анализа: 1) воспитательная, 2) хозяйственно-бытовая, 3) эмоциональная семейные функции, а также функции 4) духовного (культурного) общения, 5) первичного социального контроля и 6) сексуально-эротическая функция. В ходе качественного анализа эмпирически полученных ответов респондентов дополнительно нами были выделены еще три смысловые единицы: 7) *субъектно-формирующая* и 8) *социетально-интегрирующая* семейные функции, а также 9) *аномально-деструктивные проявления семьи и/или ее членов*. К представлениям о субъектно-формирующей функции семьи мы относили утверждения респондентов об ответственности членов семьи за её состояние и развитие в будущем (например: «всё зависит от нас самих», «захотим – будем счастливы»), а к представлениям о социетально-интегрирующей функции – ответы, связанные с обусловленностью будущего семьи внешними макросоциальными обстоятельствами (например: «от ситуации в мире зависит», «как суждено человечеству, так и будет»).

В ходе качественного анализа содержания ответов был выделен также особый класс негативно-оценочных высказываний о семье (например: «дурацкая», «скоро развалится», «лживая») или о её членах (например: «ничего не делает», «напряжена», «злой» и т.п.). Ответы такого типа были соотнесены нами с представлениями об аномально-деструктивных проявлениях семьи и/или ее членов.

Качественно-количественный анализ представлений о семейных функциях и ролях в общей выборке респондентов. Обработка ответов женщин на незаконченные фразы, стимулирующие выражение представлений о супружеских ролях в семье, показала следующее. Роли супругов – мужа и жены – в представлениях женщин (53% ответов относительно роли мужа и 45% – жены) соотносятся прежде всего с удовлетворением эмоциональных потребностей членов семьи. При помощи математико-статистического критерия Фишера установлено [12], что такая частота встречаемости упоминаний эмоциональной функции является доминирующей по сравнению с другими функциями, в частности хозяйственно-бытовой ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4,14$; $p \leq 0,01$ в ответах относительно роли мужа, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,31$; $p \leq 0,01$ в ответах относительно роли жены). Примерами эмпирических референтов, подчеркивающих эмоциональную функцию супругов, явились высказывания, содержащие в продолжениях стимульных фраз такие слова, как «любит», «эмоционально вовлечен», несет в себе «душевность», «создаёт позитив» и т.п.

Далее по частоте встречаемости оказались ответы, характеризующие представления о хозяйственно-бытовых функциях супругов. Роль мужа с этой функцией соотносят 31% женщин, а роль жены – 27% (примерами эмпирических референтов служат следующие высказывания: «зарабатывает», «ведёт хозяйство», «создаёт уют в доме», «мастер на все руки»).

Воспитательные функции в семье связываются 8% опрошенных женщин с ролью мужа и 10% – с ролью жены (примеры эмпирических референтов: «учит детей», «воспитывает», «является примером для детей»).

Функции духовного (культурного) общения (для роли мужа – 2% ответов, для роли жены – 6%; например: «мудрый», «духовно развивает», «направляет семью»), первичного социального контроля (для роли мужа – 1%, для роли

жены – 4%; например, такие ответы, как «отвечает за правильное поведение, моральный облик») и сексуально-эротическая функция (для роли мужа – 2% ответов, жены – 5%) больше находятся в зоне ответственности жены.

Представления об аномально-деструктивном влиянии мужа (3%) и жены (3%) встречаются в ответах респондентов с одинаковой частотой («бездельник», «ноет», «злая», «вечно уставшая»).

Анализ ответов респондентов на незаконченные фразы, направленные на выявление представлений о родительских ролях в семье, позволил установить приоритетные функции, ассоциируемые с образом отца и матери. Наибольшая доля высказываний о функциях родителей соотносится с удовлетворением эмоциональных потребностей членов семьи: такую трактовку роли отца дали 46% участников исследования, матери – 59%. Посредством критерия Фишера установлено доминирование частоты упоминаний эмоциональной функции по сравнению с другими семейными функциями, в частности функции духовного (культурного) общения ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5,09$; $p \leq 0,01$ в ответах относительно роли мужа, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 10,94$; $p \leq 0,01$ в ответах относительно роли жены). Эмпирическими референтами, указывающими на реализацию данной функции, являются такие выражения, как «душевная поддержка и опора», «понимание», «сердечность».

Функции духовного (культурного) общения также нашли отражение в представлениях женщин, преимущественно в связи с ролью отца (22% упоминаний против 10% – матери). В качестве эмпирических индикаторов данной функции были зафиксированы ответы: «прививает ценности», «делится жизненным опытом», «хранитель традиций». Кроме того, роль отца чаще ассоциировалась с функцией первичного социального контроля (10% против 4% у матери), о чём свидетельствуют высказывания «строгость», «дисциплина».

Воспитательная функция оказалась примерно одинаково распределённой между двумя родительскими ролями: с ней ассоциировали образ отца 10% респондентов, образ матери – 11%. В качестве эмпирических референтов выступали такие выражения, как «помогает детям», «воспитатель». Схожая тенденция выявлена в отношении хозяйственно-бытовой функции: упоминания о её

связи с ролью отца составили 11%, с ролью матери – 14%. Примерами эмпирических референтов служат формулировки «добытчик», «наводит чистоту и порядок».

Также были зафиксированы представления об аномально-деструктивных аспектах родительства, встречающиеся с невысокой, но сопоставимой частотой (отец – 1%, мать – 2%). Данная категория представлений включала такие характеристики, как «сам по себе», «ругается», «всё время стыдит», указывающие на нарушение эмоционального климата в семье.

Таким образом, в субъективных представлениях женщин роли жены и матери преимущественно соотносятся с выполнением функции удовлетворения потребности в эмоциональной привязанности, любви и принятии со стороны значимых близких. Установлено, что роль мужа прежде всего ассоциируется с выполнением хозяйственно-бытовой функции, тогда как роль отца – с обеспечением духовного развития членов семьи.

Анализ ответов женщин на незаконченные фразы, направленные на выявление их представлений о роли ребёнка в семье, проведённый с использованием качественно-количественного подхода, выявил следующие особенности. Наибольшее количество высказываний (54%) отражает представление о ребёнке как источнике положительных эмоциональных переживаний взрослых. Эмпирическими референтами этой функции выступают выражения: «энергия», «мотиватор», «солнышко».

Далее по частоте упоминаний (35%) оказалась функция духовного (культурного) общения, предполагающая совместный досуг и личностное обогащение родителей через коммуникацию с ребёнком. В рамках данной категории зафиксированы такие высказывания, как «развивает родителей», «мамин друг».

С заметно меньшей частотой фиксировались представления о проявлениях аномально-деструктивного поведения ребёнка (5%). Эмпирическими индикаторами в этой группе выступают такие характеристики, как: «вредный», «создаёт беспорядок», «врёт». Ещё реже встречались высказывания, относящиеся к функции хозяйственно-бытовой помощи (4%), где ребёнок обозначается как «помощник по дому».

Таким образом, в субъективных представлениях женщин ребёнок преимущественно воспринимается как эмоционально значимая

фигура, способствующая формированию положительного психологического климата в семье, а также как партнёр по взаимодействию и совместному времяпрепровождению.

Сравнительный анализ представлений респондентов о собственной семье в настоящем и будущем выявил как устойчивые, так и вариативные акценты в их восприятии ключевых семейных функций. В обоих временных срезах наибольшее значение придаётся эмоциональной функции: 82% участниц обозначили её как основную характеристику своей текущей семейной жизни («любовь», «дружба», «поддержка»), а в контексте будущего 43% продолжили акцентировать важность эмоционального благополучия семьи («много любви», «радость и счастье»). При помощи математико-статистического критерия Фишера установлено, что такая частота встречаемости упоминаний эмоциональной функции является доминирующей по сравнению с другими функциями, в частности духовного (культурного) общения ($\varphi^2_{эмп} = 2,74$; $p \leq 0,01$ в ответах относительно будущего своей семьи). Это позволяет говорить о стабильной ценности эмоциональной поддержки как центрального ориентира в субъективной модели семьи.

В то же время наблюдаются определённые различия в восприятии других функций. Так, если в описании настоящего на втором месте по частоте встречаемости находилась хозяйственно-бытовая функция (6%), то в представлениях о будущем она упоминается реже (3%). Аналогично воспитательная функция, отмеченная 3% респонденток в актуальном опыте («детям хорошо», «помощь с уроками»), в прогнозах на будущее незначительно возрастает до 4% («рождение детей», «будут внуки»), что может быть связано с ожиданиями расширения семейной структуры.

Значительно более выраженным становится акцент на духовную (культурную) функцию семьи в будущем (30% по сравнению с 5% в настоящем). Эмпирические референты данной категории («вместе путешествуем», «новое хобби») указывают на стремление к совместному личностному росту, культурному развитию и обогащению семейного взаимодействия.

Представления о деструктивных аспектах семейной жизни фиксировались с сопоставимой частотой как в описаниях настоящего (4%), так и в образах будущего (9%). Однако если текущая деструктивность выражалась через конкретные

негативные определения семьи («проблемная», «токсичная»), то негативные ожидания в отношении будущего чаще имели неопределённый, тревожный характер («туманно», «тревожно»), отражая, возможно, внутреннюю неуверенность или ощущение нестабильности социальных условий.

Особый интерес представляет категория ответов, в которых респонденты выражали возможность своего влияния на формирование семейного будущего (8%), противопоставляя её зависимости от внешних обстоятельств (3%) (проявление субъектно-формирующей и социетально-интегрирующей функций семьи соответственно). Подобные высказывания («всё в наших руках», «строим его сами») свидетельствуют о развитии субъектной позиции по отношению к семейному функционированию и перспективам его трансформации.

Таким образом, в восприятии женщин прослеживается сохранение приоритетности эмоциональной функции семьи с течением времени и рост значимости её духовно-культурного аспекта в будущем. Анализ содержания субъективных представлений респондентов показал, что помимо традиционно выделяемых в психологической литературе, семья выполняет также субъектно-формирующую и социетально-интегрирующую функции.

Качественно-количественный анализ ответов респондентов на незаконченные фразы, направленные на выявление представлений о взаимоотношениях с собственными семьями, позволил выделить следующие содержательные акценты. Наиболее значимой оказалась эмоциональная функция, подчёркивающая взаимную поддержку и понимание между членами семьи – соответствующие высказывания («родные люди», «на одной волне») составили 72% от общего числа ответов. Существенно реже участники исследования акцентировали внимание на функции духовного (культурного) общения, реализуемой в процессе совместного досуга и обмена знаниями («общие увлечения», «учимся новому») – 12% ответов. Хозяйственно-бытовая функция, связанная с организацией общего быта, зафиксирована в 7% высказываний («общий быт»), что указывает на её второстепенное значение в субъективной модели семейного взаимодействия. В 9% ответов отмечены признаки аномально-деструктивных взаимодействий, проявляющихся в описаниях конфликтов и

нарушений взаимопонимания («ссоры», «непонимание»), что свидетельствует о наличии напряжённых аспектов в структуре семейных отношений у части респондентов.

Анализ ответов женщин на фразы, направленные на выяснение их представлений об идеальной семье, показал ряд типичных особенностей. В представлениях большинства респондентов (77%) идеальная семья, прежде всего, ассоциируется с удовлетворением эмоциональных потребностей её членов. Примерами эмпирических референтов, отражающих значимость данной функции, являются высказывания, содержащие такие формулировки, как «источник счастья», «душевная гармония».

На втором месте по частоте упоминаний оказалась хозяйственно-бытовая функция семьи, охватывающая аспекты материального обеспечения и восстановления физических ресурсов (11%). В качестве эмпирических индикаторов данной функции выступают такие выражения, как «достаток», «надёжный тыл».

Третью позицию в структуре представлений заняли функции духовного (культурного) развития – 9% ответов. Примеры соответствующих референтов: «личностный рост», «зрелые отношения».

Отрицание самой идеи идеальной семьи выявлено в 3% ответов. Оно выражено в таких формулировках, как «ложь», «фасад», «реклама», что свидетельствует о критическом восприятии данного социального конструкта рядом респондентов.

При изучении представлений женщин о семье в будущем человечества анализ ответов показал, что 77% респондентов связывают будущее семьи с её сохранением и развитием как социального института, способного удовлетворять базовые потребности человека. Наибольшее число высказываний (45%) отражает значимость эмоциональной функции семьи: «надёжная гавань», «место, где любят просто так». Далее следуют указания на функции духовного общения (16%): «развиваемся вместе», «память о предках», материального обеспечения (12%): «достаток», «классные покупки», воспитательную (3%): «пример для детей», «счастье ребёнка» и сексуально-эротическую (1%): «страсть и влечение», «продолжение рода людского».

В то же время 23% респондентов прогнозируют деструктивные изменения в семейной

сфере: «семья будет встречаться реже», «будет меньше по составу», «будет неполная», «менее ценная», «не будет существовать». Таким образом, можно заключить, что, несмотря на наличие критических оценок и тревожных прогнозов, доминирующим является представление о будущем семьи как сохраняющемся и развивающемся социальном институте, и малой социальной группе, выполняющей, прежде всего, эмоционально-поддерживающую функцию.

Сравнительный анализ представлений о семейных ролях и будущем семьи у женщин, имеющих и не имеющих опыта построения нуклеарной семьи. Первая группа включала женщин, имеющих опыт построения собственной (нуклеарной) семьи (всего – 125 человек, 64%). Внутри этой группы 67% находятся в браке и имеют детей, 22% – в разводе, но с детьми и 11% – в браке без детей. Средний возраст – 38 лет. Вторая группа составлена из женщин, не имеющих опыта построения собственной семьи (71 человек, 36%), средний возраст – 27 лет.

Результаты анализа показали, что для женщин первой группы более значимы, чем для второй, представления о хозяйственно-бытовой функции супругов. Так, хозяйственно-бытовая функция мужа упоминается у 39% респондентов первой группы и только у 16% – второй ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,66$; $p \leq 0,01$), жены – у 38% и 24% соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,12$; $p \leq 0,05$). Существенным отличием также является акцент на воспитательной функции матери, которая чаще отмечается в первой группе (22% против 13%, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,72$; $p \leq 0,05$).

Кроме того, женщины с опытом семейной жизни чаще указывают на наличие деструктивного поведения со стороны детей (22% против 10%, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,32$; $p \leq 0,01$), что может отражать их личный родительский опыт.

Женщины второй группы в большей степени связывают будущее семьи с материальным обеспечением (10% против 2%, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,21$; $p \leq 0,05$), а также склонны давать более негативные прогнозы относительно развития судьбы семьи как социального института в будущем человечества (35% против 21%, $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,17$; $p \leq 0,05$).

Различия в важности эмоциональной, сексуально-эротической, духовной и контролирующей функций семьи между двумя группами статистически значимыми не оказались.

Таким образом, женщины, имеющие опыт построения собственной семьи, чаще подчер-

кивают значимость хозяйственно-бытовой и воспитательной функций, что, вероятно, обусловлено включённостью в реальную семейную практику. В свою очередь, женщины без подобного опыта демонстрируют более прагматичный и критичный взгляд на перспективы семьи, акцентируя внимание на материальном аспекте и выражая скептицизм относительно будущего семьи в обществе.

Заключение

Эмпирический анализ субъективных представлений женщин о семье позволил выделить дополнительные семейные функции: субъектно-формирующую и социетально-интегрирующую. Первая реализуется в принятии ответственности членов семьи за её состояние и развитие в будущем, вторая – в делегировании этой ответственности внешними макросоциальными обстоятельствами. Установлено, что для женщин наибольшее значение имеет эмоциональная функция семьи. Образ мужа преимущественно ассоциируется с хозяйственно-бытовой сферой, тогда как образ отца – с духовным развитием членов семьи. Роли жены и матери воспринимаются как ориентированные на удовлетворение потребностей в любви и принятии. Ребёнок в представлениях женщин, прежде всего, генерирует значимые эмоциональные переживания и выступает коммуникативным партнёром. Вектор развития семьи в будущем человечества направлен на сохранение и усиление эмоциональной поддержки внутри семейной системы.

Опыт построения собственной семьи предопределяет большую значимость для женщин хозяйственно-бытовой и воспитательной функций в настоящем и более позитивное восприятие перспективы семьи как социального института. Напротив, у респондентов, не имеющих такого опыта, будущее семьи в обществе воспринимается менее оптимистично с постановкой акцента на хозяйственно-бытовую сферу жизни.

Практическая значимость полученных данных заключается в возможности их использования при консультировании семейных пар с целью концентрации внимания на приоритете эмоциональной функции семьи и формировании стратегий, способствующих укреплению внутрисемейных связей. Перспективой дальнейших исследований является изучение представлений мужчин о функциях и ролях в семье.

АНКЕТА «ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ»

Инструкция: У каждого из нас есть представление о семье и о том, какие обязанности должны быть у каждого члена семьи. Поделитесь, пожалуйста, Вашими ожиданиями от семьи и семейных ролей.

1. Напишите 5 вариантов окончания фразы, которые приходят Вам в голову:

«Муж в семье ...»; «Жена в семье ...»; «Ребенок в семье ...»; «Отец в семье ...»; «Мать в семье ...»; «Моя семья ...»; «Будущее моей семьи ...»; «Я и семья ...»; «Идеальная семья ...»; «В будущем человечества семья ...».

Проранжируйте Ваши ответы в скобках цифрами от 1 до 5, где 1 – наиболее важная характеристика, 5 – наименее важная.

2. Семья, в которой Вы выросли, была идеальной?

Да ____ Скорее да ____ Нет ____ Скорее нет ____

3. Вы сами сможете создать (или уже создали) идеальную семью?

Да ____ Скорее да ____ Нет ____ Скорее нет ____

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Издательство Московского университета, 1980. 416 с.
2. Холондович Е. Н. Влияние российского менталитета на формирование семейных отношений: историко-психологический анализ // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 3 (19). С. 80–109. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.004>
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [официальный сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Соловьев Н. Я. Брак и семья сегодня. Вильнюс : Минтис, 1977. 256 с.
5. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб. : Питер, 2008. 672 с.
6. Добряков И. В., Горьковская И. А., Микляева А. В. Изучение представлений о функциях семьи и о супружеских отношениях с помощью методики «Ассоциативный ромб» (на примере студенческой молодежи) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 78–90. <https://doi.org/10.17223/17267080/76/5>
7. Гайдукова Е. А. Социальные представления о ролевых отношениях в современной семье (на примере жителей мегаполиса): дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 290 с.
8. Цветкова Н. А. Трансформация семейных ролей как ведущая тенденция современного этапа развития института семьи // Школа будущего. 2018. № 4. С. 41–46.
9. Сапогова Е. Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства. М. : Академический проект, 2004. 489 с.

10. Харитонова Е. В. Современная российская семья в условиях неопределенности // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 4. С. 76–94. https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021_24_4_04
11. Карabanова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005. 320 с.
12. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб. : Речь, 2000. 350 с.

References

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Moscow University Press, 1980. 416 p. (in Russian).
2. Kholondovich E. N. Influence of the Russian mentality on the formation of family relations: Historical and psychological analysis. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 80–109 (in Russian). <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.004>
3. Federal State Statistics Service (Rosstat): official website. Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed April 14, 2025) (in Russian).
4. Solov'ev N. Ya. *Brak i sem'ya segodnya* [Matrimony and family today]. Vilnius, Mintis, 1977. 256 p. (in Russian).
5. Eydemiller E. G., Yustitskis V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*. 4-e izd. [Family psychology and psychotherapy. 4th ed.]. St. Petersburg, Piter, 2008. 672 p. (in Russian).
6. Dobriakov I. V., Gorkovaya I. A., Miklyayeva A. V. Representation of family functioning in marital relations using the “Associative rhombus” technique (students case study). *Siberian Journal of Psychology*, 2020, no. 76, pp. 78–90 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/76/5>

7. Gaydukova E. *Social ideas about role relationships in a modern family (using the example of metropolitan residents)*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 2011. 290 p. (in Russian).
8. Tsvetkova N. A. Transformation of family roles as the leading trend of the modern stage of development of the family institution. *Shkola budushchego*, 2018, no. 4, pp. 41–46 (in Russian).
9. Sapogova E. E. *Kul'turnyi sotsiogenez i mir detstva: lektzii po istoriografii i kul'turnoy istorii detstva* [Cultural sociogenesis and the world of childhood: Lectures on historiography and cultural history of childhood]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004. 489 p. (in Russian).
10. Kharitonova E. V. The modern Russian family in conditions of uncertainty. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 76–94 (in Russian). https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_24_4_04
11. Karabanova O. A. *Psikhologiya semeinykh otnosheniy i osnovy semeynogo konsul'tirovaniya* [Psychology of family relationships and the basics of family counseling]. Moscow, Gardariki, 2005. 320 p. (in Russian).
12. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, Rech', 2000. 350 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 24.05.2025; принята к публикации 21.07.2025

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 24.05.2025; accepted for publication 21.07.2025

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 226–232

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 226–232
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-226-232>

EDN: UOLPFY

Научная статья
УДК 377.014.5(470+571)

Среднее профессиональное образование в России: прежние вызовы и новые цели государственной политики

Н. А. Иванько¹✉, В. П. Косырев²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 119602, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84

²Институт изучения детства, семьи и воспитания, Россия, 121069, г. Москва, Трубниковский переулок, д. 15, стр. 1

Иванько Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук, natalya-ivanko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0320-6023>

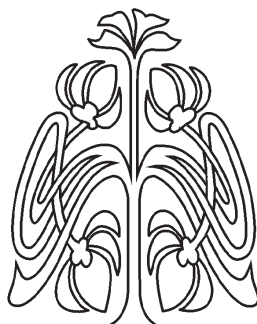
Косырев Василий Петрович, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник, kosyrew2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9832-6479>

Аннотация. Введение. Рассматривается политика современного российского государства в сфере среднего профессионального образования (СПО). **Теоретический анализ.** На основе анализа источников показано состояние современной системы СПО, объективные условия и противоречия современной модификации, показана насущность радикальных преобразований в работе организаций СПО, аргументирована специфика трансформации образовательной деятельности организаций СПО, преобразование форм и способов реализации образовательной деятельности в соответствии с запросами общества и государства. Определена роль и место учреждений СПО в качестве ведущего фактора жизнедеятельности российского государства и гражданского общества в современном мировом пространстве, способствующем достижению экономических, социокультурных и политико-правовых целей российского общества и государства. **Заключение.** Несмотря на сложности, сопровождающие деятельность организаций в системе СПО, за последнее время в результате государственной образовательной политики в сфере СПО в стране существенно возросла привлекательность и уважительное отношение к выпускникам колледжей, техникумов и профессиональных училищ – высока потребность российского рынка труда в специалистах среднего звена. Как результат государственной образовательной политики в сфере СПО появляются обновленные формы взаимосвязи государства и гражданского общества в регулировании сферы обучения и воспитания.

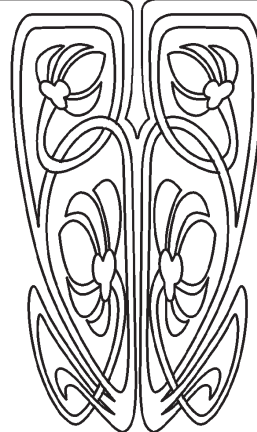
Ключевые слова: среднее профессиональное образование, государственная образовательная политика, образовательный процесс, обучение, деятельность, организация, система управления, модификация образования, технологический суверенитет, воспитание

Для цитирования: Иванько Н. А., Косырев В. П. Среднее профессиональное образование в России: прежние вызовы и новые цели государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 226–232. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-226-232>, EDN: UOLPFY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Secondary vocational education in Russia: Previous challenges and new goals of state policy

N. A. Ivanko¹✉, V. P. Kosyrev²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadskogo Ave., Moscow 119602, Russia

²Institute for the Study of Childhood, Family and Upbringing, 15 building 1 Trubnikovskiy pereulok, Moscow 121069, Russia

Natalya A. Ivanko, natalya-ivanko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0320-6023>

Vasily P. Kosyrev, kosyrew2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9832-6479>

Abstract. Introduction. The article deals with the policy of the modern Russian state in the sphere of secondary vocational education (SVE). **Theoretical analysis.** Based on the analysis of sources the state of the modern system of secondary vocational education, objective conditions and contradictions of modern modification are shown. The urgency of radical transformations in the work of SVE organizations highlighted. Specificity of the system transformation in the work of SVE organizations as well as transformation of forms and ways of implementing educational activities in accordance with the demands of society and the state are given convincing reasons for. The authors defined the role and place of SVE institutions as a leading factor in the life of the Russian state and civil society in the modern global space, contributing to the achievement of economic, socio-cultural, political and legal goals. **Conclusion.** Despite the difficulties which accompany the activities of organizations in the system of vocational education and training, the state educational policy in the field of vocational education and training has contributed recently to increasing the attractiveness and respect for college graduates; technical and vocational schools in the country have significantly grown – the Russian labor market demand for middle-level specialists is high. As a result of the state educational policy in the field of vocational education and training, updated forms of interaction between the state and civil society in regulating the sphere of education and training are emerging.

Keywords: secondary vocational education, state educational policy, educational process, training, activity, organization, management system, education modification, technological sovereignty, upbringing

For citation: Ivanko N. A., Kosyrev V. P. Secondary vocational education in Russia: Previous challenges and new goals of state policy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 226–232 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-226-232>, EDN: UOLPFY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Пристальное внимание государства к проблемам среднего профессионального образования (СПО), наблюдаемое профессионалами в последнее десятилетие, актуализировалось повесткой сегодняшнего дня – необходимостью достижения технологического суверенитета – о насущной потребности государства в миллионе «специалистов рабочих профессий для нужд атомной, машиностроительной, металлургической, фармацевтической, транспортной и строительной отраслей, ОПК и сельского хозяйства, индустрии робототехники и электронной промышленности, обеспечивающих конкурентоспособность, суверенитет и безопасность РФ на международной арене», – заявил в своем Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент РФ В. В. Путин¹. Насколько реально достижение данного показателя в течение

пяти лет на базе существующей системы СПО? Какие шаги предпринимаются на уровне государства для достижения столь высокой цели? С какими рисками столкнется профессиональное сообщество при решении амбициозных задач? Что уже достигнуто и может стать основой для дальнейшей трансформации системы СПО в связи с новыми вызовами, стоящими перед российским обществом и государством?

Теоретический анализ

На сегодняшний день сфера среднего профессионального образования и воспитания как подсистема образования в целом – сложно устроенная социокультурная система, имеющая задачи функционирования, органы внутреннего и внешнего управления и самоуправления, нацеленная на совершенствование учебно-воспитательной деятельности, обеспечивающей качественную подготовку специалистов среднего звена – ведущего фактора стабильного и прогрессивного социально-экономического и духовно-политического развития российского

¹ Стенограмма Послания Президента Федеральному собранию 21 декабря 2023 года: [официальный сайт Президента России]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 28.03.2025).

социума. А между тем техногенная цивилизация, привнося новые смыслы в существование человека, отменяет старые профессии, не только требующие физические усилия, трансформируя их на более сложный интеллектуальный уровень (например, управление сложными механизмами), – под угрозой исчезновения оказываются интеллектуальные творческие профессии [1].

В соответствии со Стратегическими приоритетами в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года, образовательная система СПО модифицируется: утверждены новые перечни профессий и специальностей среднего профессионального образования, в которые включено 20 новых профессий и специальностей, 250 новых федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования, т. е. обновляются формы и методы управления, наблюдается усиление финансового обеспечения, перестройка образовательного процесса, корректировка оценок его продуктивной деятельности, регулируются нормативно-правовая координация и распределение функций субъектов образовательной деятельности. Сфера СПО – важнейший компонент системы обучения и воспитания в стране, объединяющая свыше 4,6 тысяч учебно-воспитательных заведений и их филиалов, число обучающихся в которых 3,71 млн человек².

Постоянно растет востребованность в выпускниках средних профессиональных образовательных организаций, и в настоящее время число граждан, имеющих высшее профессиональное образование, в два раза меньше, чем специалистов среднего звена. Программы СПО охватывают почти половину молодежи страны от 15 до 19 лет.

В структуре выпуска 2022 года, как и в предыдущие, доминируют специалисты среднего звена в инженерных, обрабатывающих и строительных отраслях [2].

Текущее состояние современной практико-ориентированной системы подготовки квали-

фицированных рабочих и специалистов среднего звена как важный ресурс функционирования государства и формирования человеческого капитала продемонстрировано в исследовании ученых и специалистов НИУ ВШЭ [3].

В России преобладают государственные бюджетные учреждения СПО (лишь каждое седьмое – частное). То есть подавляющая часть абитуриентов может получать образование за счет бюджетных средств. При этом в государственных СПО организациях имеются и платные места (обучается от 5 до 40% студентов в соответствии с программами обучения), стоимость которых ниже, чем в высших школах, да и поступить на бюджетной основе легче благодаря невысокому конкурсу.

В последние годы абитуриенты организаций СПО наиболее активно поступают на отделения педагогов (воспитателей дошкольных заведений и учителей начальных классов), но почти каждый третий от общего числа выбирают специальности ИТ-направлений и технические профессии, конкурс на которые, составляет 3–7 человек на место.

Наибольшая часть (около 90%) образовательных учреждений действует в городах, поселках городского типа. В половине из них обучаются до 500 студентов, четверть составляют крупные образовательные организации, обучающие 1000 и более студентов. В сельской местности преобладают организации, обучающие до 500 студентов.

Большинство организаций СПО многопрофильные (превышают 70%), около одной третьей имеют отраслевую направленность (среди них самый большой сегмент принадлежит образовательным учреждениям в области сельского хозяйства, музыкального и сценического искусства, медицины и здравоохранения).

Финансовое обеспечение реализации учебно-воспитательных программ в расчете на одного обучающегося небольшое – около 120 тысяч рублей (некоторое снижение с предыдущими годами), однако объем средств зависит от специфики отраслей (например, обучение студентов музыкально-сценического искусства в три раза дороже у медиков).

Все большее внимание молодежи привлекают в настоящее время программы подготовки специалистов со средним профессиональным образованием (рост на 20%), но при этом наб-

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 26.12.2024. № 1896): [официальный интернет-портал правовой информации]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102456645&rdk=&backlink=1&ysclid=m8u8g2mkss820834481> (дата обращения: 28.03.2025).

людается стабильность востребованности квалифицированных служащих и рабочих (спрос на профессии есть, но набор в течение многих лет остается практически неизменным).

Работодатели проводят аккредитацию образовательных программ подготовки специалистов со средним профессиональным образованием (весомая доля приходится на программы с отраслевой специализацией).

Начиная с 2019–2020 учебного года каждый двадцатый студент проходит профессиональную подготовку на базе предприятий, компаний, фирм (лидирующие позиции имеют образовательные организации, которые ориентированы на подготовку специалистов для аграрного сектора экономики и транспортной отрасли).

Качественный состав преподавателей и мастеров производственного обучения с опытом работы на предприятиях невысок – 5%.

Существенно улучшилось обеспечение организаций СПО высокоскоростным интернетом (доступность на скорости 100 Мбит/с и более в 2020 г. была возможна в каждом четвертом образовательном заведении, ныне – почти в половине образовательных учреждений).

В рамках реализации государственной политики в сфере среднего профессионального образования по достижению намеченных целей были предприняты следующие шаги:

- создан Департамент государственной политики в области среднего профессионального образования и профессионального обучения Министерства просвещения;
- в целях выработки механизмов привлечения работодателей к реализации образовательных программ СПО сформирован Партнерский совет Министерства просвещения и работодателей;
- Межрегиональный институт повышения квалификации специалистов профессионального образования реорганизован в Институт развития профессионального образования, осуществляющий функции обновления содержания учебно-воспитательного процесса.

В соответствии с потребностями рынков труда в регионах ведется подготовка специалистов по 50 новым пользующихся спросом профессиям. В учебно-воспитательном процессе используются технологии Ворлдскиллс (с 2022 г. – «Молодые профессионалы»), включая в качестве независимой оценки знаний и умений

студентов демонстрационный экзамен. Традиционными стали конкурсы профессионального мастерства для обучающихся и молодых специалистов, работающих в разнообразных отраслях народного хозяйства страны – промышленности, аграрного сектора, сферы услуг, транспорта, информационных технологий, креативных индустрий и других областях экономики.

Проект «Профессионалитет» получил развитие в сентябре 2022 г. как одна из 42 инициативных программ Президента РФ по социально-экономическому развитию страны. Ее главные задачи – партнерское участие бизнеса в управлении образовательными заведениями, оптимальная нацеленность обучения на практику, на воспитание, на всестороннее формирование личности, подготовка специалистов-профессионалов среднего звена, в наибольшей степени востребованных в региональной экономике. Участие в проекте призвано обеспечить обновление инфраструктуры колледжей и внедрение образовательных программ обучения и воспитания по востребованным профессиям с ориентацией на практическую деятельность. Согласно отчету Правительства РФ за 2024 г., благодаря проекту открыто уже 370 кластеров при участии бизнеса выпускников СПО по 24 самым востребованным направлениям³.

По данным Правительства РФ, возрождается система учебно-производственных комплексов – свыше 700 открыто в 68 регионах страны на основе интеграции колледжей и предприятий (атомная, легкая промышленность; железнодорожный транспорт; машиностроение, включая авиа- и судостроение; металлургия; сельское хозяйство; фармацевтика; химическое производство; водный и наземный транспорт; информационные технологии; лесная, топливно-энергетическая и электротехническая промышленность; радиоэлектроника; строительство и другие отрасли).

Всероссийское чемпионатное движение по профессиональному мастерству объединяет два чемпионата – по высоким технологиям и профессиональному мастерству, на которых студенты, мастера и преподаватели демонстри-

³ Пленарное заседание 26.03.2025. Отчет Правительства о работе за 2024 год (12:00 - 17:00). URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/meetings/114006/> (дата обращения: 28.03.2025).

руют свои навыки и делятся лучшим опытом, позитивно влияя на усиление продуктивности среднего профессионального образования.

Однако наряду с явными успехами приходится констатировать и ряд проблем в функционировании системы среднего профессионального образования, которые носят системный характер. Для их решения требуется взаимодействие государства, экспертного сообщества, гражданского общества, бизнеса. Выделим некоторые из них, в наибольшей степени нуждающиеся в незамедлительном преодолении и устранении.

1. Противоречие, на которое обратил внимание во время обсуждения новой Стратегии развития образования 11.02.2025 г. депутат ГД О. Н. Смолин: «Согласно 43-й статье Конституции среднее профессиональное образование в стране общедоступно и бесплатно, при этом на самом деле за него платят более 40 процентов всех студентов»⁴. Конструктивного ответа на предложение депутата сделать подготовку рабочих кадров бесплатной, т. е. за счет федерального бюджета, не прозвучало.

2. Риск потери общедоступного и бесплатного среднего общего и среднего профессионального образования стал серьезным аргументом противников Федерального закона «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования», Государственной Думой РФ 18 марта 2025 года⁵. Суть эксперимента заключается в выдаче документа об образовании (аттестата об основном общем образовании) выпускникам по результатам государственной итоговой аттестации по обязательным предметам «Русский язык» и «Математика» с тем, что они продолжают обучение в организациях СПО. И несмотря на то, что эксперимент касается трех регионов – г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Липецкой области, страсти вокруг нового закона в общественном поле накаляются: закон еще на стадии проекта снискал как сторонников,

считающих, что данная инициатива призвана помочь решить проблему кадрового голода в отраслях, так и противников, считающих, что реализация данного закона лишает детей права на получение бесплатного среднего общего образования⁶.

3. Согласно опросам ВЦИОМ, показатели популярности среднего профессионального образования за последние 20 лет остаются стабильными на уровне 27–32%, (показатель по высшему образованию в 2024 г. – 60%)⁷. Учащиеся ориентированы преимущественно для поступления в высшие учебные заведения. Однако при этом не принимается во внимание факт, что экономика заинтересована, в первую очередь, в кадрах с уровнем среднего профессионального образования, в которых остро нуждаются почти все отрасли производства. Причина происходящего – формирование в обществе негативного отношения детей и подростков к среднему профессиональному образованию: трансформация понимания молодежью ценностей и идеалов под воздействием потребительской культуры общества; непривлекательность труда с точки зрения маркетинга – низкая мотивация студентов и школьников для получения профессии СПО; слабая роль семьи и общественности в воспитании и обучении школьников и студентов; просчеты федеральных, региональных и местных органов власти по развитию и поддержке СПО.

4. Несмотря на предпринимаемые меры (федеральный проект «Профессионалитет», введение демонстрационного экзамена, обновление оборудования в колледжах и др.), сохраняется недостаточно высокий качественный уровень образовательной деятельности и подготовки специалистов среднего звена, особенно рабочих профессий. Продуктивное функционирование учреждений СПО должно быть нацелено на эффективное обучение и воспитание студентов с использованием обновленных форм и способов, методик и технологий в образовательном про-

⁴ Стенограмма заседания Государственной Думы РФ 11 февраля 2025 г. [официальный сайт Государственной Думы РФ]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6547/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁵ О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования: Законопроект № 820310-8 от 17.01.2025: [система обеспечения законодательной деятельности]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/820310-8> (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Обращение в Совет Федерации против законопроекта «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования» // Психологическая газета. 24.03.2025. URL: <https://psy.su/feed/12314/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁷ Обучение длиною в жизнь. 29 июля 2024 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1?clckid=699afbea> (дата обращения: 28.03.2025).

цессе, с привлечением наиболее компетентных преподавателей и мастеров производственного обучения, с совершенствованием материально-технического оснащения и теоретико-методологической основы, что ведет к конкуренции организаций СПО и повышает стоимость образования.

5. Недостаток компетентных преподавателей и мастеров производственного обучения. Вызовы трансформации мирового сообщества (исчезновение старых профессий, появление новых, требующих цифровых компетенций, знания новых технологий, высокотехнологичных навыков) привели к падению общего образовательного уровня граждан; разрыву преемственности, связей между поколениями; снижению значимости знаний в жизни социума и человека; спаду заинтересованности в работе педагогических кадров; смене ориентиров и установок образовательной деятельности – что значительно затруднило процесс ускоренной модернизации системы СПО.

6. Невозможность полноценной организации и проведения разного рода практической подготовки студентов как внутри организаций СПО, так и на базе предприятий, организаций и фирм. Между тем именно ориентация на формирование отраслевых специфических практико-ориентированных знаний, умений и навыков у обучающихся – фундамент компетентности выпускников СПО. К тому же рост научных инноваций и исследований открывает новые перспективы СПО заведениям для овладения дополнительными приносящими прибыль видами деятельности [4].

7. Низкий уровень финансового обеспечения организаций СПО служит помехой их оптимальной деятельности. Недостаточность финансового государственного протекционизма вынуждает организации СПО активнее использовать платное образование. Несмотря на то, что такой шаг позволяет привлечь к обучению и воспитанию наибольшее число молодежи, одновременно снижается доступность профессиональной подготовки юношам и девушкам с низким материально-финансовым статусом (тем более из неблагополучных семей).

8. К указанным проблемам следует отнести также и вопросы улучшения материальной базы организаций СПО, оснащение их инфор-

мационно-технологическим оборудованием, повышение заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения и, конечно, несовершенство законодательной базы и недостаточность внимания и поддержки в их функционировании со стороны органов исполнительной власти и общественности.

9. Разбалансированность механизмов межведомственного взаимодействия федеральных и региональных властных структур на уровне регулирования деятельности системы СПО, проблема разграничения полномочий субъектов управления при сохранении единства действий, длительные процедуры согласования по-прежнему усложняют полноценное функционирование образовательных организаций СПО.

Заключение

Эксперты, представители властных структур и педагогического сообщества, акцентируя внимание на вызовах, стоящих перед российским государством, призывают к увеличению инвестиций в человеческий капитал и, прежде всего, в обучение и воспитание граждан, особенно молодежи, посредством которой этот капитал создается. Несмотря на сложности, сопровождающие деятельность организаций в системе СПО, за последнее время в результате государственной образовательной политики в сфере СПО существенно возросла привлекательность и уважительное отношение к выпускникам колледжей, техникумов и профессиональных училищ – потребность в специалистах среднего звена очень большая.

Как результат государственной образовательной политики в сфере СПО появляются обновленные формы взаимосвязи государства и гражданского общества в регулировании сферы обучения и воспитания на всех уровнях образования. Ключевым фактором мотивации и воздействия на образовательный процесс выступают разнообразные теоретико-методологические ассоциации, способствующие повышению качества образовательной деятельности, а достижение результатов обучения и воспитания зависит от успеха целенаправленного взаимодействия российского государства и общества (экспертного сообщества, гражданского общества и бизнеса).

Список литературы

1. Листвина Е. В. Социокультурные и антропологические вызовы начала XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 267–271. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-267-271>, EDN: KGGAFT
2. Бондаренко Н. В., Варламова Т. А., Гохберг Л. М., Зорина О. А., Кузнецова В. И., Портнягина О. Н., Шкалева Е. В., Шугаль Н. Б. Индикаторы образования: 2024 : статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2024. 416 с.
3. Шугаль Н. Б., Кузнецова В. И., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К., Шкалева Е. В. Среднее профессиональное образование в России : статистический обзор. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 72 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2677-4>, EDN: ZMVZVT
4. Клячко Т. Л. Образование в России и мире. Основные тенденции // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 26–40. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2020-1-26-40>, EDN: YMSJGW

References

1. Listvina E. V. Socio-cultural and anthropological challenges of the early 21st century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 267–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-267-271>, EDN: KGGAFT
2. Bondarenko N. V., Varlamova T. A., Gokhberg L. M., Zorina O. A., Kuznetsova V. I., Portnyagina O. N., Shkaleva E. V., Shugal' N. B. *Indikatory obrazovaniya: 2024: statisticheskij sbornik* [Education Indicators: 2024: Statistical collection]. Moscow, HSE University Publ., 2024. 416 p. (in Russian).
3. Shugal' N. B., Kuznetsova V. I., Kuz'micheva L. B., Ozerova O. K., Shkaleva E. V. *Srednee professional'noe obrazovanie v Rossii: statisticheskij obzor* [Secondary vocational education in Russia: Statistical overview]. Moscow, HSE University Publ., 2022. 72 p. (in Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2677-4>, EDN: ZMVZVT
4. Kljachko T. L. Education in Russia and the world. Main trends. *Obrazovatel'naja politika* [Educational Policy], 2020, no. 1 (81), pp. 26–40 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2020-1-26-40>, EDN: YMSJGW

Поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 21.07.2025

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 233–238

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 233–238

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-233-238>, EDN: WOVKQN

Научная статья

УДК 004:378.091.3

Интеграции акмеологического и проектного подходов для формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе

Л. В. Курзаева

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38

Курзаева Любовь Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и информационных технологий, lkurzaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0726-7969>

Аннотация. Введение. Проблема подготовки конкурентоспособных кадров не перестает быть актуальной со временем, а с учетом стремительного развития цифровых технологий и их интеграции во все сферы жизни вопрос формирования конкурентоспособности ИТ-специалистов стоит как никогда остро. Целью данной статьи является выбор и обоснование методологических подходов к формированию конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов на уровне практико-ориентированной тактики реализации профессиональной подготовки в вузе. **Теоретический анализ.** Анализ научной литературы позволил выделить особенности среды профессиональной деятельности будущих ИТ-специалистов, а также методологические основания формирования их конкурентоспособности – акмеологический и проектный подходы, обладающие необходимыми возможностями для формирования искомого качества личности. Приведена краткая характеристика каждого из подходов, сформулированы основные положения применительно к рассматриваемой проблеме исследования, определены аспекты интеграции и взаимодополнения выделенных подходов в отношении целей и задач рассматриваемого процесса, формирования компетенций, создания поддерживающей среды для интенсификации личностного роста, рефлексии и индивидуализации профессиональной подготовки. **Заключение.** Комплексное применение рассмотренных подходов к формированию конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе позволяет определить на уровне практико-ориентированной тактики способы реализации необходимого педагогического воздействия для раскрытия профессионально-личностного потенциала обучающихся и формирования у них необходимых профессиональных и надпрофессиональных компетенций.

Ключевые слова: конкурентоспособность, ИТ-специалист, профессиональная подготовка, методологические подходы, акмеология, проектный подход

Благодарности. Автор выражает благодарность доктору педагогических наук, профессору Савве Любови Ивановне за научное консультирование при подготовке исследования к публикации.

Для цитирования: Курзаева Л. В. Интеграции акмеологического и проектного подходов для формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 233–238. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-233-238>, EDN: WOVKQN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integration of acmeological formative and project approaches for the competitiveness of future IT specialists in the university

L. V. Kurzaeva

Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38 Lenina St., Magnitogorsk 455000, Russia

Lyubov V. Kurzaeva, lkurzaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0726-7969>

Abstract. Introduction. The problem of training competitive personnel does not cease to be relevant over time. Given the rapid development of digital technologies and their integration into all spheres of life, the issue of forming the competitiveness of IT specialists is more acute than ever. The purpose of this article is to select and justify methodological approaches to forming the competitiveness of future IT specialists at the level of practice-oriented tactics of implementing professional training at the university. **Theoretical analysis.** The analysis of scientific literature made it possible to identify the features of the environment of professional activity of future IT specialists, as well as the methodological foundations for forming their competitiveness – the acmeological and project approaches that have the necessary capabilities to form the desired personality traits. A brief description of each approach given; the main provisions are formulated in relation to the research problem under consideration. The author also determined the aspects of integration and complementarity of the selected approaches in relation to the goals and objectives of the process under consideration, the formation of competencies, the creation of a supportive environment for the intensification of personal growth, reflection and individualization of professional training. **Conclusion.** The comprehensive application of the

considered approaches to the formation of the competitiveness of future IT specialists at the university allows us to determine the methods of implementing the necessary pedagogical influence at the level of practice-oriented tactics to reveal the professional and personal potential of students and to form in them the necessary professional and supra-professional competencies.

Keywords: competitiveness, IT specialist, professional training, methodological approaches, acmeology, project approach

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the Doctor of pedagogical sciences, professor Lyubov I. Savva for scientific consulting in preparing the research for publication.

For citation: Kurzaeva L. V. Integration of acmeological formative and project approaches for the competitiveness of future IT specialists in the university. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 233–238 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-233-238>, EDN: WOVKQN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Решение стоящих перед российской экономикой задач по достижению технологического суверенитета и лидерства во многом зависит от уровня конкурентоспособности ИТ-отрасли. Фокусировка профессиональной подготовка будущих ИТ-специалистов в вузе на овладение современными цифровыми технологиями важна, но является на сегодня недостаточной. Разработка ИТ-решений – это сложный процесс межотраслевого взаимодействия, участники которого должны обладать высоким уровнем подготовки к командной работе, критическим мышлением и креативностью. Скорость развития и сменяемости современных технологий также определяет ряд требований к будущему ИТ-специалисту, а его конкурентоспособность связана как с уровнем профессиональной компетентности, так и с его способностями предвидения изменений, готовностью к быстрому овладению новыми компетенциями и деятельности в условиях неопределенности, выстраиванием плана собственного профессионального развития.

Под влиянием современных социально-экономических условий и технологического прогресса профессиональное будущее обучающихся в вузе становится неопределенным, что затрудняет выстраивание ими образовательных и карьерных траекторий. Такая ситуация названа Э. Ф. Зеером и Э. Э. Сыманюк «асимметрией профессионального будущего» [1, с. 259], которая проявляется в профессиональной депривации, ориентации большей части студентов на настоящее и краткосрочный успех на фоне скорости изменений в профессиональной деятельности. Деятельность в области информационных технологий осуществляется в условиях неполной информации и неопределенности, что согласно исследованию К. Э. Сайфулиной, Г. Л. Козуно-

вой, В. А. Медведева обуславливает негативные последствия профессионально-личностной идентификации при невозможности получить требуемые результаты известными способами деятельности, а, следовательно, потере мотивов и устремлений в намеченных ранее образовательной и карьерной траекториях [2].

Учитывая современные тенденции развития ИТ-отрасли, можно с большой долей вероятности утверждать, что будущий ИТ-специалист ни раз столкнется с необходимостью решения проблем рефлексии и саморазвития, повышения уровня своей конкурентоспособности, переосмысления карьерных успехов и планов. Анализ современных научных работ Ю. О. Климовой, В. С. Ускова [3], Ю. О. Климовой [4], С. Н. Поздеевой, И. В. Зайчиковой [5], А. А. Микрюкова, С. В. Федосеева [6], И. И. Ереминой, Д. М. Лысанова [7], Е. И. Рабиной, Н. В. Дериной [8], посвященных формированию конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе, позволяет предположить, что на уровне практикоориентированной тактики особой силой обладают акмеологический и проектный подходы.

Акмеологический подход является методологическим вектором для исследования структуры и содержания внутриличностных качеств, которые непосредственно влияют на прогрессивное развитие взрослого, выражая эту взаимосвязь в форме закономерностей достижения профессиональных вершин.

Проектный подход задает другой вектор, ориентирующий на получение конкретного уникального востребованного результата в рамках проектной деятельности как неотъемлемого компонента содержания обучения, обеспечивающего формирование профессионально и лично значимых качеств и компетенций в процессе устранения перманентного дефицита знаний на этапах решения проектных задач.

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости интеграции акмеологического и проектного подходов к формированию конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе.

Теоретический анализ

Рассмотрим положения акмеологического и проектного подходов применительно к формированию конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов в вузе, а также их интегративную силу через дополнительность по отношению друг к другу.

Акмеологический подход сосредоточен на изучении «закономерностей достижения профессионализма и креативности как проявлений вершин (акме) через создание продуктивных педагогических систем, способствующих раскрытию личностью своего потенциала» [9, с. 28]. В рамках нашего исследования акмеологический подход сосредоточен на вопросах накопления и использования внутренних ресурсов и потенциалов обучающегося в вузе, определяющих конкурентные преимущества личности в избранной профессиональной деятельности.

Обозначим основные положения *акмеологического подхода* относительно исследуемой проблемы.

1. Достижение малых профессиональных «акме» – это многократно повторяемый процесс в ходе формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов.

2. Формирование конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов основывается на накоплении и активизации профессионально-личностного потенциала обучающихся и проявляется как продуктивность субъекта деятельности [10].

3. Педагогическое обеспечение формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов должно быть усилено акмеологической поддержкой данного процесса.

4. Структура и содержание качеств личности обучающегося определяет особенности формирования его конкурентоспособности и персонифицирует акмеологическую поддержку самоорганизации в рамках данного процесса.

5. Выделение акмеологических критериев и подбор средств оценивания по ним позволит существенно дополнить систему мониторинга формирования конкурентоспособности будущего ИТ-специалиста в вузе.

Проектный подход, по определению Л. И. Антроповой, А. В. Казикина, О. В. Лешер, – это методология деятельности, направленной на получение нового уникального продукта в заданных ресурсных ограничениях по времени [11]. Важность данного подхода для формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов связана с особенностями среды будущей профессиональной деятельности, подробно раскрытых в работе Ю. В. Ляндау и А. С. Буткевич [12], и определяющимися тем, что доминирующим видом деятельности в ИТ-среде является проектный. В работе Е. А. Ураковой, Н. В. Быстровой, П. А. Грашиной подчеркиваются такие важные отличительные черты проектной деятельности, которые отличают ее от других видов учебно-профессиональной деятельности: работа в команде, работа с заказчиком, реализация деятельности с неопределенными полностью результатами и способами выполнения работ, ограничения по времени, необходимость самостоятельного быстрого приращения компетенций [13].

Обозначим основные положения *проектного подхода* относительно исследуемой проблемы.

1. Тематики проектов должны быть связаны с актуальной проблемой, обусловленной контекстом цифровой трансформации экономики, а решение задач для разных прикладных областей повышает восприимчивость обучающихся к трансферным процессам.

2. Формирование команд с разными ролями позволяет создавать условия для формирования компетенций, связанных с коммуникацией и сотрудничеством [14].

3. Наличие заказчика повышает значимость получения продуктового результата, а коммуникация с ним способствует формированию компетенций по работе с требованиями к результатам проекта.

4. Методы и средства управления проектами должны подбираться в соответствии с их особенностями: степени определенности требований к результатам, исходных компетенций участников, масштабу проекта, временным ограничениям, рискам и пр.

5. Планирование и осуществление работы проектной команды должно осуществляться в соответствии с выбранными методами и средствами управления проектами, обеспечивая необходимый уровень самостоятельности и

ответственности участников за решение делегированных им задач и получение конечных образовательных и продуктовых результатов.

6. Наставничество является эффективным способом трансфера компетенций в ходе проектной деятельности, призванное сформировать профессиональные компетенции, основанные на явных и неявных знаниях.

7. Оценка результатов и рефлексия в ходе и по итогам реализации проекта позволяет

обучающимся осознать свои конкурентные преимущества и обозначить направления их наращивания и совершенствования.

Интеграция акмеологического и проектного подходов на уровне практикоориентированной тактики формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов представляет собой сложную и интересную систему взаимосвязей по различным аспектам реализации рассматриваемого процесса (таблица).

Интеграция акмеологического и проектного подходов для формирования конкурентоспособности будущих ИТ-специалистов

Table. Integration of acmeological and project approaches to form competitiveness in future IT specialists

Аспекты дополнительности	Акмеологический подход	Проектный подход
Определение целей и задач	Фокусируется на выявлении индивидуальных целей и стремлений, что позволяет каждому участнику проекта осознать свои мотивы и потребности	Включает формулирование целей проекта, которые могут быть увязаны с личными амбициями участников, что увеличивает их вовлеченность и ответственность
Формирование компетенций	Подчеркивает важность развития ключевых компетенций, таких как критическое мышление, креативность, коммуникация и саморегуляция	Предоставляет возможность практического применения компетенций в процессе работы над проектом, что способствует их углубленному освоению
Личностный рост и рефлексия	Ориентирован на личностное развитие и самосовершенствование, включая рефлексия как важный инструмент	Включает этапы анализа и оценки результатов работы, что позволяет участникам осмысливать свой опыт, выявлять сильные и слабые стороны
Создание поддерживающей среды	Подразумевает создание условий для поддержки и развития каждого участника	Стимулирует командную работу и взаимодействие, что способствует формированию атмосферы доверия и сотрудничества
Индивидуализация профессиональной подготовки	Учитывает уникальность каждого человека и его путь к успеху	Позволяет адаптировать проекты под интересы и способности участников, что повышает их мотивацию и вовлеченность
Интеграция	– Разработка курсов дисциплин, основанных на проектном подходе с акцентом на акмеологические принципы. – Использование акмеологических методов (коучинг, менторство и др.) в процессе наставничества для поддержки участников проектов. – Внедрение акмеологических критериев для оценки не только результатов проекта, но и личностного роста участников.	

Заключение

Положения рассмотренных подходов позволяют выработать закономерности и принципы рассматриваемого процесса. Роль акмеологического подхода заключается в решении задачи формирования образа желаемого профессионального будущего обучающихся и активизации их профессионально-личностного потен-

циала в достижении успеха в образовательной и профессиональной деятельности. Проектного – в раскрытии специфики и формировании готовности к будущей профессиональной деятельности, профессиональных и надпрофессиональных компетенций, связанных с работой в команде и межотраслевым взаимодействием, а также развитием способности к самообучению и саморазвитию.

Интеграция данных подходов на уровне практико-ориентированной тактики формирования конкурентоспособности будущего ИТ-специалиста в вузе происходит через их взаимное дополнение и усиление при определении целей и задач рассматриваемого процесса, формирование компетенций, создание поддерживающей среды для интенсификации личностного роста, рефлексии и индивидуализации профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Асимметричное профессиональное будущее современной молодежи // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 258–263. EDN: RDQYKT
2. Сайфулина К. Э., Корзунова Г. Л., Медведев В. А., Рыткова А. М., Чернышев Б. В. Принятие решения в условиях неопределенности: стратегии использования и исследования // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 93–106. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090208>, EDN: ARUOGL
3. Климова Ю. О., Усков В. С. К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 2. С. 222–231. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231>, EDN: ECUQXR
4. Климова Ю. О. Проблемы подготовки кадров в сфере информационных технологий // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 86–105. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.6>, EDN: GSLAIE
5. Поздеева С. Н., Зайчикова И. В. Вузовская подготовка ИТ-специалистов в современных условиях // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34, № 1. С. 71–77. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(1\).71-77](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(1).71-77), EDN: ENDMWR
6. Микрюков А. А., Федосеев С. В. Актуальные вопросы повышения конкурентоспособности инженерной подготовки ИТ-специалистов для инновационной экономики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2011. № 3 (121). С. 288–292. EDN: ZNAZKX
7. Еремина И. И., Лысанов Д. М. Практическая подготовка ИТ-специалистов в вузах в условиях цифровой экономики // Экономика и предпринимательство. 2024. № 6 (167). С. 1334–1337. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.167.6.275>, EDN: PYGTKU
8. Рабина Е. И., Дёрина Н. В. Влияние умения выпускников вуза организовывать свое время на уровень их конкурентоспособности // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 2. С. 22–26. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-2-22-26>, EDN: AOBPEC
9. Деркач А. А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М. : РАГС, 1999. 392 с.
10. Джига Н. Д. Акмеология созидания продуктивного субъекта образования // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 149–156. EDN: QCRYFF
11. Антропова Л. И., Казикин А. В., Лешер О. В. Формирование коммуникативной креативности студентов вуза: организационно-содержательный компонент // Перспективы науки и образования. 2019. №3 (39). С. 119–132. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.3.9>, EDN: PITWXF
12. Ляндау Ю. В., Буткевич А. С. Особенности управления ИТ-проектами // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2023. № 3 (129). С. 147–154. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-3-147-154>, EDN: BRUBYK
13. Уракова Е. А., Быстрова Н. В., Грашина П. А. Сущность проектного подхода в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 4 (69). С. 276–278. EDN: OZJPEH
14. Семенова Л. М., Качан В., Савва Л. Возможности и проблемы преподавания профессиональных модулей в период цифровой трансформации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11, № 2. С. 72–77. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-72-77>, EDN: CCMDKF

References

1. Zeer E. F., Symanyuk E. E. Asymmetric professional future of modern youth. *Pedagogical Education in Russia*, 2013, no. 4, pp. 258–263 (in Russian). EDN: RDQYKT
2. Sayfulina K. E., Korzunova G. L., Medvedev V. A., Rytikova A. M., Chernyshev B. V. Decision making under uncertainty: Exploration and exploitation. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 93–106 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090208>, EDN: ARUOGL
3. Klimova Yu. O., Uskov V. S. Training for the IT industry in the context of digitalization. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 222–231 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-2-222-231>, EDN: ECUQXR
4. Klimova Yu. O. The problem of training personnel in information technology. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 6 (110), pp. 86–105 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.6>, EDN: GSLAIE
5. Pozdeeva S. N., Zaichikova I. V. Training of IT specialists at the university in modern conditions. *Bulletin of Baikal State University*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 71–77 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(1\).71-77](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(1).71-77), EDN: ENDMWR
6. Mikryukov A. A., Fedoseev S. V. Current issues in improving the competitiveness of engineering training for IT specialists in the innovative economy. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo*

- gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta [St. Petersburg Polytechnic University Journal], 2011, no. 3 (121), pp. 288–292 (in Russian). EDN: ZNAZKX
7. Eremina I. I., Lysanov D. M. Practical training of IT specialists in universities in the digital economy. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2024, no. 6 (167), pp. 1334–1337 (in Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.167.6.275>, EDN: PYGTKU
 8. Rabina E. I., Dyorina N. V. The influence of the students' time self-organization skills on competitiveness level. *Humanitarian and Pedagogical Research*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 22–26 (in Russian). <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-2-22-26>, EDN: AOBPEC
 9. Derkach A. A. *Metodologo-prikladnye osnovy akmeologicheskikh issledovaniy* [Methodological and applied foundations of acmeological research]. Moscow, RAGS Publ., 1999. 392 p. (in Russian).
 10. Dzhiga N. D. Acmeology of creating a productive subject of education. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI Century], 2013, no. 2, pp. 149–156 (in Russian). EDN: QCRYFF
 11. Antropova L. I., Kazikin A. V., Leshner O. V. Formation of the communicative creativity of academy students: Organizational and conceptual component. *Perspectives of Science & Education*, 2019, no. 3 (39), pp. 119–132 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2019.3.9>, EDN: PITWXF
 12. Lyandau Yu. V., Butkevich A. S. Specific management of IT-projects. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2023, no. 3 (129), pp. 147–154 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-3-147-154>, EDN: BRUBYK
 13. Urakova E. A., Bystrova N. V., Grashina P. A. Essence of design approach in vocational education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 2020, no. 4 (69), pp. 276–278 (in Russian). EDN: OZJPEH
 14. Semenova L. M., Kachan V., Savva L. Opportunities and problems of teaching professional modules in the period of digital transformation. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 72–77 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2022-11-2-72-77>, EDN: CCMDKF

Поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 18.05.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 18.05.2025; accepted for publication 21.07.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 239–245

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 239–245

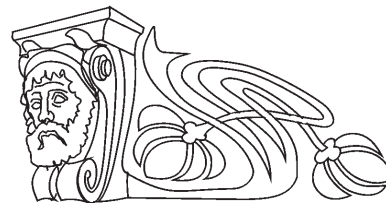
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-239-245>, EDN: WRMOQU

Научная статья

УДК [91:373.5.016]:378

Диагностика качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию

Ю. Р. Андиева

Луганский государственный педагогический университет, Россия, 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2

Андиева Юлия Расуловна, ассистент кафедры географии, andieva93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8813-0851>

Аннотация. Введение. Включение в образовательный процесс проектных технологий способствует качественному развитию продуктивного мышления и универсальных учебных действий, что оказывает помощь в решении образовательных, развивающих и воспитательных задач. **Теоретический анализ.** В ходе экспериментальной проверки цель автора заключалась в диагностике качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию. Автор приводит ряд программных документов, регламентирующих современную профессиональную деятельность учителей географии и ссылается на актуальные научные исследования в рамках рассматриваемой проблемы. **Эмпирический анализ.** Для измерения качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию автор использовал **методы:** тест «Сформирован ли у Вас педагогический такт?» (Е. В. Евсеева), анкета «Самоанализ педагогической деятельности учителя географии» (разработана автором), анаграммы «Исследование гибкости мышления» (Т. А. Немцова). **Новизна исследования:** получены новые данные о качестве сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии, разработана анкета на выявление способности педагогов к самоанализу профессиональной деятельности в аудиторной и внеаудиторной работе. **Заключение.** На основании полученных данных экспериментальной диагностики следует утверждать о том, что у будущих учителей географии качество сформированности проектной компетентности ниже достаточного уровня.

Ключевые слова: проектная компетентность, профессиональные компетенции, рефлексивно-оценочный критерий, педагогический такт, гибкость мышления, самоанализ педагогической деятельности

Для цитирования: Андиева Ю. Р. Диагностика качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 239–245. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-239-245>, EDN: WRMOQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Diagnostics of the quality of project competence formation in future geography teachers using the reflective-assessment criterion

Yu. R. Andieva

Lugansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Lugansk 291011, Russia

Yulia R. Andieva, andieva93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8813-0851>

Abstract. Introduction. The inclusion of project technologies in the educational process contributes to the qualitative development of productive thinking and universal learning activities, which helps in solving educational, developmental and upbringing tasks. **Theoretical analysis.** During the experimental verification, the author's goal was to diagnose the quality of the development of project competence in future geography teachers using the reflective-evaluative criterion. The author cites a number of program documents regulating the modern professional activity of geography teachers and refers to current scientific research within the framework of the problem under consideration. **Empirical analysis.** To measure the quality of the development of project competence in future geography teachers according to the reflexive-evaluative criterion, the author used the following **methods:** the test "Have you developed pedagogical tact?" (E. V. Evseeva), the questionnaire "Self-analysis of the pedagogical activity of a geography teacher" (developed by the author), anagrams "Study of flexibility of thinking" (T. A. Nemtsova). **Novelty of the study.** New data were obtained on the quality of development of project competence in future geography teachers, and a questionnaire was developed to identify the ability of teachers to self-analyze professional activities in the

classroom and extracurricular work. **Conclusion.** Based on the obtained data of experimental diagnostics, it should be stated that the quality of development of project competence among future geography teachers is below a sufficient level.

Keywords: project competence, professional competencies, reflexive-evaluative criterion, pedagogical tact, flexibility of thinking, self-analysis of pedagogical activity

For citation: Andieva Yu. R. Diagnostics of the quality of project competence formation in future geography teachers using the reflective-assessment criterion. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 239–245 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-239-245>, EDN: WRMOQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проектная компетентность подразумевает собой совокупное практическое применение полученных проектных знаний, умений и навыков. Применение проектных технологий обеспечивает не только интегрирование необходимой полезной информации, но и её апробирование и повышение на её основе профессиональной компетентности. В данной статье мы уделяем внимание исходным показателям качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию.

Теоретический анализ

В настоящее время профессиональную деятельность учителей географии регламентирует ряд программных документов: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования¹, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»², постановление Правительства РФ «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» до 2025 года³, государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг.⁴, приказ Министерства образования и науки РФ «Об утвер-

ждении показателей мониторинга системы образования»⁵, приказ Министерства науки и высшего образования РФ «Об утверждении показателей мониторинга системы образования в установленной сфере ведения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации»⁶.

В ходе экспериментальной проверки наша цель заключалась в диагностике качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию. Данный критерий мы ассоциируем с такими понятиями, как самоанализ и самокорректирование, и не можем не согласиться с мнением Е. Б. Быстрой и О. В. Мухаметшиной о том, что рефлексивно-оценочный компонент – основная составляющая системы формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции [1]. Другие исследователи, например, С. М. Маркова и В. Г. Горлова, характеризуют рефлексивно-оценочную составляющую как неотъемлемую часть профессиональной компетентности педагогов профессионального обучения [2].

Немаловажно и то, что современные учёные в равнозначной степени уделяют внимание развитию проектной компетентности, как в рамках социального проектирования, так и в сфере педагогической проектной деятельности, актуализируя данную проблему как эффективное средство развития рефлексивных способностей обучающихся [3].

¹ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru> (дата обращения: 03.03.2025).

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 03.03.2025).

³ О национальной доктрине образования в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97368/a0a571554fd5a942e453f6c01f3c4d4abf6f1fea/ (дата обращения: 03.03.2025).

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642. URL: <http://government.ru/docs/all/115042/> (дата обращения: 03.03.2025).

⁵ Об утверждении показателей мониторинга системы образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.09.2017 № 955. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710130029> (дата обращения: 03.03.2025).

⁶ Об утверждении показателей мониторинга системы образования в установленной сфере ведения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 22.12.2020 № 1566. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040042?ysclid=men0ol2dis247045074&index=5> (дата обращения: 03.03.2025).

Обратим внимание и на актуальность статьи Д. А. Трищенко, в которой автор основное внимание сосредоточил на полноценном применении метода проектного обучения в условиях современной образовательной практики [4]. При этом следует полагать, что правильно организованная проектная деятельность – основа формирования ключевых профессиональных компетенций у будущих учителей географии.

Эмпирический анализ

Самоанализ профессиональной педагогической деятельности обеспечивает непрерывную рефлексию, а готовность преподавателя к системе взаимоотношений с обучающимися – залог эффективности процесса обучения, в результате которого у будущих учителей географии формируется устойчивая педагогическая позиция. Для получения данных о качестве сформированности проектной компетентности по рефлексивно-оценочному критерию мы использовали: тест Е. В. Евсеевой «Сформирован ли у Вас педагогический такт?» [5], разработанную нами анкету «Самоанализ педагогической деятельности учителя географии» (табл. 1) и применили на практике методику «Исследование гибкости мышления», ранее внедрённую в исследованиях Т. А. Немцовой [6, с. 239]. Согласно данным, приведённым в табл. 1, респондентам предложено оценить важность применения различных приёмов организации работы учителя географии: 1 балл – неважно, 2 балла – маловажно, 3 балла – не очень важно, 4 балла – очень важно; а также частоту применения приёмов работы: 1 балл – не применяю, 2 балла – редко применяю, 3 балла – применяю при необходимости, 4 балла – постоянно применяю.

Полученные результаты анкетирования подчёркивают для респондентов важность таких приёмов организации аудиторной и внеаудиторной работы учителя географии, как обсуждение преодоления затруднения (0% – неважно, 8% – маловажно, 35% – не очень важно, 57% – очень важно), консультация при выполнении домашнего задания (4% – неважно, 17% – маловажно, 39% – не очень важно, 40% – очень важно), работа над типичными ошибками и их корректирование (0% – неважно, 11% – маловажно, 43% – не очень важно, 46% – очень важно), обеспечение мораль-

но-психологического климата в коллективе (0% – неважно, 4% – маловажно, 19% – не очень важно, 77% – очень важно).

По нашему мнению, у испытуемых также повышен интерес к вопросу о необходимости использования в профессиональной деятельности проблемных вопросов и заданий (16% – постоянно применяющие, 35% – применяющие при необходимости, 41% – редко применяющие, 8% – не применяющие), о побуждении к самостоятельному исследованию методом «открытия нового знания» (57% – постоянно применяющие, 34% – применяющие при необходимости, 6% – редко применяющие, 3% – не применяющие), к обсуждению преодоления индивидуальных затруднений (79% – постоянно применяющие, 17% – применяющие при необходимости, 4% – редко применяющие, 0% – не применяющие), об использовании компьютера как средства обучения географии (86% – постоянно применяющие, 12% – применяющие при необходимости, 2% – редко применяющие, 0% – не применяющие) и об организации проектной деятельности в рамках изучения и преподавания географии (25% – постоянно применяющие, 39% – применяющие при необходимости, 24% – редко применяющие, 12% – не применяющие).

Диагностика качества сформированности проектных компетенций по рефлексивно-оценочному критерию в контрольной и экспериментальной группах до проведения эксперимента показала четыре уровня проектной компетентности у будущих учителей географии (табл. 2).

Отметим и то, что в табл. 2 результаты диагностики по рефлексивно-оценочному критерию в контрольной группе не имеют значительных различий по сравнению с данными, полученными в экспериментальной группе. Анализ качества сформированности проектной компетентности в контрольных и экспериментальных группах до проведения эксперимента представлен на рисунке.

Заключение

Тест Е. В. Евсеевой «Сформирован ли у Вас педагогический такт?» [5] помог нам определить четыре стадии развития такта у будущих учителей географии: у 16% студен-

Таблица 1 / Table 1

Самоанализ педагогической деятельности учителя географии
Self-analysis of the pedagogical activity of a geography teacher

№	Приёмы организации аудиторной и внеаудиторной работы учителя географии	Шкала важности приёмов работы				Частота применения приёмов работы			
		Кол-во баллов				Кол-во баллов			
1	Мотивация учебной деятельности	1	2	3	4	1	2	3	4
2	Постановка цели и определение задач	1	2	3	4	1	2	3	4
3	Создание проблемной ситуации	1	2	3	4	1	2	3	4
4	Целеполагание	1	2	3	4	1	2	3	4
5	Обсуждение преодоления затруднений	1	2	3	4	1	2	3	4
6	Актуализация и активизация учебно-познавательного опыта и подготовка к получению новых знаний	1	2	3	4	1	2	3	4
7	Фиксация индивидуальных затруднений	1	2	3	4	1	2	3	4
8	Организация и координация учебной работы	1	2	3	4	1	2	3	4
9	Проведение нетрадиционных уроков	1	2	3	4	1	2	3	4
10	Проведение географических диктантов	1	2	3	4	1	2	3	4
11	Проверка географической номенклатуры	1	2	3	4	1	2	3	4
12	Организация разных форм работы	1	2	3	4	1	2	3	4
13	Побуждение к самостоятельному исследованию методом «открытия нового знания»	1	2	3	4	1	2	3	4
14	Проведение самооценки и самоанализа на уроке географии	1	2	3	4	1	2	3	4
15	Организация дискуссии	1	2	3	4	1	2	3	4
16	Консультация при выполнении домашнего задания	1	2	3	4	1	2	3	4
17	Работа над типичными ошибками и их корректирование	1	2	3	4	1	2	3	4
18	Организация взаимопроверки и самопроверки	1	2	3	4	1	2	3	4
19	Проведение научных исследований	1	2	3	4	1	2	3	4
20	Применение полученных знаний в нестандартной ситуации	1	2	3	4	1	2	3	4
21	Повторение и закрепление материала	1	2	3	4	1	2	3	4
22	Организация самостоятельной разно-уровневой работы	1	2	3	4	1	2	3	4
23	Дифференцированное домашнее задание	1	2	3	4	1	2	3	4
24	Критериальное оценивание аудиторной работы и комментарии к оценкам	1	2	3	4	1	2	3	4
25	Критериальное оценивание домашнего задания и комментарии к оценкам	1	2	3	4	1	2	3	4
26	Внеурочная форма организации изучения географии	1	2	3	4	1	2	3	4
27	Соотнесение цели, задач и результатов обучения	1	2	3	4	1	2	3	4
28	Анализ учебных достижений обучающихся	1	2	3	4	1	2	3	4
29	Сочетание форм контроля и оценивания, обсуждение полученных результатов	1	2	3	4	1	2	3	4
30	Организация публичного выступления с результатами проведённого географического исследования	1	2	3	4	1	2	3	4
31	Использование компьютера как средства обучения	1	2	3	4	1	2	3	4
32	Сочетание методов обучения географии	1	2	3	4	1	2	3	4
33	Подготовка методической разработки урока географии	1	2	3	4	1	2	3	4
34	Применение новейших технологий	1	2	3	4	1	2	3	4
35	Проектная деятельность в рамках изучения географии	1	2	3	4	1	2	3	4
36	Равноправное общение с обучающимися независимо от соотношения их достоинств и недостатков	1	2	3	4	1	2	3	4
37	Отказ от вмешательства в то, что обучающиеся желают выполнять сами	1	2	3	4	1	2	3	4
38	Повышение профессиональной компетентности	1	2	3	4	1	2	3	4
39	Обеспечение морально-психологического климата в коллективе	1	2	3	4	1	2	3	4
40	Защита интересов человека, несправедливо оказавшегося в конфликте	1	2	3	4	1	2	3	4

Таблица 2 / Table 2

**Результаты диагностики качества сформированности проектной компетентности
у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию
в контрольной и экспериментальной группах до проведения эксперимента**
**Results of diagnostics of the quality of project competence development in future geography teachers
according to the reflexive-evaluative criterion in the control and experimental groups before the experiment**

№	Показатель / Методика диагностики качества сформированности проектной компетентности	Уровень	Группа			
			контрольная (120 чел.)		экспериментальная (125 чел.)	
			абсолютное значение	%	абсолютное значение	%
1	Уровень сформированности педагогического такта / Методика Е. В. Евсеевой «Сформирован ли у Вас педагогический такт» [15]	Высокий	22	18	18	14
		Достаточный	47	39	59	48
		Средний	49	41	40	32
		Низкий	2	2	8	6
2	Гибкость мышления / Методика Т. А. Немцовой «Исследование гибкости мышления» [16, с. 239]	Высокий	27	22	33	27
		Достаточный	51	43	49	39
		Средний	35	29	38	30
		Низкий	7	6	5	4
3	Самоанализ педагогической деятельности / Номера ответов*: 1, 2, 3, 9, 10, 11, 13, 19, 20, 21, 22, 27, 31, 32, 33, 34, 35, 38	Высокий	26	22	17	14
		Достаточный	44	37	36	29
		Средний	27	22	40	32
		Низкий	23	19	32	25
4	Готовность создавать систему взаимоотношений между обучающимися и преподавателем / Номера ответов*: 6, 8, 12, 15, 17, 18, 23, 26, 28, 30, 37, 39	Высокий	23	19	24	19
		Достаточный	34	28	40	32
		Средний	35	30	31	25
		Низкий	28	23	30	24
5	Педагогическая позиция / Номера ответов*: 4, 5, 7, 14, 16, 24, 25, 29, 36, 40	Высокий	18	15	25	20
		Достаточный	29	24	34	27
		Средний	42	35	30	24
		Низкий	31	26	36	29

Примечание. * – Ответы см. табл. 1.

Note. * – For answers see Table 1.

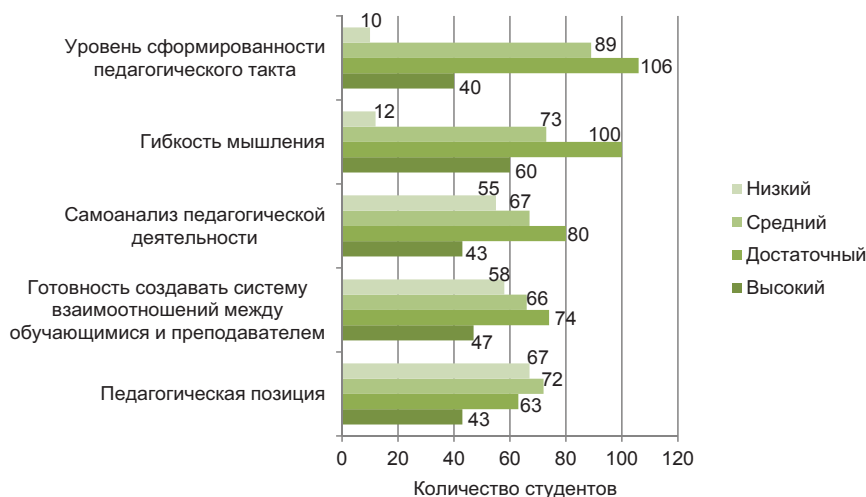

Диаграмма результатов диагностики качества сформированности проектной компетентности у будущих учителей географии по рефлексивно-оценочному критерию в контрольной и экспериментальной группах до проведения эксперимента (цвет онлайн)
Figure. Diagram of the results of diagnostics of the quality of project competence development in future geography teachers according to the reflexive-evaluative criterion in the control and experimental groups before the experiment (color online)

тов педагогический такт оказался устойчивой чертой характера, у 44% опрошенных развитие педагогического такта остаётся на достаточном уровне, у 36% испытуемых педагогический такт занимает средний уровень – при возникновении проблемных ситуаций профессиональная находчивость у обучающихся срабатывает не сразу, а у остальных 4% респондентов данное качество оказалось на низком уровне (возникают большие сложности с решением проблемных ситуаций).

Применение на практике методики Т. А. Немцовой «Изучение гибкости мышления» [6] (в данном случае, расшифровка географических анаграмм за установленный промежуток времени) помогло раскрыть у испытуемых четыре уровня гибкости мышления согласно установленным критериям оценивания: высокий уровень – от 60 до 45 слов (25% опрошенных), достаточный уровень – от 44 до 30 слов (41% опрошенных), средний уровень – от 29 до 15 слов (29% опрошенных), низкий уровень – 14 и менее расшифрованных анаграмм (5% опрошенных).

Высокий уровень самоанализа педагогической деятельности выявлен у 18% испытуемых, достаточный – у 33%, средний – у 27%, низкий – у 22% испытуемых. Готовность создавать систему взаимоотношений на высоком уровне настроено 19% студентов, на достаточном уровне – 30%, на среднем уровне – 27%, на низком уровне – 24% студентов. Педагогическая позиция высоко оценена у 18% опрошенных, достаточно – у 26%, среднюю оценку получили 29% респондентов и низкую оценку – 27% опрошенных.

Полученные ответы респондентов свидетельствуют о том, что для улучшения качества сформированности проектной компетентности будущим учителям географии необходимо повышать уровень педагогического такта и гибкость мышления, систематически проводить самоанализ педагогической деятельности и выражать готовность к системе взаимоотношений, правильно формировать педагогическую позицию.

Список литературы

1. Быстрый Е. Б., Мухаметшина О. В. Рефлексивно-оценочный компонент как составляющая

часть системы формирования коммуникативно-рефлексивной компетенции будущих менеджеров // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 26 (317). С. 124–128. EDN: RPQFDD

2. Маркова С. М., Горлова В. Г. Подготовка педагога профессионального обучения к проектной деятельности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4 (48). С. 21–29. URL: https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6111/pdf_968 (дата обращения: 03.03.2025). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-4-3>, EDN: UBMFXN
3. Проектная деятельность учителя географии. Проектирование урока: учебник для вузов / под ред. В. Г. Суслова. М. : Юрайт, 2025. 322 с. EDN: MTOAGG
4. Трищенко Д. А. О мотивации использования метода проектного обучения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 349–353. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-349-353>, EDN: BOVPUB
5. Евсеева Е. В. Развитие профессионально-личностных качеств педагога. Эмпатия. Педагогический такт. URL: <http://vestnikpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=6477> (дата обращения: 03.03.2025).
6. Немцова Т. А. Эмпирическое исследование готовности обучающихся организации среднего профессионального образования к педагогической деятельности // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы Научной сессии 2022 Борисоглебского филиала Воронежского государственного университета. М. : Перо, 2022. С. 237–242. EDN: KCCVHQ

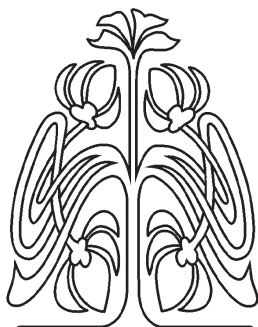
References

1. Bystray E. B., Muhametshina O. V. Reflexive evaluation component as part of a system communicative-reflexive competence of future managers. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 26 (317), pp. 124–128 (in Russian). EDN: RPQFDD
2. Markova S. M., Gorlova V. G. Training of teacher professional learning project activities. *Modern Research of Social Problems*, 2015, no. 4 (48), pp. 21–29. Available at: https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6111/pdf_968 (accessed March 3, 2025) (in Russian). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-4-3>, EDN: UBMFXN
3. Suslov V. G., ed. *Proektnaya deyatel'nost' uchitelya geografii. Proektirovanie uroka* [Project activity of a geography teacher. Designing a lesson]. Moscow, Yurait, 2025. 322 p. (in Russian). EDN: MTOAGG

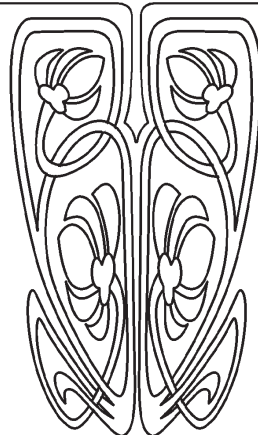

4. Trishchenko D. A. On the motivation for using the project-based learning method. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 349–353 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-349-353>, EDN: BOVPUB
5. Evseeva E. V. *Development of professional and personal qualities of a teacher. Empathy. Pedagogical tact*. Available at: <http://vestnikpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=6477> (accessed March 3, 2025) (in Russian).
6. Nemtsova T. A. An empirical study of the readiness of students of a secondary vocational education organization for pedagogical activity. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya: materialy nauchnoy sessii 2022 Borisoglebskogo filiala Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Current Issues of Modern Science and Education: Proceedings of the Scientific Session 2022 Borisoglebsk branch Voronezh State University]. Moscow, Pero, 2022, pp. 237–242 (in Russian). EDN: KCCVHQ

Поступила в редакцию 22.09.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 22.09.2024; approved after reviewing 07.04.2025; accepted for publication 21.07.2025

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014

Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>

ISSN 1819-7671

25003

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025.
Том 25, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

